

Институт археологии Крыма РАН
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

XI Международный Византийский семинар

ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ИМПЕРИЯ И ПОЛИС

Севастополь – Балаклава
3 – 7 июня 2019 г.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Симферополь

2019

УДК 93
ББК 63.3(0)4

ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ИМПЕРИЯ И ПОЛИС // XI Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава 3–7 июня 2019 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. – Симферополь, 2019. – 268 с.

*Рекомендовано к изданию Ученым Советом ФГБУН
«Институт археологии Крыма РАН»*

Редакционная коллегия:

АЙБАБИН АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, профессор, доктор исторических наук, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь) – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ;

СТЕПАНЕНКО ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Уральского Федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург) – ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ;

МАЙКО ВАДИМ ВЛАДИСЛАВОВИЧ, доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН (Симферополь);

АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, профессор, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий специалист Института всеобщей истории РАН (Москва);

АЛЕКСЕЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, dr. Etudes médiévales (Paris IV – Sorbonne), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН (Симферополь) – СЕКРЕТАРЬ–КООРДИНАТОР

ISBN – 978-5-6042012-8-2

УДК 93
ББК 63.3(0)4

© Коллектив авторов (2019)
© Алексеенко Н.А., составление, оформление (2019)
© Институт археологии Крыма РАН (2019)

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГАНИЗАТОРЫ И ОРГКОМИТЕТ	15
УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ	17
МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ	23
АЙБАБИН А.И. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) ХАЙРЕДИНОВА Э.А. (ИАКр РАН, Симферополь) Исследования центральной части городища на плато Эски-Кермен в 2018 г.	25
АЛЕКСЕЕНКО Н.А. (ИАКр РАН, Симферополь) Византия без Византии: XII в. – Империя «почтенных» нобилей!	33
АРЖАНОВ А.Ю. (ГМЗ ХТ, Севастополь) Средневековые скальные винодельни Гераклейского полуострова	39
АФИНОГЕНОВ Д.Е. (ИВИ РАН, Москва) Кинические философы как образцы для христиан: случай Псевдо-Нонна	47
БАЙБУРТСКИЙ А.М. (ИАКр РАН, Симферополь) Средневековые древности урочища Аязьма вблизи Балаклавы: материалы к археологической карте	49
БАРАБАНОВ Н.Д. (ВолГУ, Волгоград) Волосы – змеи. Семантика образа в византийских филактериях	55

БИБИКОВ М.В. (ИВИ РАН, Москва) Церковные взаимоотношения Византии и Руси в свете дипломатики и сигиллографии	61
БЛИЗНЮК С.В. (МГУ, Москва) Аннексия по-венециански или обретение Кипра венецианской республикой	67
БУТЫРСКИЙ М.Н. (ГМВ, Москва) Надчеканка с образом Спаса Нерукотворного на полутетартероне Мануила I (1143–1180)	73
ВИНОГРАДОВ А.Ю. (НИУ ВШЭ, Москва) Торонумиса Pontica. I. Каламита	75
ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е., ГАНЦЕВ В.К. (ТА КрФУ, Симферополь) Скальные виноградодавильни Мангупа	79
ГИНЬКУТ Н.В. (ГМЗ ХТ, Севастополь) Окрестности Севастополя (Инкераман и Балаклава) в конце XVIII в. глазами английского художника Уильяма Хадфилда	87
ГОЛОФАСТ Л.А. (ИА РАН, Москва) Уникальная находка из Фанагории	95
ДРУЖИНИНА И.А. (ИА РАН, Москва) Плитовые могильники Северо-Восточного Причерноморья второй половины XIII – начала XV вв.	101
ЕВДОКИМОВА А.А. (ИЯз РАН, Москва) Кочующие формулы в византийских надписях и папирусах	107
ИВАНОВ А.В. (ИАКр РАН, Симферополь) Об антропологическом типе «средневековой народности горного Крыма»	111

ИОЖИЦА Д.В. (ИАКр РАН, Симферополь) Архитектурно-археологическая реконструкция «базилики Маркевича»	115
КАЗАНСКИЙ М.М. (SNRS, UMR 8167, Paris, France) "Степное" оружие из поздних слоев монастыря Св. Симеона Столпника (Кал'ат - Сем'ан) в Северной Сирии	121
КАЛИНИНА Т.М. (ИВИ РАН, Москва) Острова Средиземного моря в труде Ибн Хаукала (X в.)	127
КИРИЛКО В.П. (ИАКр РАН, Симферополь) Архитектурно-конструктивные и декоративные детали из раскопок храма на алуштинском могильнике	131
КРАМАРОВСКИЙ М.Г. (ГЭ, Санкт-Петербург) СЕЙДАЛИЕВ Э.И. (КИПУ, ИАКр РАН, Симферополь) Золотоордынский город в юго-восточном Крыму и его округа: постановка проблемы	137
КУЩ Т.В. (УрФУ, Екатеринбург) Какого рабства опасались византийцы. Коллективные страхи горожан во время турецкой осады	141
КЪНЕВ Н., РАБОВЯНОВ Д. (ВТУ КМ, Велико Търново) Византийская свинцовая печать из района Казанлыка (Болгария)	143
МАНАЕВ А.Ю. (ТА КрФУ, Симферополь) ТУРОВА Н.П. (ИАКр РАН, Симферополь) Археологические исследования на посаде крепости Горзувиты в 2017 г.	147
МАСТЫКОВА А.В. (ИА РАН, Москва) Предметы христианского культа из раннесредневекового некрополя Горзувиты	155

НАУМЕНКО В.Е. (ТА КрФУ, Симферополь) ДУШЕНКО А.А. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) Предметы вооружения из раскопок княжеского дворца мангульского городища (предварительный обзор коллекции)	159
ОШАРИНА О.В. (ГЭ, Санкт-Петербург) Кто стоит между львами? К интерпретации образов святых на евлогиях из Египта	169
РОМЕНСКИЙ А.А. (ГМЗ ХТ, Севастополь) Болеслав Храбрый, Святополк Окаянный и Византия: несколько комментариев к «Хронике» Титмара Мерзебургского	175
СЕДИКОВА Л.В. (ГМЗ ХТ, Севастополь) К вопросу о рыболовном промысле в Херсоне в XIII в.	179
СИДОРЕНКО В.А. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) Новые данные для изучения техники литья херсоно-византийских монет	181
СТЕПАНЕНКО В.П. (УрФУ, Екатеринбург) Эллинистические истоки христианской иконографии: бронзовая тессера из собрания Эрмитажа	187
СТЕПАНОВА Е.В. (ГЭ, Санкт-Петербург) Печати епархов Константинополя VI–X вв.	191
ТЕСЛЕНКО И.Б. (ИАКр РАН, Симферополь) АЛЕКСАНДРОВА И.А. (АИКМ, Алушта) Керамика византийского круга палеологовского времени из раскопок городища Паргенины 1985–1988 гг. (из коллекции Алуштинского историко-краеведческого музея).....	193
ТЕСЛЕНКО И.Б., МАЙКО В.В. (ИАКр РАН, Симферополь) «Elaborate Incised Ware» византийского круга из Судака и его окрестностей	199

ТОЛМАЧЕВА Е.Г. (ЦЕИ РАН, Москва) «Красавицы и чудовища» на египетских ранневизантийских тканях: к интерпретации морских сюжетов с nereидами и гиппокампами (по материалам некрополя Дейр аль-Банат (Фаюм))	209
ТУРОВА Н.П. (ИАКр РАН, Симферополь) Средневековые храмы Главной гряды Крымских гор (материалы к археологической карте муниципальных округов Ялты и Алушты)	215
ХАЙРЕДИНОВА Э.А. (ИАКр РАН, Симферополь) Византийские серьги-лунницы VII–IX вв. из Крыма	221
CHARALAMPAKIS P. (GSSF, Athens, Greece) MALATRAS Chr. (UC, Cologne, Germany) The Seals of Officials in Seleukeia	227
ХРАПУНОВ Н.И. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) Археологические памятники Крыма в описаниях и на рисунках Реджинальда Хебера и Роберта-Уильяма Хея	233
ЦУКЕРМАН К. (SNRS, SHCByz, Paris, France) Закат византийской власти в Крыму: полемический отклик	237
ЧХАИДЗЕ В.Н. (ИА РАН, Москва) Ранневизантийские пломбы и тессера из Тамани	245
ШАРОВ О.В. (ИА РАН, Москва) К атрибуции золотого браслета из некрополя Фанагории	247
ЮРОЧКИН В.Ю. (ИАКр РАН, Симферополь) «Норманнская теория» и «Готский вопрос»	257
ЯШАЕВА Т.Ю. (ГМЗ ХТ, Севастополь) Энколпионы балкано-дунайского типа из раскопок византийского Херсона	263

CONTENTS

CONFERENCE ORGANIZERS	15
LIST OF PARTICIPANTS	17
ABSTRACTS OF PRESENTATIONS	23
AIBABIN A.I., KHAIREДИNOVA E.A. (Simferopol) The 2018 Researches in the Central Area of the Ancient Town atop Eski-Kermen Plateau	25
ALEKSEIENKO N.A. (Simferopol) Byzantium without Byzantium: The Twelfth Century, or the Empire of Venerable Nobles	33
ARZHANOV A.Yu. (Sevastopol) Mediaeval Wineries in the Gerakleiskii Peninsula	39
AFINOGENOV D.E. (Moscow) Cynic Philosophers as the Models for Christians: The Case of Pseudo-Nonnos	47
BAYBURTSKII A.M. (Simferopol) Mediaeval Sites in the Aiazma Area near Balaklava: The Materials for the Archaeological Map	49
BARABANOV N. D. (Volgograd) The Snake Hair: Symbols and Semantics of Byzantine Phylacteries	55
BIBIKOV M.V. (Moscow) The Church Relations between Byzantium and Rus' in the Light of Diplomatics and Sigillography	61

BLIZNYUK S.V. (Moscow) The Venetian-Style Annexation, or the Appropriation of Cyprus by the Venetian Republic	67
BUTYRSKII M.N. (Moscow) The Countermark Featuring the Savior Acheiropoietos on the Half-Tetarteron of Manuel I (1143–1180)	73
VINOGRADOV A.Yu. (Moscow) Toponymica Pontica. I. Kalamita	75
GERTSEN A.G., NAUMENKOV. E., GARTSEV V.K. (Simferopol) The Rock-Cut Wine Presses at Mangup	79
GINKUT N.V. (Sevastopol) The Environs of Sevastopol (Inkerman and Balaklava) in the Late Eighteenth Century through the Eyes of English Artist William Hadfield	87
GOLOFAST L.A. (Moscow) A Unique Find in Phanagoreia	95
DRUZHININA I.A. (Moscow) Slabbed Cemeteries from the Second Half Thirteenth to the Early Fifteenth Century in the North-Eastern Black Sea Area	101
EVDOKIMOVA A.A. (Moscow) The Roving Formulae of Byzantine Inscriptions and Papyri	107
IVANOV A.V. (Simferopol) On the Palaeoanthropological Type of the “Mediaeval People of the Mountainous Crimea”	111
IOZHITSA D.V. (Simferopol) An Architectural and Archaeological Reconstruction of the Markevich Basilica	115
KAZANSKI M. (Paris) The “Steppe” Weapons in the Latest Layers of St. Simeon the Stylite’s Monastery (Qal’at – Sem’an) in Northern Syria	121

KALININA T.M. (Moscow) Mediterranean Islands according to Ibn Ḥawqal’s Work (Tenth Century)	127
KIRILKO V.P. (Simferopol) Architectural-Structural and Decorative Members Excavated in the Church at the Cemetery of Alushta	131
KRAMAROVSKII M.G. (St. Petersburg), SEIDALIEV E.I. (Simferopol) The Golden Horde Town in the South-Eastern Crimea and Its Environs: The Problem Statement	137
KUSHCH T.V. (Yekaterinburg) Which Slavery the Byzantines Were Afraid of. The Townspeople’s Collective Fears under the Ottoman Siege	141
KANEV N., RABOIANOV D. (Veliko Tarnovo) A Byzantine Lead Seal from the Vicinity of Kazanlak (Bulgaria)	143
MANAEV A.Yu., TUROVA N.P. (Simferopol) 2017 Archaeological Research at the Extramural Area of the Fortress of Gorzoubitai	147
MASTYKOVA A.V. (Moscow) The Christian Cult Artefacts in the Early Mediaeval Cemetery of the Ancient Town of Gorzoubitai	155
NAUMENKO V.E., DUSHENKO A.A. (Simferopol) The Weapons Excavated at the Princes’ Palace in the Ancient Town of Mangup (A Preliminary Report)	159
OSHARINA O.V. (St. Petersburg) Who Is Standing between the Lions? For the Interpretation of Images of Saints on Eulogiai from Egypt	169
ROMENSKII A.A. (Sevastopol) Boleslaw the Brave, Sviatopolk the Cursed, and Byzantium: A Few Commentaries to Thietmar of Merseburg’s “Chronicle”	175

SEDIKOVA L.V. (Sevastopol) For the Question of the Fishing Industry in Thirteenth-Century Cherson	179
SIDORENKO V.A. (Simferopol) New Data for the Researches in the Casting Technology of Cherson-Byzantine Coins	181
STEPANENKO V.P. (Yekaterinburg) Hellenistic Origins of Christian Iconography: A Bronze Tessera Residing in the Hermitage Museum	187
STEPANOVA E. V. (St. Petersburg) The seals of the Eparchoi of Constantinople from the Sixth to Tenth Century	191
TESLENKO I.B. (Simferopol), ALEKSANDROVA I.A. (Alushta) The Byzantine-Range Pottery from the Palaiologean Period Excavated at the Ancient Town of Parthenitai in 1985–1988 (Residing in the Alushta Historical and Regional Museum)	193
TESLENKO I.B., MAIKO V.V. (Simferopol) The Byzantine-Range “Elaborate Incised Ware” in Sudak and Its Environs	199
TOLMACHEVA E.G. (Moscow) “The Beauties and the Beasts” on Early Byzantine Textiles in Egypt: For the Interpretation of Nautical Scenes with the Nereids and Hippocampi (According to the Materials of the Cemetery of Deir el-Banat, Faiyum)	209
TUROVA N.P. (Simferopol) Mediaeval Churches on the Main Range of the Crimean Mountains (The Materials for the Archaeological Map of Municipal Districts of Yalta and Alushta)	215

KHAIREDINOVA E.A. (Simferopol) Byzantine Lunula Earrings from the Seventh to Ninth Century in the Crimea	221
CHARALAMPAKIS P. (Athens), MALATRAS Chr. (Cologne) The Seals of Officials in Seleukeia	227
KHRAPUNOV N.I. (Simferopol) Archaeological Sites in the Crimea in Descriptions and Drawings by Reginald Heber and Robert William Hay	233
ZUCKERMAN C. (Paris) The Decline of the Byzantine Rule in the Crimea: A Polemical Response	237
CHKHAIDZE V.N. (Moscow) Early Byzantine Custom Seals and a Tessera from Taman	245
SHAROV O.V. (St. Petersburg) For the Attribution of a Gold Bracelet from the Cemetery of Phanagoreia	247
YUROCHKIN V. Yu. (Simferopol) The “Normanist Theory” and the “Gothic Question”	257
YASHAEVA T. Yu. (Sevastopol) Reliquary Crosses of the Balkan-Danubian Type Excavated in Byzantine Cherson	263

ОРГАНИЗАТОРЫ

**Институт археологии Крыма Российской Академии Наук
(Симферополь)**

**Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)**

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

АЙБАБИН АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, профессор, доктор исторических наук, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь);

БИБИКОВ МИХАИЛ ВАДИМОВИЧ, профессор, доктор исторических наук, руководитель Центра истории Византии и восточно-христианской культуры Института Всеобщей истории РАН (Москва);

СЕДИКОВА ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВНА, кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

КООРДИНАТОР:

АЛЕКСЕЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, dr. Etudes Médiévales (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (Симферополь)

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА:

АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ,

профессор, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий специалист Института Всеобщей истории РАН (Москва);

ЙОРДАНОВ ИВАН,

профессор, доктор исторических наук, директор на Научен център по византистика Шуменски университет «Епископ Константин Преславски» (Шумен, България);

КАЗАНСКИЙ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ,

docteur habilité, directeur de Recherches de Centre national de la recherche scientifique (SNRS) – UMR 8167 «Orient et Méditerranée» (Caen, France) et Centre d'histoire et civilisation de Byzance, Collège de France (Paris, France);

МАЙКО ВАДИМ ВЛАДИСЛАВОВИЧ,

доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН (Симферополь);

СТЕПАНЕНКО ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ,

профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского Федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург);

ЧХАИДЗЕ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (Москва)

УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

АЙБАБИН Александр Ильич, д.и.н., проф.

НИЦ истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета
им. В.И. Вернадского (Симферополь)
E-mail: aleksandraibabin@rambler.ru

АЛЕКСАНДРОВА Инна Алексеевна

Алуштинский историко-краеведческий музей
Центрального музея Тарвиды (Алушта)
E-mail: petrova_23@mail.ru

АЛЕКСЕЕНКО Николой Александрович,

dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne), к.и.н.
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
E-mail: chembalo@ yandex.ru

АРЖАНОВ Алексей Юрьевич

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
E-mail: aleksar71@gmail.com

АФИНОГЕНОВ Дмитрий Евгеньевич, д.фил.н., к.и.н., проф.

Институт всеобщей истории РАН (Москва)
E-mail: logotheta@mail.ru

БАЙБУРТСКИЙ Аркадий Михайлович

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
E-mail: surbhachark@rambler.ru

БАРАБАНОВ Николай Дмитриевич, к.и.н., доц.

Волгоградский государственный университет (Волгоград)
E-mail: byzbar@mail.ru

БИБИКОВ Михаил Вадимович, д.и.н., проф.

Институт всеобщей истории РАН (Москва)
E-mail: mbibikov@mail.ru

БЛИЗНЮК Светлана Владимировна, д.и.н., доц.

Московский Государственный Университет

им. М.В. Ломоносова (Москва)

E-mail: svbliznyuk@mail.ru

БУТЫРСКИЙ Михаил Николаевич

Государственный музей Востока (Москва)

E-mail: chalkites@mail.ru

ВИНОГРАДОВ Андрей Юрьевич, к.и.н.

Научно-исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (Москва)

E-mail: ampelios@gmail.com

ГАНЦЕВ Валентин Константинович

Таврическая академия Крымского Федерального университета

им. В.И. Вернадского (Симферополь)

E-mail: valentin.gancev@mail.ru

ГЕРЦЕН Александр Германович, к.и.н., проф.

Таврическая академия Крымского Федерального университета

им. В.И. Вернадского (Симферополь)

E-mail: gertsenag@yandex.ru

ГИНЬКУТ Наталия Витальевна

Государственный историко-археологический

музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

E-mail: n-ginkut@yandex.ru

ГОЛОФАСТ Лариса Алексеевна, к.и.н.

Институт археологии РАН (Москва)

E-mail: larisa_golofast@mail.ru

ДРУЖИНИНА Инга Александровна, к.и.н.

Институт археологии РАН (Москва)

E-mail: inga_druzh@mail.ru

ДУШЕНКО Антон Анатольевич, к.и.н.

НИЦ истории и археологии Крыма Крымского

Федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

E-mail: tnu.dushenko@mail.ru

ЕВДОКИМОВА Александра Андреевна, к.и.н.

Институт языкознания РАН (Москва)

E-mail: arochka@gmail.com

ИВАНОВ Алексей Валерьевич, к.и.н.

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

E-mail: ivav@yandex.ru

ИОЖИЦА Дарья Васильевна

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

E-mail: arhi-ari@mail.ru

КАЗАНСКИЙ Михаил Михайлович, dr habilité, prof.

Le Centre national de la recherche scientifique (SNRS),

UMR 8167 «Orient et Méditerranée» (Paris, France)

E-mail: michel.kazanski53@gmail.com

КАЛИНИНА Татьяна Михайловна, к.и.н.

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

E-mail: tmka@yandex.ru

КИРИЛКО Владимир Петрович, к.и.н.

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

E-mail: kir.vlad33@gmail.com

КРАМАРОВСКИЙ Марк Григорьевич, д.и.н.

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

E-mail: solkhat@hermitage.ru

КЪНЕВ Николай, dr., доц.

Великотърновски университет «Св. св. Кирил и Методий»

(Велико Търново, България)

E-mail: kan-nikolay@yandex.ru

КУЩ Татьяна Викторовна, д.и.н., доц.

Уральский Федеральный университет

им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

E-mail: tkushch@yandex.ru

МАЙКО Вадим Владиславович, д.и.н.
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
E-mail: vadimmaiko@ukr.net

MALATRAS Christos, dr.
University of Cologne (Cologne, Germany)
E-mail: chrkak@hotmail.com

МАНАЕВ Александр Юрьевич, к.и.н.
Таврическая академия Крымского Федерального университета
им. В.И. Вернадского (Симферополь)
E-mail: manaev_1977@mail.ru

МАСТЫКОВА Анна Владимировна, д.и.н.
Институт археологии РАН (Москва)
E-mail: amastykova@mail.ru

НАУМЕНКО Валерий Евгеньевич, к.и.н., доц.
Таврическая академия Крымского Федерального университета
им. В.И. Вернадского (Симферополь)
E-mail: byzance@rambler.ru

ОШАРИНА Ольга Владимировна, кандидат искусствоведения
Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
E-mail: oosharina@yandex.ru

РАБОВЯНОВ Деян, dr., доц.
Национален археологически институт с музей
към Българска академия на науките – филиал Велико Търново
(Велико Търново, България)
E-mail: rabovyanov@gmail.com

РОМЕНСКИЙ Александр Александрович, к.и.н.
Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
E-mail: pergamen-romen@mail.ru

СЕДИКОВА Лариса Васильевна, к.и.н.
Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
E-mail: sedikova7@yahoo.com

СЕЙДАЛИЕВ Эмиль Исаевич, к.и.н.
Крымский инженерно-педагогический университет»,
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
E-mail: codexcummanicus@gmail.com

СИДОРЕНКО Валерий Анатольевич, к.и.н.
НИЦ истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета
им. В.И. Вернадского (Симферополь)
E-mail: crimeastor@rambler.ru

СТЕПАНЕНКО Валерий Павлович, д.и.н., проф.
Уральский Федеральный университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)
E-mail: v.stepanenko49@mail.ru

СТЕПАНОВА Елена Владимировна, к.и.н.
Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
E-mail: stepanovaespb@yandex.ru

ТЕСЛЕНКО Ирина Борисовна, к.и.н.
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
E-mail: i_teslenko@mail.ru

ТОЛМАЧЁВА Елена Георгиевна, к.и.н.
Центр египтологических исследований РАН (Москва)
E-mail: etolma@mail.ru

ТУРОВА Наталия Петровна
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
E-mail: turova.n@gmail.com

ХАЙРЕДИНОВА Эльзара Айдеровна, к.и.н.
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
E-mail: khairedinovaz@rambler.ru

CHARALAMPAKIS Pantelis, dr.
Greek State Scholarships Foundation (Athens, Greece)
E-mail: pantelcha@gmail.com

ХРАПУНОВ Никита Игоревич, к.и.н.

НИИЦ истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета
им. В.И. Вернадского (Симферополь)
E-mail: khrapunovn@gmail.com

ЦУКЕРМАН Константин, dr habilité, prof.

École Pratique des Hautes Études,
Université de recherche Paris Sciences et Lettres
UMR 8167 Orient & Méditerranée – Monde byzantin (Paris)
E-mail: constantin.zuckerman@college-de-france.fr

ЧХАИДЗЕ Виктор Николаевич, к.и.н.

Институт археологии РАН (Москва)
E-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

ШАРОВ Олег Владимирович, д.и.н.

Институт археологии РАН (Москва)
E-mail: olegsharov@mail.ru

ЮРОЧКИН Владислав Юрьевич, к.и.н.

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
E-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru

ЯШАЕВА Татьяна Юсуфовна

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
E-mail: tatjus2@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ докладов и сообщений

А.И. АЙБАБИН

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

Э.А. ХАЙРЕДИНОВА

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН В 2018 Г.¹

Городище Эски-Кермен расположено на плоской вершине столовой известняковой горы в Бахчисарайском районе, в 6 км южнее с. Красный Мак. Город был уничтожен в 1299 г. Ногаем [Айбабин 2014; Айбабин 2014а; Айбабин, Хайрединова 2011]. Руины от единовременно погибших в пожаре построек на протяжении многих веков простояли почти нетронутыми, в результате чего Эски-Кермен стал уникальным археологическим объектом. На всей поверхности плато сохранился единый слой разрушения, представляющий собой закрытый комплекс, дающий материал для изучения различных аспектов жизни средневекового города.

В 1928–1934, 1936–1937 гг. в процессе широкомасштабных раскопок Эски-Керменской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Государственного исторического музея (в 1928–1930 гг. руководитель Ф.И. Шмидт, в 1931–1937 гг. – Н.И. Репников; в 1933 г. работы велись совместно с музеем Филадельфийского университета) открыты оборонительные сооружения, базилика, два жилых квартала около восточного края плато и отдельные участки некрополя на юго-восточном склоне плато [Материалы 1935]. На склоне южного края плато зачищена вырубленная в скале дорога, ведущая к главным воротам и несколько

---

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Средневековый город на плато Эски-Кермен в Горном Крыму» №18-09-00314.

пещерных храмов. По словам Н.И. Репникова, на плато Эски-Кермен находился значительный для средневековья город с улицами, домами, общественными зданиями и водопроводом [Репников 1932].

Несмотря на многолетние раскопки, Эски-Кермен археологически изучен недостаточно. В ходе раскопок разных лет открыто всего около 10% от общей площади памятника. Его топография изучена не полностью. Административный центр города, который, как предполагается, должен находиться около главной базилики, раскопанной в 1930 г., ранее не исследовался.

С целью поиска административного центра города с общественными постройками и изучения истории и различных аспектов жизнедеятельности средневекового города на плато Эски-Кермен в 2018 г. в центральной части городища проведены археологические исследования. Напротив южного угла притвора базилики заложен раскоп 13/2018 размером 5,0 x 10,0 м, ориентированный длинным бортом с востока на запад, с небольшим отклонением по линии ЮЗ-СВ. В раскоп включен участок раскопа 1930 г. (часть площади, прилегающей к притвору базилики) и часть насыпи, образованной отвалами из раскопок 1930 г. (Рис. 1).

На исследованном участке общей площадью 55 кв. м под отвалами 1930 г. выявлены культурные слои, относящиеся к двум периодам жизнедеятельности на плато Эски-Кермен, названными нами поздним и ранним горизонтами. К позднему горизонту отнесен участок некрополя с плитовыми могилами, а к раннему горизонту – заполненные слоем разрушения и пожара строительные остатки помещения 1, а также руины стены, отгораживавшей жилой квартал от площади перед базиликой (Рис. 2).

Поздний горизонт. В северо-западном углу раскопа, на глубине 0,3 м от современной дневной поверхности найдена могила 1/2018 г. Трапециевидная в плане яма ориентирована длинной осью с северо-востока на юго-запад. Борты ямы выложены шестью и перекрыты тремя прямоугольными, плотно подогнанными друг к другу тщательно отесанными плитами из известняка. На дне могилы зачищены остатки погребений женщины и ребенка, захороненных вытянуто на спине, головой на юго-запад.

В погребении женщины обнаружены: в области верхней части грудной клетки – семь бронзовых, покрытых позолотой полых сферических пуговиц с петелькой для пришивания, в области пояса – бронзовый литой перстень с резным декором на щитке, вдоль правой плечевой кости – железные ножницы.

Детское погребение безынвентарное. Плитовая могила впущена в слой разрушения раннего горизонта и перерезает одну из стен помещения 1, погибшего в пожаре конца XIII в. (Рис. 2).

Ранний горизонт. Открыта северо-восточная часть помещения 1, ограниченного стенами 1 и 2. Исследованная площадь помещения составляет 13,32 кв. м. Пол помещения – скальный, понижающийся на 0,15–0,2 м к северу (к стене 1). Стены двухпанцирные, с забутовкой из мелкого камня, обломков черепицы и грунта, возведены в перевязь на скале. Панцири сложены на грязевом растворе из крупных камней со следами обработки, с соблюдением порядковки. Сохранилось три ряда кладки. Вдоль северо-восточного панциря стены 2, с внешней стороны помещения 1 выявлены остатки однопанцирной стены 3. *In situ* сохранились два мощных известняковых блока длиной 1,57 м и 1,6 м, толщиной 0,3–0,34 м из нижнего ряда кладки. К востоку от них зачищены хорошо отшлифованные блоки от семи рядов рухнувшей стены 3. Блоки лежали лицевой частью вниз и располагались рядами, сохраняя порядок кладки. Стена 3, ориентированная с юго-востока на северо-запад, ограничивала с запада небольшую площадь перед входом в базилику.

Помещение заполнено слоем разрушения и пожара мощностью от 0,7 до 0,9 м. Он представляет собой развал камней от разрушенных стен, перекрывающий лежащий на скальном полу тёмный золистый грунт.

В северо-западной части помещения, около стены 1, в скальном полу помещения 1 вырублено два хранилища. *Хранилище 1* расположено в северном углу помещения. Оно прямоугольное в плане, с закругленными углами, ориентировано длинным бортом с юго-востока на северо-запад, с прямыми, сужающимися ко дну бортами. Размеры хранилища: 1,4 x 1,6 м, глубина – 0,63–0,76 м. На плоском дне вырублено пять усечено-конических ям, предназначавшихся для установки пифосов или плоскодонных амфор. *Хранилище 2* расположено вдоль юго-западного борта хранилища 1, на расстоянии 0,16–0,24 м от последнего. Оно трапециевидное в плане, с закругленными углами, ориентировано длинным бортом с юго-востока на северо-запад, с прямыми бортами. Размеры: 1,5 x 1,8 м, глубина – 0,94–1,12 м. Вдоль северо-западного борта хранилища 2 вырублены две усечено-конические ямы под пифосы.

В засыпи помещения 1 и в заполнении хранилищ выявлены однотипные амфоры, поливные и стеклянные сосуды. Обломки одних и тех же сосудов залегали как в засыпи помещения 1, так и в заполнении

нижней части обоих хранилищ. Таким образом, заполнение хранилищ и засыпь помещения 1 относятся к единому слою разрушения и пожара. Он насыщен обломками керамики и стекла со следами пребывания в сильном огне. Черепок некоторых керамических фрагментов вторично пережжён, полива оплавлена. Для датировки слоя разрушения и пожара показательны находки амфор классов 52/ХК-95; 45/ХК-95 (Günseinin IV); 48/ХК-95 (Günseinin III), относящихся к XII–XIV вв., поливных белоглиняных сосудов группы GWW IV XII–XIII вв., красноглиняных поливных сосудов группы дериватов «Зевксипа» (далее ZW) второй половины XIII в., красноглиняных поливных сосудов с подглазурной росписью марганцем, относящихся к керамике византийского круга первой четверти XIV в., а также сирийских парадных стеклянных кубков второй половины XIII – первой половины XIV в². Аналогичный набор керамических находок присутствует в слоях разрушения и на других раскопанных участках городища [Айбабин 2014; Айбабин 2014а; Айбабин, Хайрединова 2011].

Проведённые в 2018 г. археологические исследования позволяют уточнить планировку центральной части средневекового города на плато Эски-Кермен и высказать некоторые наблюдения о быте и повседневной жизни его обитателей.

В центральной части города располагалась главная базилика, перед которой была устроена небольшая площадь, шириной около 5,0 м. В последний период существования города площадь с западной стороны ограничивалась стеной, сложенной из хорошо отшлифованных известняковых блоков. За стеной располагались жилые кварталы с усадьбами, крытыми черепицей. Скорее всего, по планировке усадьбы центральной части города не сильно отличались от жилых построек из других городских кварталов. Открытое в 2018 г. году помещение первого этажа, как и во всех, исследованных ранее усадьбах на городище, было хозяйственным – в его скальном полу вырублены хранилища, в которых устанавливались пифосы и амфоры с зерном и другими продуктами. Окна находившейся перед базиликой усадьбы были застеклены, о чём свидетельствуют многочисленные находки фрагментов оконного стекла. Отметим, что в кварталах на других участках городища оконные стекла не выявлены.

Наблюдается существенная разница в ассортименте столовой посуды. В исследованных ранее кварталах находки поливной посуды немногочисленны. Тогда как только в одном помещении центральной

---

² Массовый керамический материал определен И.Б. Тесленко, старшим научным сотрудником отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН.

усадыбы найдено сразу несколько битых парадных сервизов поливной посуды, включавших кувшины, блюда и чаши. Еще одна особенность исследованного участка – это обилие фрагментов разнообразных стеклянных сосудов, среди которых выделяются импортные, скорее всего, сирийские пиршественные кубки, богато украшенные разноцветными эмалями, растительным орнаментом, изображениями фантастических существ и арабскими надписями.

Таким образом, можно заключить, что открытая в 2018 г. перед базиликой усадьба принадлежала семье с высоким имущественным и социальным статусом. Вместе с другими постройками на плато она погибла в мощном пожаре в конце XIII в. во время набега войск Ногая. Позже усадьба не восстанавливалась. Участок с оставшимися от усадьбы руинами в начале XIV в. разровняли и стали использовать в качестве храмового некрополя. Отметим, что в конце XIII–XIV вв. рядом с базиликой функционировала небольшая часовня.

Библиография

- АЙБАБИН А.И. О дате разрушения городища на плато Эски-Кермен // АДСВ. – Екатеринбург, 2014. Вып. 42. С. 215–227.
- АЙБАБИН А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. – Симферополь, 2014а. Вып. XIX. С. 240–277.
- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. – Симферополь, 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
- Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1935 гг. // ИГАИМК. – 1935. Вып. 117.
- РЕПНИКОВ Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // «Готский сборник». ИГАИМК. – 1932. Вып. XII. 1–8. С. 107–152.

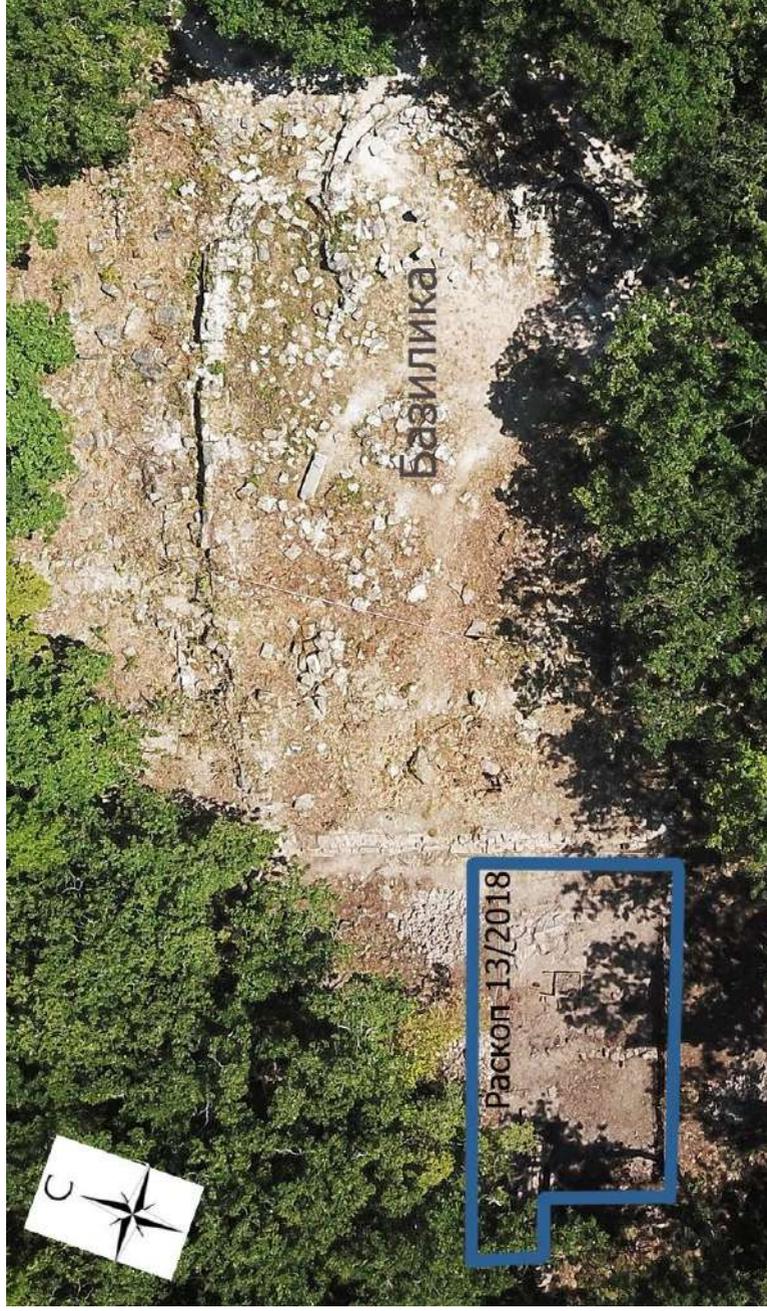

Рис. 1. Городище на плато Эски-Кермен.
Раскол 13/2018 г. около базилики. Вид сверху.

Рис. 2. Городище на плато Эски-Кермен.
Раскоп 13/2018 г. около базилики. Общий вид с юго-востока.

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

ВИЗАНТИЯ БЕЗ ВИЗАНТИИ:

XII в. – Империя «почтенных» нобилей!

В последнее время вопрос о существовании византийской власти в Таврике в постфемный период оказался в зоне наиболее пристального внимания современных исследователей [см.: Zuckerman 2017; Степаненко 2018; Чхаидзе 2018]. Недостаточность источниковой базы породила ожесточённые споры и дискуссии, в том числе и о самой структуре имперской администрации. В.П. Степаненко, ссылаясь на свидетельства Никиты Хониата, отмечает, что «рудименты фемной организации, по крайней мере в пограничье, сохранялись до 70-х гг. XII в.» и высказывает предположение, что реформация управления привела к появлению в регионах частных администраций и, соответственно, постепенному захвату последними государственных функций на местах [Степаненко 2018: 714].

Кризис фемного строя второй половины XI столетия и резкое сокращение подвластной Византии территории ко времени правления Алексея I Комнина (1081–1118), а также начавшаяся эра крестовых походов, судя по всему, привели к существенному изменению системы государственного управления на оставшейся подвластной империи территории.

Судить о сложившейся к рубежу XI/XII вв. и существовавшей в XII столетии византийской административной системе мы можем только из данных источников, отражающих историю преимущественно западных областей империи. Как известно, одними из самых беспристрастных источников являются памятники сфрагистики.

Как показывают печати, во второй половине XI в. на многих территориях ещё существует достаточно разнообразный состав чиновников, иллюстрирующий сохранение в империи развитого государственного уклада. Однако к 1080–1090-м гг. бюрократический аппарат империи, похоже, сокращается, и теперь лишь для отдельных

территорий можно назвать буллы служащих, сохранивших государственные функции: например, магистра Христофора Копсина, великого хартулярия и анаграфевса Коса или монаха Георгия Ксира, панипертима, дьяконофилакса и анаграфевса Волерона, Стримона и Фессалоники [Oikonomides 1986: 99, 100 nr. 103, 104].

Но всё-таки, в основном, моливдовулы конца XI в. представляют только чиновников первой категории рангов – военных администраторов и губернаторов провинций, таких, как дука Диррахия, куропалат Георгий Палеолог [Nesbitt, Oikonomides 1991: 41, nr. 12.2]; дука Пафлагонии, новелиссим Феодор Комнин; претор Волерона, Стримона и Фессалоники, куропалат Иоанн Радин; претор Фракии и Македонии, новелиссим Николай Мерментопул [Campagnolo-Pothitou, Cheynet 2016: 139, 171, 181, nr. 117, 149, 159]; дука Болгар, протопроедр Никита Карикис [Wassiliou, Seibt 2004: 242, Nr. 250] и целый ряд других.

На рубеже XI/XII вв. члены клана Комнинов – севаст Алексей и сын севастократора Иоанн поочерёдно занимают пост дуки Диррахия [Nesbitt, Oikonomides 1991: 40, nr. 12.1, 12.3], и, вероятно, последний, позже, получив титул севаста, становится дукой Скопии [Nesbitt, Oikonomides 1991: 98, nr. 30.1]. Надо полагать, что в дальнейшем должность дуки уступает место *преторам* провинций. Здесь мы можем назвать печати преторов Пелопоннеса и Эллады куропалатов Михаила и Григория Каматира [Nesbitt, Oikonomides 1994: 37, 39, nr. 8.33, 8.39]. В то же время известны и печати первой половины – середины XII в., принадлежавшие Иосифу Вальсамону, дуке Фив и Эврипоса [Wassiliou, Seibt 2004: 245. Nr. 252], и Никите Даватину, магистру и катепану [Campagnolo-Pothitou, Cheynet 2016: 103, nr. 85].

Судя по моливдовулам, чиновники второй категории рангов в имперской практике становятся достаточно большой редкостью. С началом XII столетия исчезают печати представителей ведомств главного логофета или ἐπί τῶν οἰκεῖακῶν, равно как и многих других имперских служб. Впрочем, известны печати середины – второй половины XII в. логофетов дрома Иоанна Каматира и Михаила (Агиофеодорита) [Campagnolo-Pothitou, Cheynet 2016: 77, 78, nr. 58, 59]. Но всё-таки для центральной администрации и канцелярии мы уже не видим булл прежних столоблюстителей из многочисленных столичных служб и ведомств. Лишь в редких случаях можно назвать отдельных представителей столичной бюрократии, как, например, грамматика (секретаря) Евматия Филокала или ἐπί τοῦ κανικλίου (хранителя императорской чернильницы) Михаила Агиофеодорита [Jordanov 2009: 270, 279, nr. 738, 762]; дикеедота (председателя одного

из высших судов столицы) Феодора Пантехниса или протонотария Варду [Campanolo-Pothitou, Cheynet 2016: 50, 94, nr. 32, 76].

Не исключено, что столичными службами стали руководить предводители клана Комнинов и других важных аристократических семейств, которым, надо полагать, было достаточно упоминания на печатях их высоких придворных рангов и принадлежности к царствующему дому, а многие функции финансового контроля, фиска и других государственного служб перешли к руководителям провинций. Впрочем, и здесь можно назвать моливдовулы конца XI – начала XII вв., показывающие наличие отдельных чиновничьих постов: к примеру, Никиты Анзы, хартулярия Запада [Nesbitt, Oikonomides 1991: 5, nr. 1.8] и вестарха Михаила Антипапаса, проноита Афин [Stavrakos 2000: 77, 78, Nr. 22].

Надо полагать, что именно вопросы соблюдения имперского земельного законодательства дольше других находились под специальным государственным контролем.

На рубеже XI/XII вв. провинциальных чиновников почти исключительно представляют печати анаграфевсов. Среди них моливдовулы куропалата Никифора Декана, анаграфевса Ниша и протопроедра Льва Никерита, анаграфевса Пелопоннеса [Nesbitt, Oikonomides 1991: 100, nr. 32.1; 1994: 63, nr. 22.2].

Достаточно редко в памятниках сфрагистики рубежа XI/XII вв. представлены и судьи. В известных мировых собраниях нам удалось разыскать лишь моливдовулы Василия Эротика, судьи Эллады и Пелопоннеса [Stavrakos 2000: 153. № 84], неизвестного по имени судьи македонцев [Nesbitt, Oikonomides 1991: 116, nr. 43.15] и веста Михаила Спанополоса, судьи Эгеиона (т.е. Эгейских островов) [Nesbitt, Oikonomides 1994: 117, nr. 40.16]. В первой половине XII столетия известно двое судей – Никифор Сервлиас [Stavrakos 2000: 350, Nr. 231] и квестор <Василий> Пекулис [Jordanov 2009: 344, nr. 934]. Но в малочисленности булл судей, по-видимому, нет ничего необычного. Это, очевидно, связано с тем, что анаграфевсы часто совмещали свои обязанности с судебными и, таким образом, необходимости содержать двух чиновников не было.

На этом практически исчерпываются данные о чиновничьих постах, бытовавших в имперской бюрократической практике на протяжении XII в. Однако печати представляют ещё один достаточно многочисленный пласт лиц, обладавших собственными печатями, не содержащими никакой информации о служебных обязанностях владельцев. Как правило, исследователи называют их буллами для личной корреспонденции или частными печатями.

Как можно судить по моливдовулам этой категории, государством в это время управляют многочисленные севасты, куропалаты и новелиссимы как из родственных или приближённых к царствующей фамилии аристократических родов (Комнины, Дуки, Ангелы Палеологи, и др.), так и достаточно малоизвестные, судя по их родовым именам, происходящие из провинций (Феодосиополит, Васпараканитис, Амастрид, Каппадок и др.).

Очевидно, престижным становится даже упоминание на печати принадлежности к знатному семейству или родственнику. Так, некий Константин в начале XII в. указывает, что он сын протоновелиссима Татикия [Cheynet, Gokyildirim, Bulgurlu 2012: 469, nr. 5.141]. И даже хорошо известный Великий дука Михаил Стрифон, имевший титулы севаста и протоновелисσιμοипертата [Zacos, Veglery 1972: 1560, 1561, nr. 2748, 2748 bis], ещё на одной из своих булл (1195–1203 гг.) кроме своего чина Великого дуки отмечает, что он муж Феодоры и сестры императрицы [Oikonomides 1986: P. 119. 126].

Таким образом, византийские моливдовулы XII столетия показывают, что система государственного управления претерпевает серьезную реформу практически на всей территории империи. Причём это касалось не только администраций провинций, но и органов центральной власти. Печати, конечно, не могут назвать причин изъятия из легенд должностей их владельцев. Отдельные посты всё-таки сохраняются. Судя по всему, в империи продолжает существовать некая бюрократическая форма, но, по-видимому, уже не традиционного централизованного управления, а больше ориентированная на имперский нобилитет. Так что, как нам представляется, исчезновение около рубежа XI/XII вв. печатей представителей византийской администрации как в Таврике, так и в других провинциях, по всей видимости, совсем не означает отсутствие имперской административной власти на местах. Просто византийское управление перешло в иную плоскость, когда главную роль во всех сферах стали играть представители имперского нобилитета: высокопоставленные придворные столицы и аристократы из регионов.

Однако, разобраться в этой структуре управления и понять её специфику и особенности, безусловно, ещё предстоит в будущем.

Библиография

- СТЕПАНЕНКО В.П. Византия и Крым в постфемный период (конец XI – XII вв.) // МАИЭТ. – Симферополь, 2018. Вып. XXIII. С. 713–720.
- ЧХАИДЗЕ В.Н. Византийская власть на Боспоре (последняя четверть XI – начало XIII вв.) // МАИЭТ. – Симферополь, 2018. Вып. XXIII. С. 721–730.
- CAMPAGNOLO-POTHITOU M., CHEYNET J.-CL. Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève. – Genève, 2016.
- JORDANOV I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. – Sofia, 2009. Vol. III.
- NESBITT J., OIKONOMIDES N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – Washington, 1991. Vol. 1. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea.
- NESBITT J., OIKONOMIDES N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – Washington, 1994. Vol. 2. South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor.
- OIKONOMIDES N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. – Washington, 1986.
- SEIBT W. Ein Blick in die byzantinische Gesellschaft. Die bleisiegel im Museum August Kestner. – Hannover, 2011.
- STAVRAKOS Chr. Die byzantinischen Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museum Athen. – Wien, 2000.
- WASSILIU A.-K., SEIBT W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. – Wien, 2004. Teil II.
- ZACOS G., VEGLERY A. Byzantine Lead Seals. – Basel, 1972. Vol. 1.
- ZUCKERMAN C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus // МАИЭТ. – Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 311–336.

1

2

Рис. 1. Византийские моливдовулы XII столетия:
1 – печать Алексея Ангела, севастократора (1185–1195);
2 – печать Михаила Стрифна, севаста (ок. 1192–1195)
(по Seibt 2011: 85, 87 нр. 35, 36; увеличено).

А.Ю. АРЖАНОВ

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СКАЛЬНЫЕ ВИНОДЕЛЬНИ ГЕРАКЛЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Тема виноделия в средневековой Таврике, в сравнении с периодом античности, не выглядит достаточно проработанной: отсутствуют сводные монографии, посвящённые средневековому виноделию; практически нет реконструкций самого процесса производства. В настоящий момент, пожалуй, можно говорить лишь о накоплении данных, количественной оценке и картографировании средневековых винодельческих комплексов. Так, ещё Е.В. Веймарном было выделено в Горном Крыму 13 мест расположения винодельческих комплексов, содержащих «не менее 103 крупных давлений для винограда, имеющих безусловно производственное значение» [Веймарн 1960]. В настоящее время на средневековых памятниках горного Крыма в той или иной мере описано около 140 давильных площадок [Айбабин 2011: 217; Айбабин, Хайрединова 2017: 159; Ганцев 2018; Герцен, Науменко 2018: 619, 627; Гуськов 2016; Фокин, Белый 2015]. Очевидным белым пятном в расположении средневековых винодельческих комплексов юго-западного Крыма выглядит Гераклеяский полуостров – сельскохозяйственная округа Херсонеса-Херсона. На схеме Е.В. Веймарна ближайший к Херсонесу средневековый винодельческий комплекс отмечен в поселении у Загайтанской скалы. Две скальные винодельни, связанные с пещерными комплексами, в Сарандинакиной балке близ Севастополя, фиксируют авторы третьей главы Гераклеяского сборника 1936 года [Гераклеяский сборник 2019: 138, №№ 17, 20], ограничиваясь чисто словесным описанием, не сопровождаемым анализом материала. С.Ф. Стржелецкий, хоть и фиксирует несколько скальных виноделен в ближней округе Херсонеса, но относит их к античному периоду существования города [Стржелецкий 1961: 116]. Т.Ю. Яшаева отмечает наличие винодельни в

исследованной ею поздневизантийской пещерной лавре XIII–XV вв. [Яшаева, 2006: 327], а также в составе пещерного комплекса на мысу Виноградный [Яшаева, 2010: 12, 13, рис. 33]. Цель настоящей работы – дополнить существующие сведения и ввести в научный оборот скальные винодельни средневекового времени, раскопанные в последнее время на территории Гераклеийского полуострова.

1. Винодельня «Пещерного комплекса с винодельней на северном склоне балки Бермана» (Рис.1,1).

Открыта разведками А.Ю. Аржанова в 2018 г. Вырублена в так называемом «скальном лбе» верхней террасы северного склона балки. Представляет собой подтёсанную скальную поверхность формой в плане близкой к трапециевидной, размерами 2,4 м (С), 1,97 м (В), 1,75 м (Ю), 1,93 м (З). По центру задней стенки расположена ниша размерами 0,3 x 0,4 м, глубиной 0,2–0,3 м, предназначенная, скорее всего, для упора рычага вторичного отжима. Передняя (южная) стенка площадки частично разрушена; слив не сохранился. Яма суслоприёмника ярко не выражена, в переходе скальной террасы читается вырубка размерами 1,0 x 1,2 м, глубиной около 0,1 м, куда, по-видимому, подставлялся сосуд, предназначенный для сбора сусла.

Материал, зафиксированный при расчистке площадки, представляет собой маловыразительные фрагменты керамики. Также в заполнении зафиксирован обломок каменного жернова и край венчика тонкостенного стеклянного сосуда из стекла оливкового оттенка с включениями мелких светлых пузырьков.

2. Винодельня ВК-1 на древнем земельном участке № 268 (Рис. 1,2).

Открыта в 2017 г. разведками Г.М. Николаенко. Вырублена также в «скальном лбе» одной из верхних террас северного склона Нижне-Юхариной балки. По конструкции аналогична вышеописанной, размеры – 2,0 м (С), 1,7 м (В), 1,7 м (Ю), 1,5 м (З). По центру задней стенки расположена ниша для упора рычага размерами 0,25 x 0,5 м, глубиной 0,15–0,25 м, с пазом глубиной в 0,05 м по центральной оси нижней поверхности. Передняя (южная) стенка площадки оформлена бортиком высотой 0,05–0,2 м, с канавкой слива посередине. Яма суслоприёмника ярко не выражена, в переходе скальной террасы читается вырубка размерами 1,1 x 1,2 м, глубиной около 0,2 м, куда, по-видимому, подставлялся сосуд, предназначенный для сбора сусла.

Материал, полученный при расчистке, состоит из небольшого количества фрагментов керамики, из которых в качестве датирующего можно выделить фрагмент верхней части амфоры с мелким зональным рифлением и углублениями, выполненными гребёнчатым штампом,

а также фрагмент венчика небольшого кувшина или горшка с плоской ручкой. В комплексе эти фрагменты позволяют говорить о периоде середины IX – первой половины XI вв.

3. Винодельня ВК-2 на древнем земельном участке № 268 (Рис.1,3).

Открыта в 2017 г. разведками Г.М. Николаенко. Сохранилась значительно хуже предыдущих, но, с большой долей вероятности, представляет тот же тип виноделен, что и №№ 1 и 2. Также вырублена в «скальном лбе» верхней террасы северного склона Нижне-Юхариной балки на расстоянии в 185 м к северо-востоку от предыдущей. Представляет собой остатки площадки, аналогичной вышеописанным. Реконструируемая форма в плане – близкая к трапециевидной. Сохранившиеся размеры сторон: 1,6 м – полностью (С), 1,0 м – частично (В), 1,75 м – частично (З). Уклон давяльной площадки – 10°. По центру задней стенки частично читается ниша шириной 0,25 м и глубиной 0,15 м. Передняя (южная) стенка площадки полностью разрушена, слив не сохранился. Наличие ямы или подрубки под сулоприёмник не установлено.

Керамический материал, собранный при расчистке площадки, маловыразителен. Из датирующих фрагментов можно упомянуть лишь горло причерноморской амфоры VIII–IX вв. со слегка отогнутым уплощенным венчиком и уплощённой ручкой.

4. Винодельня ВК-4 «Комплекса укрепленных сельскохозяйственных построек» в балке Бермана («Усадьба Гриневича») (Рис. 1,4).

Открыта раскопками Г.М. Николаенко в 2013–2017 гг. на участке памятника «Подземный комплекс – 1». Размеры давяльной площадки 3,15 x 3,20 м, глубина – 0,45 м. С северо-восточной и юго-восточной стороны скальные борта. По задней, юго-западной стороне, выложена стена с разрывом в середине. Размеры ямы сулоприемника 1,75 x 1,50 м; глубина – 1,40 м. Через борт от сулоприемника вырублена ещё одна яма округлой формы, диаметром 1,55 м и глубиной 0,15–0,2 м.

В заполнении на полу давяльной площадки отмечены фрагменты стенок амфор с мелким зональным рифлением, плоские ручки и донца кувшинов, отдельные фрагменты поливной керамики. В яме сулоприемника был зафиксирован вертикально стоящий фрагмент стенки пифоса с обручем-валиком. Из индивидуальных находок можно отметить литую херсонскую монету Михаила III (842–867) из слоя засыпи давяльной площадки, а также половину куфического фельса конца VIII в., найденного в скальных вырубках около сулоприемника [Николаенко 2012–2015].

5. Винодельня ВК-5 «Комплекса укреплённых сельскохозяйственных построек» в балке Бермана («Усадьба Гриневича») (Рис. 1,5).

Открыта раскопками Г.М. Николаенко в 2014–2015 гг. на участке памятника «Подземный комплекс – 1». Представляет собой вырубленное в пологом скальном склоне балки четырёхугольное пространство подвального типа. Давильная площадка находится внутри подвального помещения и имеет размеры 4,0 x 3,3 м. Поверхность давилной площадки представляет тёсанную скальную поверхность с сохранившимися по краям следами известковой обмазки. В задней стене находится выруб в форме неправильного четырёхугольника, в котором зафиксирован паз прямоугольной формы полупараболического сечения. Яма-сулоприёмник параболической в сечении формы, диаметром 1,1–1,2 м и глубиной 0,72 м, вырублена в скале. Вокруг ямы, на половине её окружности, прослеживается невысокий скальный бордюр.

После прекращения функционирования винодельни подвальное помещение переоборудуется в жилое. Происходит сужение пространства за счёт выкладки стены вдоль юго-восточного скального борта, появляется и поперечная, северо-восточная стена. Слой на полу помещения, толщиной 0,04–0,1 м, состоит из серого рыхлого золистого суглинка, и, скорее всего, образован остатками зольника последнего периода функционирования жилого помещения, смешанного с золовыми наносами, образовавшимися до обрушения стен. В материале отмечены фрагменты амфор с зональным рифлением, плоские ручки высокогорлых кувшинов, ручки сосудов с пальцевыми вдавлениями. Также отмечены фрагменты кухонной посуды, кости животных, большое количество раковин виноградных улиток. В целом, время функционирования жилого помещения определено в рамках IX–XI вв., время же создания самой винодельни предполагается по самому раннему материалу общего комплекса построек – рубеж VI/VII вв. [Николаенко 2015].

6. Винодавилная площадка «Комплекса со скальной винодельней на северном склоне балки Бермана» (Рис. 2).

Открыта разведками А.Ю. Аржанова в 2018 г. Расчищена только давилная площадка; сулоприёмник не раскапывался. Внутренние размеры площадки около 3 x 2 м. Заглубление в скальную породу 0,1–0,3 м. Там, где скальные борта имеют наименьший размер (северо-западный угол, северный и западный борта), сохранились остатки стен, надстроенных по краю скалы. Слив расположен в юго-западном углу площадки. На скальной поверхности зафиксированы следы известковой обмазки.

В целом, конструкция винодавильной площадки весьма схожа с конструкцией площадки винодельческого комплекса ВК-4, открытого раскопками Г.М. Николаенко на комплексе укрепленных сельскохозяйственных построек древнего земельного участка № 347.

Важной деталью является наличие на обеих упомянутых площадках больших каменных частично обработанных блоков, отличающихся размером и формой от камней, являющихся развалами стен виноделен. Возможно, эти блоки служили грузами при рычажном давлении вторичного отжима, хотя подтвердить данное предположение возможно только при дальнейших исследованиях и накоплении материала.

Археологический материал, полученный в ходе расчистки площадки, состоит из фрагментов стенок сосудов с мелким зональным рифлением, ручек сосудов с пальцевыми вдавлениями, фрагментов поливной керамики. На краю северного скального борта площадки найдена монета времени Романа III (1028–1034 гг.).

Рассматривая все перечисленные винодельни в комплексе, необходимо отметить, что их можно разделить на два основных типа, если исходить из способа вырубки. Для первого типа (объекты 1–3) характерно, что площадки давлений врезались в вертикальный борт скальной террасы перпендикулярно ему, и горизонтально относительно склона. Винодельни второго типа (объекты 4–6) врезались вертикально в покатый склон. В целом, винодельни второго типа имеют большие размеры давильных площадок, более сложную конструкцию и тщательнее оформлены. Относительно различия в датировках и, собственно, датировок представленных площадок информации в настоящее время недостаточно. Археологический слой засыпи представленных виноделен, скорее всего, формировался тогда, когда винодельни были заброшены или перестроены. Чаще всего, это намывной слой, содержащий фрагменты предметов из окружающей площадки территории и не связанный напрямую со временем функционирования винодельни. Для виноделен «Усадьбы Гриневича» возможно выделить период изменения назначения объектов и общую датировку всего комплекса построек. Для понимания хронологии остальных представленных объектов необходимы полноценные археологические исследования связанных с ними сооружений.

Библиография

- АЙБАБИН А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. – Симферополь, 2011. Вып. XVI. С. 214–239.
- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э. А. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). – Симферополь, 2017.
- ВЕЙМАРН Е.В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА АНУ. – Киев, 1960. Выпуск 10. С. 109–114.
- ВИНОГРАДОВ Ю.А., СМЕКАЛОВА Т.Н. (ред.), «Гераклейский сборник» 1936 г. // Гераклейский сборник – СПб., 2019. Выпуск I.
- ГАНЦЕВ В.К. Скальные винодавильни в районе монастыря Челтер-Коба и Сюреньского укрепления: современная источниковедческая база и перспективы изучения // III Свято-Владимирские чтения. Материалы международной научной конференции, посвященной 1030-летию Крещения Руси. – Севастополь, 2018. С. 19–21.
- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. К изучению истории Мангупа VIII–XI вв. Состояние источниковой базы и перспективы исследований // МАИЭТ. – Симферополь, 2018. Вып. XXIII. С. 615–640.
- ГУСЬКОВ А.А. Многообразие тарапанов пещерного города Качи-Кальон // Спелеология и спелестология. – Набережные Челны, 2016. № 7. С. 239–247.
- НИКОЛАЕНКО Г.М. Отчеты о раскопках комплекса укрепленных построек в балке Бермана на древнем земельном участке № 347. 2012–2015 гг. // Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Д. №№ 4229, 4286, 4320, 4478.
- СТРЖЕЛЕЦКИЙ С.Ф. Клery Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. – Симферополь, 1961. Выпуск VI.
- ФОКИН П.А., БЕЛЫЙ А.В. Строение тарапанов средневекового городища Кыз-Кермен (Крым, Бахчисарайский район): результаты геологического обследования. // Причерноморье в Средние века. – СПб., 2015. Вып. IX. С. 181–192.
- ЯШАЕВА Т.Ю. Поздневизантийская пещерная лавра Херсона // МАИЭТ. – Симферополь, 2006. Вып. XII. С. 321–360.
- ЯШАЕВА Т.Ю. Отчет о раскопках пещерного храма № 2 у м. Виноградный в 2010 г. // Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Д. 4145.

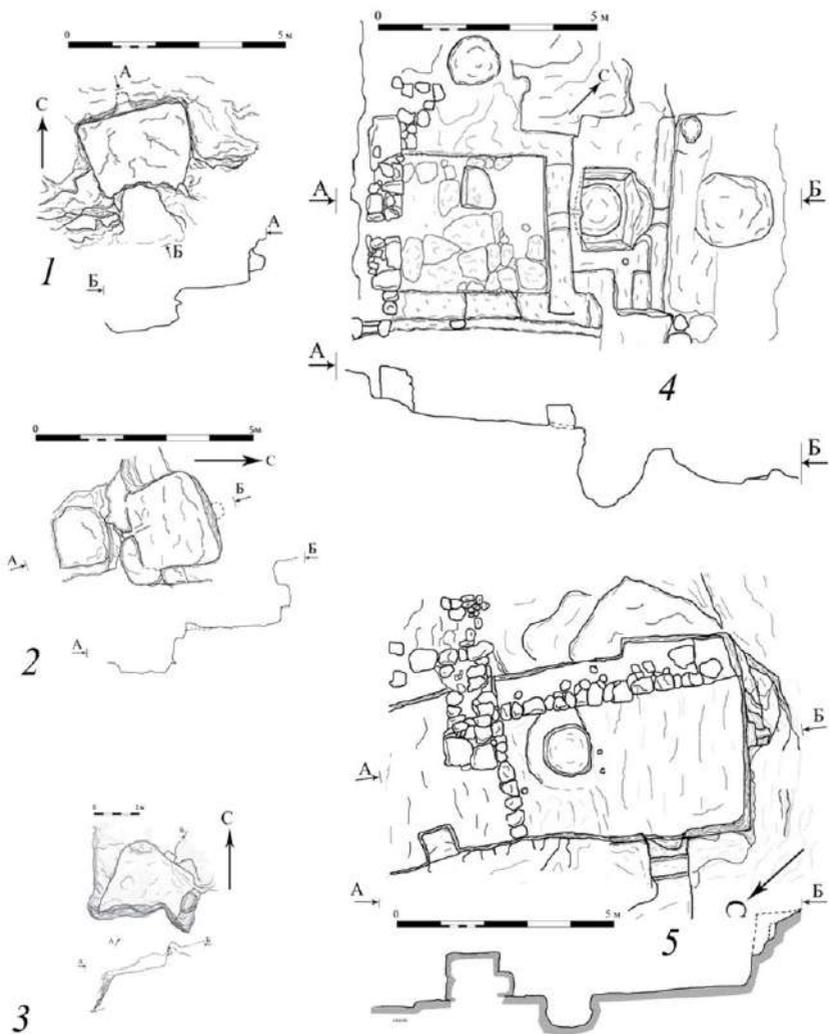

Рис. 1. Планы и разрезы виноделен Гераклейского полуострова:
 1 – северный склон балки Бермана;
 2–3 – Нижне-Юхарина балка (древний участок № 268);
 4–5 – комплекс укрепленных сельскохозяйственных построек,
 балка Бермана (древний участок № 347).

Рис. 2. Винодавильная площадка «Комплекса со скальной винодельней на северном склоне балки Бермана». Фото 2018 г.

Д.Е. АФИНОГЕНОВ

Институт всеобщей истории РАН
(Москва)

**КИНИЧЕСКИЕ ФИЛОСОФЫ
КАК ОБРАЗЦЫ ДЛЯ ХРИСТИАН:
СЛУЧАЙ ПСЕВДО-НОННА**

Сочинение, известное под именем Псевдо-Нонна (Псевдо-Нонноса или Псевдо-Нонниана [Pseudo-Nonniani 1992]), представляет собой объяснение ссылок на различные античные реалии, содержащиеся в гомилиях Григория Богослова. Аллюзии, встречающиеся в четвёртой речи Григория, разъясняются в 97 так называемых «историях», которые на самом деле являются краткими справками, составленными вполне утилитарно, без лишнего морализаторства и пространного обличения языческих заблуждений. Несколько выбиваются из общей картины лишь фрагменты, посвященные Диогену Синопскому. Это «истории» 25–26. Они занимают в общей сложности 56 строк печатного издания, что гораздо больше среднего объема пояснений Псевдо-Нонна. Этот отрывок призван прокомментировать следующие слова Назианзина: (Свершения христианских подвижников гораздо почетнее) «...и острословия Диогена, обитавшего в том пифосе, когда он на место пришельцев ставит правителей из трагедии, то есть на место дешевых хлебов приправленные» (καὶ τῆς Διογένους στῶμιυλίας, τοῦτον πίθων οἰκοῦντος, ὅφ' ἧς τοὺς ξένους ὑπεξίστησι τοῖς τυράννοις ἐκ τῆς τραγῳδίας, τοὺς εὐτελεῖς ἄρτους τοῖς σησαμοῦσι) [Nazianzeni 1857: 4, 596, 7–10]. Имеется в виду, что такой метафорой Диоген оправдывал свое чревоугодие, заключавшееся в предпочтении приправленных хлебов простым.

Отгалкиваясь от этого лаконичного текста, комментатор относительно подробно рассказывает о Диогене, причём, скорее, в апологетическом духе. Например, он говорит, что киники перенимают у псов две функции: различительную (διακριτικόν) и охранительную (φυλακτικόν). При этом охраняют они философские учения, а различают между теми, кто способен к философии, и теми, кто не способен. Между

тем, признается, что острословие свойственно обманщикам, к числу которых, стало быть, относится и Диоген. Тем не менее, симпатии автора, как кажется, на стороне последнего, который насмешливо обличал «могущественных и учёных, и всякого человека». Упоминание пифоса провоцирует автора на историю о некоем Сотате, проявившем презрение к славе и материальным благам. Интересно, что этот Сотат, которого Григорий вообще не упоминает и на которого, конечно же, не намекает, изображённый как кинический философ, видимо, исходно тождествен знаменитому порнографическому поэту Сотаду. Так или иначе, Псевдо-Нонн демонстрирует явную симпатию к философам-киникам, не обусловленную его источником. Очевидно, некоторые черты их поведения наш автор рассматривает как достойные подражания для христиан.

Библиография

Gregorii Nazianzeni Orationes // Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. / Ed. J.-P. Migne. – P., 1857. Vol. 35.

Pseudo-Nonniani in IV orationes Gregorii Nazianzeni commentarii / Ed. J. Nimmo Smith. [Corpus Christianorum. Series Graeca 27]. – Turnhout, 1992.

А.М. БАЙБУРТСКИЙ

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ УРОЧИЩА АЯЗЬМА ВБЛИЗИ БАЛАКЛАВЫ: МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ

Урочище Аязьма (греч. *аязма* – освящённый, благословенный) расположено на южном причерноморском макросклоне Главной Крымской гряды в пределах Крымского западного южнобережного субсредиземноморья, на побережье залива Мегало-Яло, в 5 км к северу от мыса Айя и в 4,5 км к юго-востоку от входа в Балаклавскую бухту (Рис. 1). Протяженность урочища западного приморского склона хребтов Гуруш (486 м) и Биллер с горой Кала-Фатлар (568 м) около 2 км при ширине 0,2–1,0 км (Рис. 2). В ландшафтном отношении эта местность входит в Фиолент-Айя-Ласпинский котловинно-амфитеатровый лесной ландшафт со средиземноморским засушливым климатом [Ена 2013: 128, 132]. В центральной части урочища (высота 201 м над уровнем моря) расположен каптированный постоянно действующий родник Аязьма-Чокрак (N 44°28.248'; E 033°38.638' (WGS-84) (см. Рис. 2).

Береговая линия в пределах урочища Аязьма слабо изрезана; немногочисленные бухты, используемые с древности для причаливания, слабо выражены. Современная дорога в урочище повторяет направление средневековой для гужевого транспорта. Она проложена со стороны поздневизантийской крепости Камара-Исар с северо-северо-востока через перевал Камара-Богаз (344 м). С востока, из селений Варнутской котловины, проход в урочище возможен по выючной тропе через перевал Куршум-Богаз (398 м). С юга, со стороны позднесредневекового селения и замка в урочище Кокия, сообщение возможно по пешеходной тропе.

Первооткрывателем археологических памятников в урочище Аязьма был П.П. Бабенчиков, проводивший в этой местности разведки в 1920-х гг. Н.И. Репников, основываясь на его обследованиях 1927 г., дает следующее описание древностей в урочище: «9...к западу от

дороги на Кучук-Мускомью тропинка, ведущая на перевал к морю, называемый Куршум-Богаз / «Свинцовый перевал» /. Здесь на спуске следы фундаментов небольшого храма...10. Ещё ниже на террасе, среди густых лесных зарослей – остатки основания сооружения из крупных камней в виде широкого полукруга...11. Ещё ниже, у самого моря, среди соснового леса скала конической формы Кала-Фатлар... На вершине её слабые следы фундамента небольшой башни, от неё основание длинной стены / сильно разрушенной / упирающейся восточным концом в колоссальный обрыв горы. На поверхности в черте укрепления встречаются фрагменты поливной керамики...» [Репников 1940: 12, 13].

Все перечисленные памятники локализованы, ниже приводим их краткое археолого-топографическое описание (с юга на север) с добавлением в список объектов, не упомянутых Н.И. Репниковым, за исключением не найденного «жилого дома VIII–X вв.», открытого А.Л. Якобсоном в 1963 г. на «спуске к морю» [Якобсон 1970: 21].

Кала-Фатларский (Кучук-Мускомский) исар расположен в 825 м (азимут 193°) от родника Аязма-Чокрак на нависающей над небольшой бухтой скале и примыкающем к ней с востока перешейком, отходящим от скальной ступени хребта Биллер (Рис. 2,1: 127 м над уровнем моря). Координаты (WGS-84) «башни» укрепления: N 44°27.813'; E 033°38.498'.

В научной литературе памятник наиболее полно описан В.Л. Мыцом [Мыц 1991: 140]. Планировка крепости двухчастная и состоит из верхней и нижней площадок.

Верхняя (западная) площадка размерами 39 x 21 м по периметру замкнута линией скальных сбросов и крепостных стен, с востока – ограничена полукруглой «башней» с примыкающим к ней с юго-запада входом. Стены крепости выполнены из бутового камня на известковом растворе, толщиной 1,2–2,0 м, сохранились на высоту 0,5–3,0 м. В пределах площадки, на отвалах грабительских ям, отмечены единичные фрагменты стенок монохромных поливных сосудов XIV в.

Нижняя (восточная) площадка по гребню перешейка с севера прикрыта отходящей от «башни» стеной протяженностью 55 м, с юга она не огорожена. К стене с тыльной стороны примыкают остатки постройки размерами 12 x 4 м.

В 500 м к востоку от крепости в верхних скалах хребта Биллер находится открытая Л.Н. Соловьёвым в 1926 г. пещера Кала-Фатлар-Кобасы с культурными слоями в заполнении от позднего бронзового века до средневековья (Рис. 2,2: 497 м над уровнем моря).

Церковь в урочище Аязьма расположена в 180 м (азимут 222°) от родника Аязьма-Чокрак на гребне горного отрога (Рис. 2,3: 178 м над уровнем моря) в месте выхода на поверхность гряды конгломератов. Координаты (WGS-84) алтарной апсиды: N 44°28.176'; E 033°38.547'.

Остатки строения хорошо выражены в рельефе пологой площадки размерами 25 x 5 м. Здание прямоугольное с полукруглой апсидой, размерами 9 x 4,5 м, ориентировано восток-северо-восток – запад-юго-запад (75°–255°). Заполнение церкви вскрыто грабительскими перекопами, обнажившими кладку стен, выложенную из бутового камня на известковом растворе. Стены толщиной 0,8 м сохранились на высоту до 0,5 м в один – два ряда кладки. Из подъёмного материала массово встречаются фрагменты керамид XIII–XIV вв. и единичные находки стенок монохромных поливных сосудов XIV вв.

«Кошара» в урочище Аязьма, «сооружение из крупных камней в виде широкого полукруга», расположена в 210 м (азимут 214°) от родника Аязьма-Чокрак на перегибе склона отрога с церковью с пологой площадкой в овраге (Рис. 2,4: 154 м над уровнем моря). Координаты (WGS-84) входа: N 44°28.152'; E 033°38.549'. Сооружение размерами 19 x 12 м ориентировано восток – запад, по периметру замкнуто сложенными всухую из бута стенами. Кладки шириной до 1 м сохранились на высоту 0,4–0,9 м.

Вход в «кошару» расположен с востока, он устроен коридором длиной около 2 м и шириной 1 м под углом к стене. Внутри сооружения видны развалы перегородочных стен, разделявших постройку на несколько частей. Подъёмный материал не найден, за исключением обломков черепицы, перемещённых вниз по склону с площадки с церковью.

Памятник по ряду признаков – местоположению, общей планировке, конструкции входа и характеру кладки стен – относится к средневековому животноводческому комплексу.

Гончарная печь в урочище Аязьма расположена в 230 м (азимут 318°) от родника Аязьма-Чокрак на склоне южной экспозиции (Рис. 2,5: 206 м над уровнем моря). Координаты (WGS-84) объекта: N 44°28.341'; E 033°38.523'.

Памятник раскапывался в 2000-х гг. (?), но сведения о нём в научной литературе не найдены. Объект, расположенный на оползневом участке склона, оставленный после раскопок без консервации, активно разрушается. Утрачены известные по фотографиям начала 2010-х гг. арка и перекрытия каналов топочной камеры и частично кладка стен.

Печь, впущенная топочной камерой в глиняный склон, прямоугольная в плане, с размерами сторон 3,5 x 2,0 м, ориентирована

восток – запад, устьем на юг. Кладка её стен выполнена из сырцового кирпича, размерами 0,3 x 0,26 x 0,13 м. Сохранились шесть поперечных каналов, по три с каждой стороны, шириной 0,3 м с перегородками из кирпича. Вблизи печи не найден датирующий материал, но конструктивные особенности сооружения, имеющие прямые аналогии в Таврике VIII–XV вв., указывают на средневековое время её строительства.

Поселение Аязьма расположено в 820 м (азимут 352°) от родника Аязьма-Чокрак на полянах и облесенных территориях склона хребта Гуруш (Рис. 2,6: 205–238 м над уровнем моря). Координаты (WGS-84) крайних зафиксированных точек распространения подъёмного археологического материала: северной – N 44°28.879'; E 033°38.487', южной – N 44°28.696'; E 033°38.612', западной – N 44°28.733; E 033°38.499' и восточной – N 44°28.689'; E 033°38.553'.

В рельефе поселения отмечены площадки, на которых видны развалы бутового камня, вероятно, остатки построек. Подъёмный материал – фрагменты тарной, кухонной и столовой посуды второй половины XIII–XV вв. в основном встречается в обнажениях грунтовой дороги. Общая площадь его распространения 2,88 га (360 x 80 м). Керамический комплекс включает «группу керамики ЮЗК» и остатки поливных монохромных и полихромных сосудов местного и византийского производства, в том числе, орнаментированных в технике сграффито.

В 250 м к востоку от поселения на полянах под скалами (рис. 2,7: 330 м над уровнем моря) встречаются маловыразительные фрагменты керамических сосудов, предварительно датированные позднеантичным/раннесредневековым временем.

Урочище Аязьма, несмотря на ограниченную площадь и сложный рельеф, было постоянно заселено в поздневизантийский период. Поселенческая структура включала типичные элементы, присущие южнобережному субсредиземноморью Таврики в XIII–XV вв.: крепость-замок, селение, храм, хозяйственный и производственный комплексы. Детальные разведки с шурфовками в урочище в дальнейшем позволят выявить новые объекты и выстроить хронологию археологических памятников, осмыслить их историческую взаимообусловленность и связи с единовременными поселенческими структурами в регионе.

Библиография

ЕНА В.Г., ЕНА А.В., ЕНА Ан.В. Заповедные ландшафты Тавриды. – Симферополь, 2013.

МЫЦ В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. – Киев, 1991.

РЕПНИКОВ Н.И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма // Копия рукописи из архива ЛОИА, 1939/40, ф. 10, оп. 1, д. 10, л. 15.

ЯКОБСОН А.Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. – М., 1970. № 168.

Рис. 1. Урочище Аязьма. Вид с запада-юго-запада, с высоты 700 м.
Фотография 2006 г.

Рис. 2. Карта расположения средневековых археологических памятников в урочище Аязма.

1 – Кала-Фатларский исар; 2 – пещера Кала-Фатлар-Кобасы;
 3 – церковь; 4 – «кошара»; 5 – гончарная печь; 6 – поселение Аязма;
 7 – поляны с подъемным материалом IV–VII вв.;

род. – родник Аязма-Чокрак; пер. – перевал Куршум-Богаз.

Н.Д. БАРАБАНОВ

Волгоградский государственный университет
(Волгоград)

**ВОЛОСЫ – ЗМЕИ.
СЕМАНТИКА ОБРАЗА
В ВИЗАНТИЙСКИХ ФИЛАКТЕРИЯХ**

Доклад посвящён анализу конкретного типа византийских филактериев (амулетов), являющихся ярким проявлением народных верований, сочетающих в себе языческие, магические и христианские мотивы. Речь идёт о так называемых «змеевиках» – подвесках с изображением головы со змеями вместо волос, в окружении змей или на фоне их клубка. В историографии представлено множество интерпретаций данного типа памятников. Все они признаны автором не имеющими отношения к действительности. Рассмотрение темы с точки зрения функционального назначения изображений на амулетах в сочетании с анализом агиографических и других текстов, которые ранее не привлекались по этому поводу, позволило прийти к выводу о том, что смысл змеевидных композиций кроется в представлении желаемого действия – исхождения из человека сил зла или болезни, персонифицированных в образе змей.

Византийские филактерии принадлежат традиции, корни которой уходят в архаические культуры, а затем ярко проявляют себя в цивилизациях античного времени. В средневековом обществе в процессе сложного взаимодействия с христианством амулеты сохранили важное место в арсенале борьбы со злом в различных его вариантах. Защита от действия злых духов, колдовства, болезней, сглаза, внезапных бедствий и того, что представляет угрозу для жизни и материального благополучия, осуществлялась с их помощью. Фонд средств, использовавшихся с целью защиты, практически безграничен и объёмлет множество предметов живой и неживой природы, надписи на всевозможных материалах, компоненты религиозных культов, специально изготавливаемые подвески разных типов.

Вот об амулетах – подвесках и идёт речь, точнее, о том их варианте, который называют «змеевиками». Неся на себе различные христианские образы, магические надписи и изображение головы в сочетании со змеями, памятники этого типа являются ярким выражением комплекса представлений, характеризующих религиозную картину мира, которая господствовала в сознании «народных масс», то есть подавляющего большинства населения империи.

Поскольку амулеты, относящиеся к греко-римской магической традиции, которую также можно было бы назвать средиземноморской, привлекали внимание учёных со времени позднего Ренессанса, не удивительно, что к данному времени накопилось солидное количество публикаций, число которых продолжает расти. По-прежнему, значительная часть их связана с введением в научный оборот новых памятников [Georgousakis 2017: 13–26]. Предпринимаются попытки монографически – диссертационного изучения темы [Björklund 2016: 151–166; 2017]. Уже имеются обзоры историографического характера [Spier 1993: 25–62; Барабанов 2005: 147–167]. Однако проблема интерпретации изображений на амулетах и связанных с ними смыслов далека от разрешения. Попытки дешифровки символов и надписей заставляют обращаться к поиску тех аспектов религиозности, которые могли отразиться в оберегах и широком контексте народных верований. Напомню, что в историографии накоплен большой фонд мнений о том, что могло означать изображение на филактериях головы человека в разных комбинациях со змеями и с какими представлениями оно могло быть связано. Перечислю основные точки зрения, располагая их от первоначальных к более поздним, учитывая специфику жанра тезисов. Итак, змеевидную композицию пытались связать с традициями гностиков, вспоминая змееногого Абрассаса. Затем неизбежно возник образ Медузы Горгоны и весь комплекс связанной с ней греческой мифологии и последующего использования её изображений в качестве апотропеев. Не была оставлена без внимания традиция толкований Апокалипсиса со всем тем, что в ней посвящено змеям. Бог врачевания Эскулап с его символом в виде посоха и змея также предлагался в качестве основы генезиса образа. В широком хронологическом диапазоне – от Византии до славянского времени амулеты этого типа рассматривались в контексте приёмов борьбы со злом. Затем их связывали с образами широко известного трактата *Testamentum Solomonis*, а также с представлениями о злом духе Гилу, умерщвлявшем младенцев, и его победителем – св. Сисинием.

Особо следует отметить мнение о змеевидной композиции как о персонификации «истеры», которая чаще всего упоминается в магической надписи на амулете. Д. Спайер связал её с медицинским и магическим византийским фольклором. Наконец, необходимо отметить экстравагантное мнение Г. Вайкена, который представил точку зрения, состоящую в том, что голова со змеями вместо волос восходит к фигуре не слишком известного египетского божества Хнубиса. На магических геммах римского времени Хнубис почти всегда принимал вид змеи с лучистой головой льва. Что касается его специализации, то из тридцати шести астрологических деканов, которые, по представлениям египтян, контролировали человеческое тело, к нему имели отношение заведовавшие областью желудка и матки. Изучая памятники ранневизантийской тюреттики, происходящие из Египта и имеющие апотропеическое значение, Г. Вайкен предположил, что со временем манера изображения Хнубиса эволюционировала, приняв облик человеческого лица, а лучи трансформировались в змей [Vikan 1984: 65–86].

Разумеется, абсолютно отрицать причастность всех перечисленных интерпретаций к символике и семантике змеевидной композиции опрометчиво, но, скорее всего, это именно так. Надо учитывать, что мы имеем дело не только с традицией, но и с реальными, можно сказать, «бытовыми» религиозными представлениями не только «народных масс», но также духовной и светской элиты византийского общества. В контексте осмысления народных верований проблема понимания смысла змеевидной композиции распадается на несколько компонентов. Если считать, что голова и змеи связаны с народной антропологией в аспекте темы волос, то следует учесть не столько античную традицию «горгонеяна», сколько сложный комплекс представлений собственно христианского времени, опирающихся на Священное Писание. Достаточно напомнить о волосах Самсона и их роли (Кн. Судей. XVI,4-21). В народной культуре и религиозных воззрениях волосы последовательно выступали в качестве метафоры жизненной силы хозяина, участвовали в исцелительных, магических и прогностических практиках. Затем в рамках темы всплывает проблема символики и возможностей крайнего метаморфизма змеи, что чрезвычайно усложняет сюжет. Но следует выделить из него конкретный аспект – функциональное назначение изображения на амулетах тварей, которые могли ассоциироваться с нечистыми духами, демонами, трясавицами и даже с самим врагом рода человеческого.

Об этом уже немало написано, но следует учесть композицию изображений – змеи изображены не входящими в человека, а исходящими, убегаящими от него. Византийские агиографические тексты, которые ранее по этому поводу не анализировались исследователями, показывают, что святые часто изгоняли недуг или демона из человека, видя, что он исходит в виде змеи. В контексте изучаемой темы это означает, что филактерии несли на себе изображение желаемого действия, которое достигалось сочетанием заклинательной формулы с силой христианского образа. Голова с радиально расположенными или клубящимися вокруг змеями представляла сцену бегства нечистой силы от человека.

Библиография

- БАРАБАНОВ Н.Д. Византийские филактерии и проблема народной религиозности: историографический аспект // *Византия: общество и церковь*. – Армавир, 2005. С. 147–167.
- BJÖRKLUND H. *Protecting Against Child- Killing Demons: Uterus Amulets in the Late Antique and Byzantine Magical World*. Academic Dissertation. – Helsinki. 2017.
- BJÖRKLUND H. Classical Traces of Metamorphosis in the Byzantine Histera Formula // *DOP*. – 2016. Vol. 70. P. 151–166.
- GEORGOUSAKIS D.S. Profane and Private: Secular and Religious Elements on Late Antique and Middle Byzantine Amulets // *Codex Aquilarensis*. – 2017. Vol. 33. P. 13–26.
- SPIER J. Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition // *Journal of the Warburg and Courtauld institutes*. – L., 1993. Vol. 56. P. 25–62.
- VIKAN G. Art, Medecine, and Magic in Early Byzantium // *DOP*. – 1984. Vol. 38. P. 65–86.

Рис. 1. Византийские амулеты-змеевики (фото из Интернета).

М.В. БИБИКОВ

Институт всеобщей истории РАН
(Москва)

ЦЕРКОВНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВИЗАНТИИ И РУСИ В СВЕТЕ ДИПЛОМАТИКИ И СИГИЛЛОГРАФИИ

История Русской Церкви и её связей с византийским православием в основном известна по древнерусским источникам. Греческие памятники содержат упоминания об иерархах Руси; известны также некоторые сохранившиеся как в оригинале, так и в русском переводе произведения древнерусских митрополитов-греков, резиденция которых находилась в Киеве и вне его.

Так, благодаря греческой надписи (легенде) «Иоанн митрополит России» на свинцовой печати, датируемой теперь первой половиной XI в., стало достоверно известно имя одного из первых киевских митрополитов (Иоанн I?) [Бибикив 2004: 550, 570, 576, 583]. Следующему пастырю Руси принадлежала, очевидно, еще одна сохранившаяся свинцовая митрополичья печать с именем Феопемпта («Господи, помози Феопемпту, митрополиту России»), чье служение упоминается в летописи в 1039 г.

Преемнику Илариона на митрополичьей кафедре греку Ефрему (1054/55–1061/62) принадлежала свинцовая булла протопродра (протосинкелла), обозначающая тем самым высокий придворный ранг иерарха. Три известные греческие печати принадлежали следующему митрополиту Руси – греку Георгию (1062 – ок. 1075), носившему титул синкелла («Господи, помози Георгию, митрополиту России и синкеллу»). Авторству Георгия приписывается антилатинский трактат «Сязание с латиною» с перечислением 27 пунктов разногласий между Православной и Западной Церковью. Текст памятника, атрибуция которого уже давно вызывает сомнения [Павлов 1978: 18–58, 191–198], сохранился в переводе в единственном русском списке XV в.

С именем митрополита Георгия связывается и введение Студийского устава в Киево-Печерском монастыре и активная переводческая и редакторская деятельность. Недавно обнаруженный и введенный в научный оборот памятник «[От] неведомых словес изложено Георгием митрополитом Киевским, Герману игумену вопрошающу, оному же поведающу» представляет собой древнейший известный на Руси текст с изложением канонических правил [Мошкова, Турилов 2001: 68–71; Турилов 2004: 211–262].

В отличие от сочинения митрополита Георгия, послание Льва – митрополита Переяславля Русского, к римлянам, или латинянам, об опресноках сохранилось в оригинале – на греческом языке. В древнейших греческих списках XIII–XIV вв. Послание озаглавлено: «Боголюбивейшего Льва, митрополита Преславы на Руси, о том, что не следует употреблять в службе опресноки». Согласно недавним исследованиям [Поппэ 1968: 95 и сл.], Лев был митрополитом титулярной Переяславской митрополии в 60-х или 70-х годах XI в. Возможность существования в 60-х годах титулярной митрополии в Переяславле определяется по аналогии с известной в то же время подобной епархией в Чернигове: прямые свидетельства о Переяславской митрополии относятся лишь к 80–90-м годам XI в. Деятельность Льва, также называемого в научной литературе Леоном или Леонтием, датируется временем либо до епископства Петра (упоминается в 1072 г.), либо между епископствами Петра и Ефрема (не позднее 1077/78 г.). Однако А. Поппэ считает, что Лев (Леонтий) уже в 1072 г. был титулярным митрополитом в Переяславле. Появление послания Льва датируется между 1054 и 1085 гг. (дата антилатинского полемического послания Иоанна II, митрополита киевского); при этом А. Поппэ предполагает, что послание было составлено именно в Переяславле на Руси.

С греко-латинской полемикой об опресноках связано сочинение и другого киевского митрополита — Иоанна II Русского (до 1077/78–1089). Это послание антипапе Клименту III, датируемое периодом между 1085 и 1088 гг. [Павлов 1878: 169–186]. В русском переводе сохранились его же «Правила церковные» — важнейший памятник церковноправового содержания, являющийся главным источником по истории древнерусского канонического права. С Иоанном II раньше отождествляли упомянутого в одном из стихотворений Феодора Продрома дядю поэта [Hoerandner 1974: 183–191]. Однако более вероятно, что византийский поэт середины XII в. упоминает не известного киевского митрополита, а одного из иерархов, посланного на Русь и носившего имя Мануил.

Единственным возможным (не без оговорок) иерархом на Руси с этим именем был первый смоленский епископ Мануил Грек, поставленный в 1136 г. и упоминаемый под 1147, 1156 и 1168 гг. [ПСРЛ 1962: 300, 341, 485, 528 и др.], если, конечно, все летописные свидетельства относятся к одному лицу, а не к тезкам. Известны и митрополичьи печати с именем Иоанна [Янин 1970: 50–53], атрибуция которых Иоанну II, впрочем, нуждается в дополнительной аргументации. Свидетельство Феодора Продрома дополняет византийский именовослов Русской Церкви.

К началу—первой половине XII в. относятся греческие сигиллографические свидетельства о двух следующих митрополитах Руси. Это печати «проедра Росии» Николая (до 1097—после 1101 гг.) и «архипастыря Росии» Михаила (1130—1145/46).

Два типа печатей связаны с киевским митрополитом греком Никифором (1104–1121): один с надписью: «Пресвятая, храни меня, Никифора Росии», другой – «Храни меня, Никифора, по твоему Промыслу архипастыря всяя Росии, Сыне». Только в русских переводах сохранились его четыре послания, написанные, по всей видимости, по-гречески и адресованные Владимиру Мономаху (одно из них посвящено проблемам разделения Церквей) и вольнскому князю Ярославу Святополчичу (также полемическое «Написание на латыну... о ересях»).

Преемником Климента Смолятича на киевском церковном престоле стал грек Константин I, рукоположенный в Константинополе в 1155 г. (ум. ок. 1159 г.), автор «Речи о жертвоприношении нераздельной Троице во время евхаристии» [Migne 1887: 148–153].

Данные византийской сигиллографии указывают на изменения в титулатуре (и статусе?) митрополита Руси: на печати Иоанна IV (1163–1166) иерарх назван церковной главой «всех Росов», а легенды двух моливдовулов и одного хрисовула Константина II (1167–1169) называют его митрополитом «всяя Руси» [см.: Янин 1970: 50–52, 55, 175–176, №№ 50, 51]. Новые сигиллографические находки расширяют базу исследования [Купранис 1995; 1996].

С активизацией русско-византийских церковных отношений в XII в. связаны и патриаршие послания из Константинополя на Русь. Лишь в русском переводе дошло до нас послание Константинопольского Патриарха Николая IV Музалона к епископу Нифонту Новгородскому от 1149 г. [Письменные памятники ... 2003: 251–253 и др.].

Другое послание из Константинополя, дошедшее в русской версии – «Грамота великого Патриарха Луки ко князю Ондрею Ростовскому Боголюбскому», датируемая 1160 или 1168 г. Автор послания –

известный Константинопольский Патриарх Лука Хрисоверг (1157–1169/70), в юрисдикции которого находилась тогда и Русская Церковь. Лука Хрисоверг известен как канонист, инициатор постановлений, ограничивающих браки между близкими родственниками, полемист, утвердивший Соборное постановление об острой в Византии в середине XII в. догматической проблеме понимания евангельских слов «Отец мой более Меня есть». Однако не менее значительна роль этого иерарха в истории русско-византийских церковных взаимоотношений. Один из важных ее эпизодов отражен в рассматриваемом послании, адресованном к великому князю владимирскому Андрею Юрьевичу (1157–1174).

Чисто церковно-канонические, на первый взгляд, проблемы, которым посвящено послание Луки Хрисоверга Андрею Боголюбскому, отражают важные события русско-византийских политических взаимоотношений середины XII в., и, вместе с тем, некоторые черты развития политической системы самого русского государства.

Благодаря греческой дипломатике известен еще один митрополит Руси, поименованный в Синодальном постановлении Константинопольского Патриархата от 24 марта 1171 г., – грек Михаил. Михаил II занимал митрополичий престол в 70-е годы XII в. Сохранившаяся большая свинцовая печать «архипастыря всея Руси» принадлежала Никифору II, возглавлявшему киевскую кафедру около двадцати лет – со времени до 1183 г. и до начала XIII в. (после 1198 г.). Именно Никифор был, скорее всего, тем «русским архипастырем», который, по свидетельству Никиты Хониата [Nicetae Choniatae 1976: 522.25-42], побуждал русских князей к походу на половцев в 1201/02 г. Возможно, что он (или упомянутый выше Никифор I) был автором «Пастырского послания ко всем верующим».

После завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г. церковные связи Руси и Византии не прерывались: поставление киевских митрополитов оставалось делом Вселенских Патриархов, оказавшихся вместе с императорским двором в Никее. Никейский Патриарх Герман II (1222–1240) направил в 1228 г. в Киев митрополиту Кириллу I (1224–1233) известное послание (дошедшее только в русской версии) о непоставлении рабов в священнический сан; в нем князьям запрещалось вмешиваться в церковную юрисдикцию, в частности, в имущественные дела монастырей и приходов. В связи с укреплением, тем самым, особой власти митрополита по отношению к епископам следует рассматривать и титул в легенде сохранившейся печати — «Кирилл монах милостью Божией архиепископ митрополии Росии» [Янин 1970: 49, 176, № 53].

Никейским Патриархом был рукоположен также и другой митрополит Руси — Кирилл II, возглавивший кафедру с 40-х годов XIII в. и ставший последним киевским владыкой (до 1281 г.). Именно с ним связывают авторство многочисленных произведений, сохранившихся в русских текстах. Это «Правило Кюрила, митрополита руськаго», «Поучения к попам», несколько статей в составе «Мерила праведного» и др.; ему же приписывается составление «Галицко-Волынской летописи», а главное, — переработка присланного из Болгарии «Номоканона» для создания «Кормчей книги» [Щапов 1978: 146–152, 181–184].

Таким образом, для XII–XIII вв. зафиксирована активизация творческой деятельности поставленных из Византии киевских митрополитов, одни из которых известны лишь по летописным упоминаниям, другие — по греческим легендам печатей; большинство из них оставило яркий след в древнерусской книжности — полемической, догматической, канонической и даже в летописании.

Библиография

- БИБИКОВ М.В. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. – М., 2004. Вып. I.
- МОШКОВА Л.В., ТУРИЛОВ А.А. «Неведомые словеса» киевского митрополита Георгия // Славяне и их соседи. Тезисы конференции. – М., 2001. С. 68–71.
- КУПРАНИС А.А. Датированные печати иерархов Русской Церкви (Домонгольский период) // Восточноевропейский археологический журнал. – 1999. Вып. 1.
- КУПРАНИС А.А. Печати иерархов Русской Церкви XII в. // Церковная археология. Материалы конференции. – СПб.; Псков, 1995. Часть 2. С. 34–48.
- КУПРАНИС А.А. Новые сфрагистические находки из Новгорода и Белоозера // Археологические изыскания. – СПб. 1996. Вып. 31. Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. С. 92–96.
- ПАВЛОВ А.С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. – СПб., 1878.
- Письменные памятники истории Древней Руси / под ред. Я.Н. Щапова. – СПб., 2003.
- ПОППЭ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI ст. // Византийский временник. – М., 1968. Т. 29. С. 95–104.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. – М., 1962. Т. 2.
- ТУРИЛОВ А.А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание» // Славянский мир между Римом и Константинополем. – М., 2004. Вып. 11. С. 211–262.
- ЩАПОВ Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XV вв. – М., 1978.
- ЯНИН В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. – М., 1970. Т. 1.
- HOERANDNER W. Theodoros Prodromos. Historische Gedichte. – Wien, 1974.
- Nicetae Choniatae Historia / Rec. J.-L. van Dieten. – Berolini et Novi Eboraci, 1976.
- Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J.-P. Migne. – P., 1887. Т. CXL.

С.В. БЛИЗНЮК

Московский Государственный университет
им. М.В. Ломоносова
(Москва)

АННЕКСИЯ ПО-ВЕНЕЦИАНСКИ ИЛИ ОБРЕТЕНИЕ КИПРА ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Венецианская республика была одним из самых главных бенефициаров европейского крестоносного движения на Восток. Именно она покрыла территорию Латинской Романии сетью своих колоний и опорных пунктов, совокупность которых нередко называют Венецианской империей. Между тем, методы освоения новых территорий и внедрения на восточные рынки у разных европейских государств различались. Если пизанцы активно участвовали в Первом крестовом походе и за это получили свои дивиденды в виде торговых привилегий в Иерусалимском королевстве, то генуэзцы и венецианцы поначалу заняли выжидательную позицию. Только после того, как стал очевиден успех крестового похода, они поддержали новую власть и устремились за своим куском пирога на рынках первых крестоносных государств. Однако способы достижения целей, подходы к колонизации Леванта обеих итальянских республик и, как следствие, темпы, динамика и специфика миграционных процессов существенно разнятся. Генуя стремилась к созданию крупных колоний и факторий, управляемых чиновниками, назначенными из метрополии. Главной задачей последних была защита рынка и торговых привилегий генуэзцев, гарантия их безопасности и получение постоянной торговой прибыли [Близнюк 2016: 223–524; Карпов 1990: 304–313; Balard 1978: I–II; Otten-Froux 1989: 167–179; Otten-Froux 2001: 333–351]. Венеция, помимо создания крупных колоний и факторий со штатом назначенных чиновников (Крит, Негропонт, Тана, Бейрут, Акра, Тир, Фамагуста), охотно использовала личную инициативу своих граждан, их контакты с местными правителями, их вовлеченность в местную политику и экономику, и, самое главное, освоение ими аграрной среды в левантийских государствах.

Устраняясь от прямого администрирования, Венеция обрела налоговые поступления, «верных дочерей и сыновей», постоянно открытые порты и рынки в этих областях, благоприятные условия жизни, деятельности и торговли для своих граждан, сохраняла возможность не только влиять на них, но и диктовать им условия. Со своей стороны, венецианские мигранты могли всегда рассчитывать на поддержку и помощь родины в конфликтных ситуациях, и, как минимум, на сочувствие той части местной элиты, которой были дарованы частичные права гражданства. И Генуя, и Венеция прибегали к политической ассимиляции представителей автохтонного населения, оформляя их статус как «белых генуэзцев» или «белых венецианцев» [Bliznyuk 2005: Doc. 68, 84, 85, 87–90, 94; Jacoby 1977: 159–188; Jacoby 1981: 229–233; Jacoby 2009: 59–100; Maltezou 1981: 1–16; Richard 1981: 89–129; Карпов 1990: 317–324; Близнюк 1994: 148–150].

Освоение аграрной периферии было долгим, затратным, беспокойным и хлопотным делом, требовавшим колоссального терпения. Однако именно его было не занимать Венецианской республике в ее дипломатии и политике на Востоке. И именно оно позволило ей включать в свои владения огромные территории, не прибегая к использованию силы. Проникновение венецианских граждан в аграрную сферу на Кипре, по всей видимости, произошло ещё в византийский период. Однако уже в первой половине XIII в. венецианцы потеряли все свои земельные владения на юге острова, включавшие в себя многочисленные деревни, сады, пахотные угодья, виноградники, пастбища, жилые и хозяйственные постройки. Кипрские короли династии Лузиньянов с самого начала образования нового королевства поставили жесткий заслон любому иностранцу приобретать недвижимость на острове. Поэтому граждане республики св. Марка были лишены всей их недвижимости на юге острова, что послужило причиной составления описи прежних венецианских владений, составленной Джакомо Файраго, благодаря которой нам и стало известно о попытке граждан Венеции укрепиться на острове ещё в конце XII – начале XIII вв. [Papadopoulou 1983: 303–332].

Короли ставили барьеры для доступа венецианских мигрантов в сельское хозяйство Кипра, защищая суверенитет своего государства. Пока им это удавалось, венецианцы на Кипре долго не задерживались. На протяжении всего XIII в. Кипр был лишь местом стоянки для их кораблей на пути к сирийским и египетским рынкам.

После потери крестоносцами Акры в 1291 г. и всех земель на континенте венецианцам пришлось вести долгую политическую борьбу с генуэзцами за укрепление своих позиций на Кипре и усиление своего влияния на кипрских королей.

Крестовые походы короля Пьера I Лузиньяна открыли широкий канал для частных лиц получать земли в качестве вознаграждения своих услуг. Венецианцы не замедлили воспользоваться финансовыми трудностями короля и внедриться туда, куда прежде было проникнуть невозможно, т.е. в кипрскую аграрную экономику. Уже в 1360-е годы на юге острова в районе Лимассола появились первые обширные плантации сахарного тростника, принадлежавшие знатнейшей и богатейшей венецианской фамилии Корнаро. Не отставали от Корнаро в своем желании получить фьефы от кипрского короля и их соотечественники [Близнюк 2016: 150, 532–539; Machairas 1932: 1].

Кипро-генуэзская война 1373–1374 гг. поставила государство Лузиньянов на грань финансового краха. Этим воспользовались предприимчивые граждане Венеции, готовые оказывать кипрскому монарху финансовую помощь в обмен на получение земель и налоговых привилегий в королевстве. Постепенно венецианские земельные владения превращаются в анклав, которые выводились из-под власти местных чиновников, не подлежали ни налогообложению, ни контролю со стороны королевской власти. Бесконечная зависимость короля от венецианских капиталов и кредитов, передача венецианцам наиболее доходных аграрных отраслей экономики, безбрежные претензии на торгово-экономические свободы и требования к королю обеспечить их даже в генуэзской Фамагусте, вели к ослаблению королевской власти и фактически передаче части властных полномочий венецианскому правительству на территории королевства [Близнюк 2016: 287–322; Edbury 1986: 109–126; Otten 1995: 61–75]. В то же время, наши наблюдения показывают, что Венеция более, чем её основная соперница Генуя, действовала на Кипре как средневековое государство, для которого при любой массе торгового капитала земля оставалась главной ценностью, мерилем богатства, показателем не только экономической, но и политической власти, индикатором её силы, могущества и стабильности. Земля была одной из приоритетных целей политики Венецианской республики на Кипре, которую она терпеливо проводила на протяжении долгого времени.

Будучи блестящей ученицей Византии в области дипломатии, обладая огромным политическим опытом, колоссальным терпением и хорошей памятью, Венеция готова была договариваться, платить, меняться, интриговать, подставлять под удар третью сторону, проявляя

порой чудеса изворотливости, душисть конкурента или врага экономически, только чтобы избежать прямых военных столкновений, коих в её истории и без того было немало. Её долгое терпение позволило ей прибрать к своим рукам не только земли-анклавы, но и королевский престол, подчинить себе местную элиту и, в конечном итоге, договорившись с султаном Египта, в 1489 г. включить в свои владения весь остров Кипр.

Библиография

- БЛИЗНЮК С.В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв. – М., 2016.
- БЛИЗНЮК С.В. Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре: 1192–1373 гг. – М., 1994.
- БЛИЗНЮК С.В. Миграция венецианцев на Кипр в XIII–XV в. // Россия и Германия. – 2012 (2) С. 12–16.
- БЛИЗНЮК С.В. Венецианские мигранты и иммигранты на Кипре в XIV–XV вв. // Причерноморье в средние века / под ред. С.П. Карпова. – СПб., 2015. Вып. 9. С. 109–126.
- БЛИЗНЮК С.В. Иностранцы на службе кипрских королей первой половины XIV в. // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. / Под ред. Н.А. Хачатурян. – СПб., 2001. С. 274–286.
- БЛИЗНЮК С.В. 1489 г. Чей Кипр: венецианский или египетский // Вестник МГУ. Серия Востоковедение. – 2010. № 3. С. 42–57.
- КАРПОВ С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв. – М., 1990.
- BALARD M. La Romanie génoise (XIIe – débue du Xve siècle). – Rome, Genova, 1978. Vol. I–II.
- BLIZNYUK S.V. Die Genuesen auf Zypern. Ende 14. und 15. Jhd. Publikation von Dokumenten aus dem Archivio Segreto in Genua. – Frankfurt am Main, 2005.
- BLIZNYUK S.V. Die Venezianer auf Zypern im 13. und in der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts // Byzantische Zeitschrift. – 1991/1992. Bd. 84/85. Heft 2. P. 441–451.
- BLIZNYUK S.V. Die Fremden am Hofe der Könige von Zypern im 14/15. Jhd. // Επετηρίδα. Κέντρο Επιστημονικών Ερευνών. – Nicosia, 2005. Bd. XXXI. P. 109–125.
- EDBURY P. Cyprus and Genoa: the Origins of the War of 1373–1374 // Πρακτικά του Δεύτερου Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου. – Nicosia, 1986. Vol. II. P. 109–126.
- JACOBY D. Citoyens, sujets et protégés de Venise et de Gênes en Chypre du XIIIe au XVe siècle // Byzantinische Forschungen. – 1977. Bd. V. P. 159–188.
- JACOBY D. Les Vénitiens naturalisés dans l'Empire byzantin: un aspect de l'expansion de Venise en Romanie du XIIIe au milieu du XVe siècle // Travaux et mémoires. – Paris, 1981. T. 8. C. 217–35.

- JACOBY D. The Venetians in Byzantine and Lusignan Cyprus: Trade, Settlement, and Politics // *La serenissima and la Nobilissima: Venice and Cyprus in Venice.* – Nicosia, 2009. P. 59–100.
- MACHAIRAS L. Recital Concerning the Sweet Land of Cyprus Entitled Chronicle / Ed. R.M.Dawkins. – Oxford, 1932. Vol. I–II.
- MALTEZOU Chr. Παρατήρησεις στὸν θεσμὸ τῆς βενετικής ὑπεκότητος (προστατευόμενο τῆς Βενετίας στὸν λατινοκρατούμενο ἑλληνικὸ χῶρο 1305–1505 αἰ.) // *Συμμείκτα.* – 1981 T. IV. P. 1–16.
- OTTEN-FROUX C. Les institutions génoises et les affaires de Chypre // *Etat et colonization au Moyen Âge* / Ed. M. Balard. – Lyon, 1989. P. 167–178.
- OTTEN-FROUX C. Quelques aspects de la justice à Famagouste pendant la période génoise // *Πράκτικα του Τρίτου Διεθνούς Κυπριολογικοῦ Συνεδρίου.* – Nicosia, 2001. Vol. II. P. 333–351.
- PAPADOPOULOU E. Οἱ πρῶτες ἐγκαταστάσεις Βενετῶν στὴν Κύπρο // *Συμμείκτα.* – 1983. T. VI. P. 303–332.
- RICHARD J. Une famille de “Vénitiens blancs” dans le royaume de Chypre au milieu du XVe siècle: les Audeth et la seigneurie du Marethasse // *Rivista di studi bizantini e slavi* – 1981. Vol. I. P. 89–129.
- THIRIET F. *La Romanie Vénitienne au Moyen Âge.* – Paris, 1959.

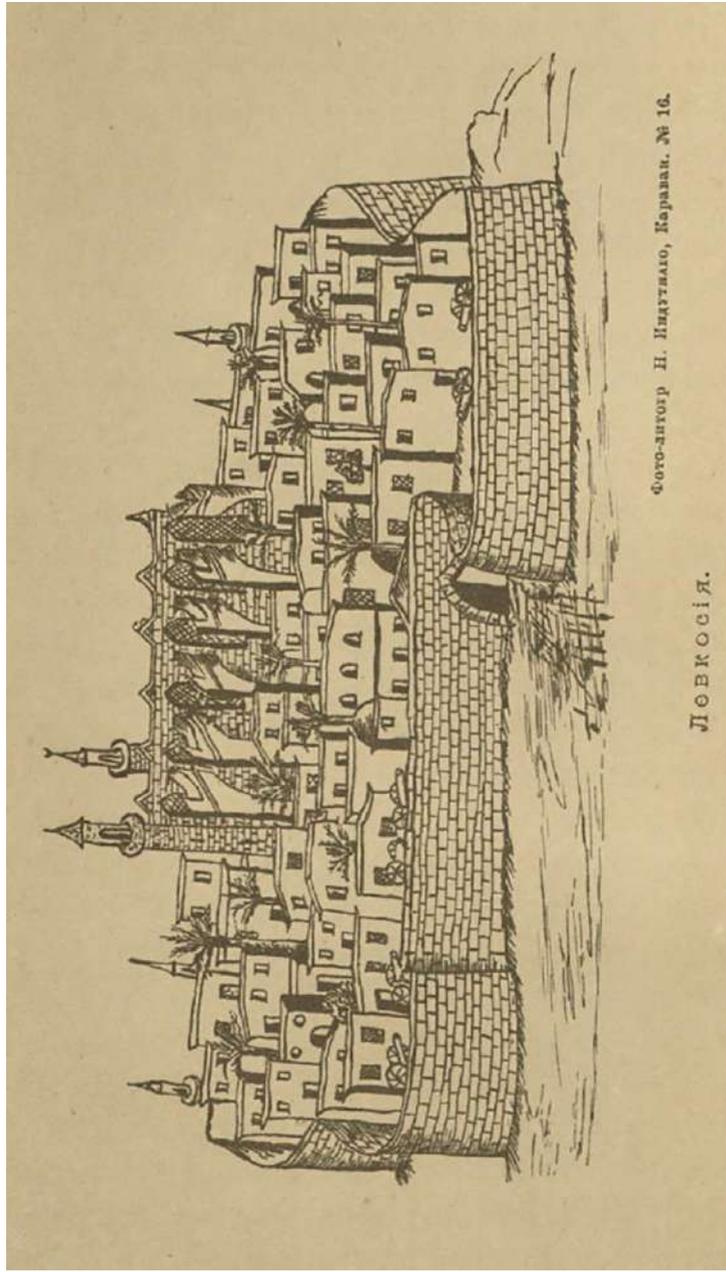

Фото-гипюр Н. Ивдтмало, Караван. № 16.

Левкосія.

Рис. 1. В. Григорович-Барский. Никосия.

(по: Странствия Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г.
/ Под ред. Н. Барсукова. СПб., 1886. Ч. II).

М.Н. БУТЫРСКИЙ

Государственный музей Востока
(Москва)

НАДЧЕКАНКА С ОБРАЗОМ СПАСА НЕРУКОТВОРНОГО НА ПОЛУТЕТАРТЕРОНЕ МАНУИЛА I (1143–1180)

При всём разнообразии византийской нумизматической иконографии христианские святые редко изображались на монетах империи. Поэтому каждый пример изображений подобной тематики заслуживает особого интереса.

Один из таких случаев представлен на одном из выпусков второй половины XII столетия – медном полутетартероне Мануила I Комнина (1143–1180) первой константинопольской серии [Hendy 1969: 119, pl. 17,5-6] (см. Рис. 1).

Диаметр монеты – 13 x 14 мм.

Аверс. Погрудное изображение И. Христа, анфас; слева титла – IC.

Реверс. Погрудное изображение императора в стемме, держащего в правой руке лабарум, а в левой сферу с крестом, анфас. По кругу остатки надписи.

На каждой из сторон по надчеканке. На лицевой стороне – в круглом точечном ободке – вероятно, арабская надпись (Рис. 1,1); а на обороте – в квадратной точечной рамке – лик Христа без нимба (голова Спасителя на фоне трёх ветвей креста) (Рис. 1,2).

Нерукотворный Образ Спасителя из Эдессы, он же Мандилион, или Святой Убрус – важнейшая христорологическая реликвия, чьё возникновение церковная традиция связывает с личными действиями самого Христа. С VI в. упоминается в византийских источниках (Евагрий Схоластик), в X–XIII вв. находился в Константинополе, а затем был перенесён в Париж, где и оставался до конца XVIII в.

Возникновение Мандилиона санкционировало церковное иконопочитание и рассматривалось как постоянный аргумент в споре с иконоборцами.

Единственный пример точно атрибутированного образа Спасителя в византийской нумизматике – монеты Никейской империи с фигурой Христа Халкитиса [Hendy 1969: 243, pl. 33,9].

Фигура тронного Христа с эпитетом *Rex regnantium* на выпусках Македонской династии IX–X вв. лишь предположительно воспроизводит мозаику дворцового Хрисотриклиния.

Лик Спаса на Убресе никогда не фигурировал на монетах, за исключением надчеканки на данном полутетартероне Мануила I.

Мотивация выбора этой иконографии, как и точные обстоятельства эмиссии остаются в области предположений.

Библиография

HENDY M.F. *Coinage and Money in the Byzantine Empire 1081–1261*. – Washington, 1969.

Рис. 1. Полутетартерон Мануила I Комнина (1143–1180)
с надчеканками (увеличено):

1 – арабская надпись в две/три стороны;
2 – голова Христа на фоне трёх ветвей креста.

А.Ю. ВИНОГРАДОВ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва)

ΤΟΡΟΝΥΜΙΣΑ ΡΟΝΤΙΣΑ. Ι. ΚΑΛΑΜΙΤΑ¹

В литературе предлагалось несколько этимологий топонима Каламита, упоминаемого в форме Calamita, Callamita, Chalamita, Calamit, Calomit, Caramit, Calami, Calaliuja, Calamithe (gen.) с начала XIV в. на портоланах [Фоменко 2007: 319], а с 1426 г. — в генуэзских документах [Мыц 2009: 76]. К сожалению, исследователям оставалась неизвестна византийская форма этого имени — Καλαμίτα. Только В.Л. Мыц безо всякой ссылки дает форму Καλαμίτους [Мыц 2009: 123].

В тоже время эта форма всё-таки существует и зафиксирована в Cod. Laur. Plut. gr. 5. F. 3 1463/1464 г.:

Ἐκοιμήθη ὁ πανιερώτατος μητροπολίτης Τυρνόβου Ἰγνάτιος
ἐν τῇ ἀγίᾳ μονῇ τοῦ Προδρόμου τῆς Καλαμίτας κατὰ τὸ ,ςῆοβ' —

«Почил всесвятнейший митрополит Тырновский Игнатий во святой обители Предтечи в Каламите в 6972 году» [Λάμπρος 1910: 164, № 142], откуда следует, что и в греческом языке это имя было женского рода.

Еще Ф. Брун [Брун 1879] осторожно сопоставил имя Каламиты с античным городом Καλὸς λιμὴν. Позднее была предложена этимология из греческого – καλὴ μύτη – «прекрасный мыс», но наибольшее распространение получила этимология Каламиты из греч. κάλαμος «тростник, камыш» [Белецкий 1969: 205–206; Бушаков 2003: 64–64, 91]. Наконец, совсем недавно Д.Е. Афиногенов [Афиногенов 2019] предложил еще одну этимологию: из греческого – καλὰ μητὰτα – «прекрасные квартиры». Все эти этимологии наталкиваются, однако, на ряд возражений, которые заставляют нас вернуться к этому вопросу заново.

Ф. Брун лишь сопоставлял имя Каламита с античным топонимом Καλὸς λιμὴν, локализация которого (совр. Черноморское) была тогда не

---

¹ Благодарим А.В. Джанова за ценные советы.

известна. Поэтому данную версию, изредка встречающуюся в литературе, но практически необъяснимую лингвистически, в настоящий момент нельзя считать научной.

Д.Е. Афиногенов справедливо указал на сложность перехода Καλή μύτη в Каламиту (трудно объяснимое двойное превращение *i* в *a*). Кроме того, название «Прекрасный мыс» мало подходит к крепости, расположенной в самой глубине Севастопольской бухты, у устья р. Черной. Наконец, выражение καλή μύτη в новогреческом имеет устойчивое значение «хороший нюх», мало подходящее для топонима.

Этимология καλή μύτατα выглядит лингвистически более обоснованным: переход топонима из pl. neutr. в sing. fem. известен (ср. τὰ Μύρα > ἡ Μύρα). Однако её автор не привёл примеров ни гаплогогии последнего слога в μύτατα, ни слов, сложных с –μύτατα, ни содержащих его топонимов. Поиск по базе данных Thesaurus linguae graecae показывает, что таковых действительно не существует.

Этимология Каламиты как «камышовой» (<κάλαμος «тростник»), хорошо подходящая по смыслу к заболоченному устью р. Черной (ср. Камышовую бухту в Севастополе), вполне возможна и с языковой стороны, вопреки решительному утверждению Д.Е. Афиногенова, что производное от κάλαμος должно было бы звучать как Καλαμίατα (такой топоним известен в Мессении). В древнегреческом существовало прилагательное καλαμίτης [LSJ, s.v.], тождественное по значению καλάμινος «тростниковый». Более того, имя Καλαμίτης в античности служило прозвищем Аристомаха Афинского (LSJ, s.v., II), а в средне- и поздневизантийское время функционировало как фамильное [Lefort, Oikonomidès, Papachryssanthou 1985: 221; Νυσταζοπούλου-Πελεκίδου 1980: 226], так же, как и диминутив Καλαμίτζης [PLP 92246–92247], встречающийся и как топоним (Καλαμίτζιν в хрисовуллах Михаила VIII, Андроника II и Михаила IX Ивирскому монастырю на Афоне). Единственная проблема здесь — смена окончания на форму на -α, фиксируемая уже в византийскую эпоху.

В средневековой латыни и итальянском хорошо известно существительное, абсолютно идентичное по форме имени Каламита, — *calamita* «магнит». Учитывая вероятное зарождение известной нам формы топонима Каламита в итальянской среде — *Calamita*, представляется весьма правдоподобным, что она действительно имеет итальянское происхождение. Она могла появиться как благодаря выгодному местоположению Каламиты, «притягивавшей» к себе торговцев (ср. феодоритско-генуэзскую войну за Каламиту 1434 г.), так и в процессе переосмысления какого-то более древнего ее названия (например, греч. Καλαμίτης «камышовый»), особенно учитывая наличие

альтернативных ранних форм Calamit, Calomit (с искажением Caramit), Calami. Поскольку же из латыни или итальянского слово calamita было заимствовано в византийский греческий — καλαμίτα (с тем же значением) [LBG, s.v.], то становится понятно и появление в греческом формы на -α — Καλαμίτα.

Библиография

- АФИНОГЕНОВ Д.Е. Еще одна версия этимологии названия «Каламита» // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.И. Айбабина. – Симферополь, 2019: 24–25.
- БЕЛЕЦКИЙ А.А. Греческие элементы в географических названиях Крыма // Этимология. 1967. – М., 1969: 201–214.
- БРУН Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. I. – Одесса, 1879.
- БУШАКОВ В.А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. – К., 2003.
- МЬЩ В.Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. – Симферополь, 2009.
- ФОМЕНКО И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. – М., 2007.
- LBG — Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts / hrsg. E. Trapp, unter Mitarbeit von W. Hörandner, J. Diethart u. a. – Wien, 2001–2017.
- LEFORT J., OIKONOMIDÈS N., PAPACHRYSSANTHOU D. Actes d'Iviron. I. Des origines au milieu du XIe siècle (Archives de l'Athos; XIV). – Paris, 1985.
- LSJ — A Greek-English lexicon / ed. H. G. Liddell, R. Scott, rev. H. S. Jones. 9th ed. – Oxford, 1996.
- ΛΑΜΠΡΟΣ Σ. Ἐνθυμύσεων ἤτοι χρονικῶν σημειωμάτων συλλογή πρώτη // Νέος Ἑλληνομνήμων. – Ἀθήνησιν, 1910. Τ. 7: 113–278.
- ΝΥΣΤΑΖΟΠΟΥΛΟΥ-ΠΕΛΕΚΙΔΟΥ Μ. Βυζαντινὰ ἔγγραφα τῆς μονῆς Πάτμου. Τ. Β΄. – Ἀθήνα, 1980.
- PLP — Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. – Wien, 1988.

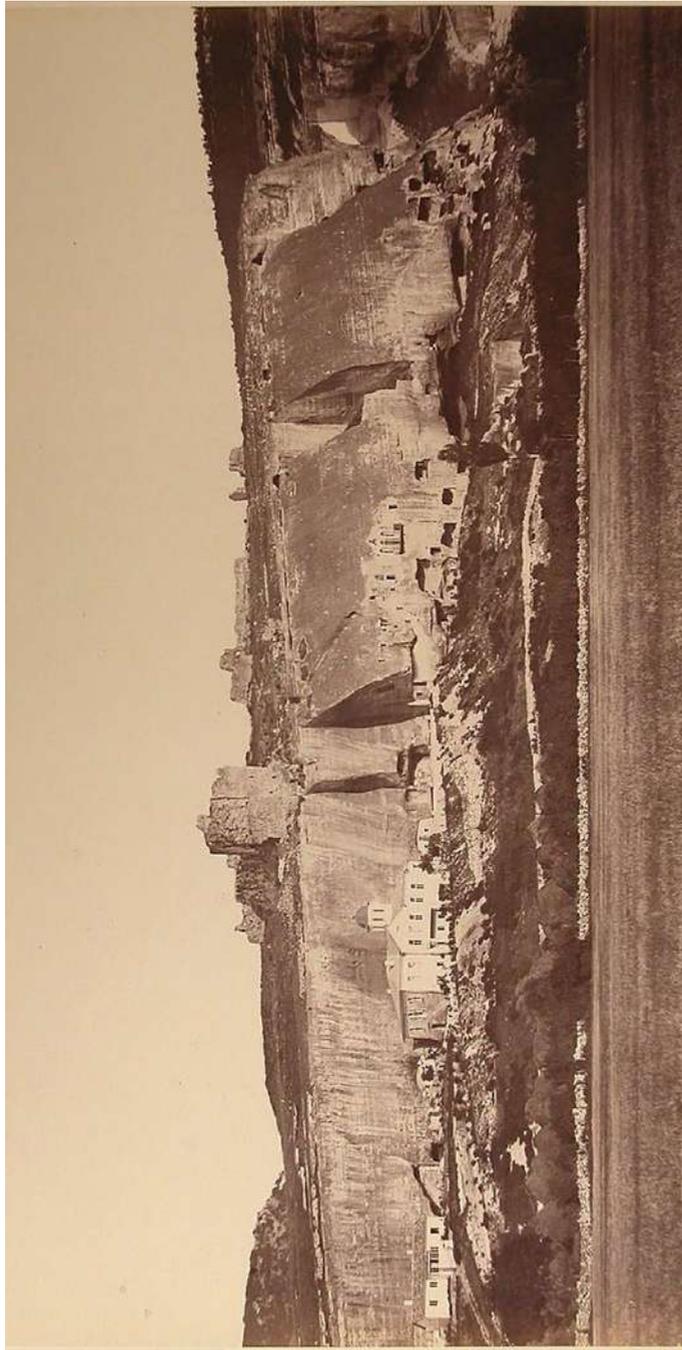

Рис. 1. Вид на крепость Каламита и Инкерманский монастырь
(фото ок. 1867 – 1875 гг. из личного архива А.В. Иванова)

**А.Г. ГЕРЦЕН
В.Е. НАУМЕНКО
В.К. ГАНЦЕВ**

Таврическая Академия
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

СКАЛЬНЫЕ ВИНОГРАДОДАВИЛЬНИ МАНГУПА

Как показывают археологические исследования Мангупского городища, на протяжении фемного периода его истории (около 841 г. – середина XI в.) основным занятием населения оставалось скотоводство и земледелие. Однако, постепенно возрастает значение специализированной отрасли занятий – товарного виноградарства и виноделия, находившегося под контролем местной византийской администрации. Об этом свидетельствуют, прежде всего, наличие стационарных скальных виноградодавилен внутри обжитой зоны крепости, продукция которых, с учётом её объема, была предназначена для вывоза и продажи далеко за пределами района производства. В литературе указанные археологические объекты до сих пор не становились предметом специального изучения. Настоящее исследование предпринято с целью ликвидировать существующий пробел в историографии. В основе его лежат обследования всех известных виноградодавилен городища, выполненные в 2016 г. в ходе работы Мангупской археологической экспедиции Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского.

История изучения винодельческих комплексов Мангупа. Долгое время скальные виноградодавильни городища не привлекали внимания исследователей. Впервые о них бегло упоминает А.И. Маркевич [Маркевич 1889: 112].

В 1912 г. Р.Х. Лепер, вероятно, произвёл расчистку одного из тарапанов вблизи южного склона Мангупа (Рис. 1,1; далее – МКВ-1)¹, не оставив при этом никаких сведений о раскопках в полевой документации. Атрибуция памятника принадлежит Е.В. Веймарну, который в 1954 г. открыл ещё три скальные винодельни на городище – две на эспланаде цитадели (Рис. 1,4-5; МКВ-4 и МКВ-5) и ещё одну в гроте под южным обрывом Мангупского плато (Рис. 1,6; МКВ-6). Им же была предложена общая для всех виноградодавилен датировка (VIII–X вв.), установлена связь между их появлением и возникновением гончарных центров по производству амфор в южной части полуострова, а также высказана гипотеза о местных истоках винодельческой культуры у населения Горной Таврики [Веймарн 1960].

После организации Мангупской археологической экспедиции в 1967 г. изучение винодельческих комплексов городища было продолжено. В 1968–1972 гг. были исследованы не только все известные прежде тарапаны (МКВ-1, МКВ-4, МКВ-5, МКВ-6), но и открыты ещё четыре виноградодавильни – две в районе триангуляционного знака на Мангупском плато (Рис. 1,2-3; МКВ-2 (1968 г.) и МКВ-3 (1970 г.)), на месте так называемой «усадьбы с тарапаном» (Рис.1,7; МКВ-7 (1972 г.)) и «винтовой пресс» на полу расположенного рядом пещерного сооружения (Рис. 1,11; МКВ-11 (1969 г.)). Результаты этих раскопок до сих пор не введены в научный оборот [Пиоро 1972; Веймарн, Лобода, Пиоро, Чорэф 1974].

В конце XX – начале XXI вв. исследованы ещё четыре тарапана. Их раскопки не носили целенаправленного характера; памятники открыты в ходе изучения некоторых основных археологических объектов городища. В 1993 г. раскопана виноградодавильня к востоку от церкви Св. Константина (Рис. 1,8; МКВ-8) [Герцен, Иванова, Науменко, Смокотина 2007: 238, рис. 2], в 1997 г. – часть суслоприемника тарапана, срубленного при строительстве октагонального храма цитадели на м. Тешкли-бурун (Рис. 1,9; МКВ-9) [Герцен, Науменко 2010: 240, 241, ил.4, 6].

---

¹ МКВ-1 («Мангуп-Кале винодельня № 1») – аббревиатура, принятая при картографировании виноградодавилен в 2016 г. Термин «тарапан» используется нами в двух значениях – в качестве синонима терминам «винодельня» («виноградодавильня») либо для традиционного в историографии обозначения «давильной площадки» винодельческого комплекса, одного из двух основных конструктивных элементов сооружения.

В 2001 г. на площади раскопа XII у тыльной стороны северо-западной куртины цитадели были обнаружены ещё два винодельческих комплекса – стационарный бортовой внутри здания № 15 (Рис. 1,10; МКВ-10) и «винтовой пресс» рядом со зданием № 19 (Рис. 1,12; МКВ-12). В обоих случаях стратиграфически они предшествовали строительству жилых построек.

Топография тарапанов Мангуна. Предпринятые в 2016 г. обследования скальных виноградодавилен с целью подготовки их публикации включали картографирование, зачистку и современную графическую фиксацию памятников. Уже на этапе картографирования выявлены топографические закономерности в расположении тарапанов в пределах Мангупского плато (Рис. 1):

1. Практически все они сосредоточены на открытой местности, в наиболее возвышенной (северо-восточной) части плато, где на протяжении всей истории городища традиционной дневной поверхностью являлась сильно каррированная скала, слабо покрытая грунтом и удобная для обработки.

2. Винодельческие комплексы образуют две хорошо локализованные группы – в верховьях м. Тешкли-бурун, вблизи его западного склона, обращенного в сторону подъездной дороги и главных ворот крепости (группа 1: МКВ-4, МКВ-5, МКВ-9, МКВ-10 и МКВ-12) (Рис. 1,4-5, 9-10, 12), и вдоль южного склона Мангупского плато, в направлении ущелья Демир-Капу (укрепление А.ХІХ), по которому традиционно проходит тропа в расположенную к югу Адым-Чокракскую долину (группа 2: МКВ-1, МКВ-2, МКВ-3, МКВ-7, МКВ-8, МКВ-11) (Рис. 1,1-3, 7-8, 11). Такое местоположение обеих групп памятников представляется не случайным. Оно было обусловлено близостью дорожных коммуникаций и обеспечивало быструю доставку сырья к месту его переработки.

3. Обращает внимание близость структуры каждой из отмеченных групп скальных виноградодавилен. Они почти не отличаются количественно. В каждой из них, наряду с монолитными бортовыми тарапанами, присутствует одна винодельня с «винтовым прессом» (Рис.1,11-12), что, очевидно, указывает на особенности использованной при переработке винограда технологии.

4. Все перечисленные закономерности не имеют отношения к отдельной виноградодавильне МКВ-6 (Рис. 1,6), расположенной в естественном гроте на склоне Мангупского плато. К тому же, она отли-

чается от других тарапанов меньшими размерами и, соответственно, объёмом производимой продукции (см.: Табл. 1–2). Возможно, в данном случае речь идёт о производственном комплексе с иными функциями и потребителями.

Типология, конструктивные элементы, особенности технологического процесса. На сегодняшний день на территории Мангупа известно 12 скальных стационарных винодельческих комплексов, которые подразделяются на два типа:

Тип 1. Монолитные бортовые виноградодавильни с простой системой сбора виноградного сула (МКВ-1, МКВ-2, МКВ-3, МКВ-4, МКВ-5, МКВ-6, МКВ-7, МКВ-8, МКВ-9, МКВ-10) (Рис. 1, 1-10). Состоят из давящей площадки (собственно «тарапана») и сулоприёмника, соединённых сулоотводным каналом. Рядом с давящей площадкой обычно располагается вырубленное в скале прямоугольное углубление для опоры «рычажного пресса», который мог приводиться в действие вручную либо с помощью каменного груза (гири). Все винодельни, за исключением МКВ-6, имеют близкие размеры конструктивных элементов (см.: Табл. 1). Отметим открытый характер производственных комплексов, перекрытых обычными навесами. Защита давящей площадки и сулоприёмника от дождевой воды обеспечивалась системой вырубленных в скале водоотводных каналов и желобов.

Тип 2. Так называемые «винтовые прессы», от которых сохранились скальные вырубки под станины деревянной конструкции в виде буквы «Н» (МКВ-11 и МКВ-12 (Рис. 1, 11-12)). Один из них, как уже говорилось, обнаружен в пещерном сооружении вблизи современного триангуляционного знака Мангупского плато.

Наличие двух видов прессов указывает на несколько технологических стадий при переработке виноматериалов. Основной отжим был связан с использованием «рычажного пресса», заключительный производился «винтовым прессом». Качество виноградного сока в последнем случае было самым низким.

При всей условности наших расчётов, общий объём виноградной массы, необходимой для максимальной одновременной загрузки всех тарапанов 1-го типа превышал 10,2 т; при этом выход виноградного сока должен был составить не менее 6,2 т (около 60%) (см.: Табл. 2). С учетом достаточно длительного сезона сбора и переработки винограда (около 2-х месяцев) и, соответственно, многократной загрузки виноградодавилен, безусловно, эти цифры свидетельствуют о товарном (экспортном) характере виноделия на Мангупе.

Исторический контекст. Виноградодавильни Мангупа хорошо вписаны в существующую концепцию исторической периодизации городища. Они рассматриваются как элементы топографии памятника в фемный период его истории (вторая половина IX – середина XI вв.) и как материальные свидетельства ориентированного на экспорт товарного виноделия, находившегося под управлением местной византийской администрации. Основным направлением сбыта винодельческой продукции являлись донские и приазовские районы Хазарского каганата [Герцен 2002: 32, 33; Герцен, Науменко 2015: 92, 93; 2018].

В то же время необходимо сказать, что эти заключения опираются больше на общеисторические наблюдения и особенности стратиграфии городища, чем на хорошо датированные археологические комплексы. Скальные виноградодавильни Мангупа, как и другие подобные винодельческие центры, известные на многих памятниках Юго-Западного Крыма, могут стать полноценными археологическими источниками лишь при условии решения ряда ключевых проблем. Прежде всего, необходим их полный реестр, что позволит разработать обоснованную типологию данной категории археологических объектов. Другой задачей является уточнение хронологии «причерноморских» амфор, которые традиционно считаются основным видом тары для вывоза продукции винодельческих центров Таврики в Хазарию и другие сопредельные с полуостровом регионы. На сегодняшний день, она остается дискуссионной [Ср.: Паршина, Тесленко, Зеленко 2001; Науменко 2009; Голофаст 2019].

Библиография

- ВЕЙМАРН Е.В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА – К., 1960. Вып. 10. С. 109–117.
- ВЕЙМАРН Е.В., ЛОБОДА И.И., ПИОРО И.С., ЧОРЕФ М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика: материалы по истории и археологии Крыма. – К., 1974. С. 123–139.
- ГЕРЦЕН А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // ХА. – Харьков, 2002. Т. 1. С. 29–34.
- ГЕРЦЕН А.Г., ИВАНОВА О.С., НАУМЕНКО В.Е., СМОКОТИНА А.В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI–XVIII вв.) // МАИЭТ. – Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 233–298.
- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. – СПб., 2010. Т. 53. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII в. С. 225–250.
- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум». – Керчь, 2015. С. 88–100.
- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. К изучению истории Мангупа VIII–XI вв. Состояние источниковой базы и перспективы исследования // МАИЭТ. – Симферополь, 2018. Вып. XXIII. С. 615–640.
- ГОЛОФАСТ Л.А. Комплексы амфор причерноморского типа из Фанагории // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.И. Айбабина. – Симферополь, 2019. С. 39–43.
- МАРКЕВИЧ А.И. Экскурсия на гору Бакла и в деревню Мангуш // ИТУАК. – Симферополь, 1889. № 8. С. 108–114.
- НАУМЕНКО В.Е. Амфоры // В.Л. Зинько, Л.Ю. Пономарев. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. – Симферополь; Керчь, 2009. С. 35–50.
- ПАРШИНА Е.А., ТЕСЛЕНКО И.Б., ЗЕЛЕНКО С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье. – Киев, 2001. С. 52–81.
- ПЮРО І.С. Археологічні дослідження залишків садиби на середньовічному городищі Мангуп у 1969 році // Вісник Київського університету. – К., 1972. № 14. С. 113–118.

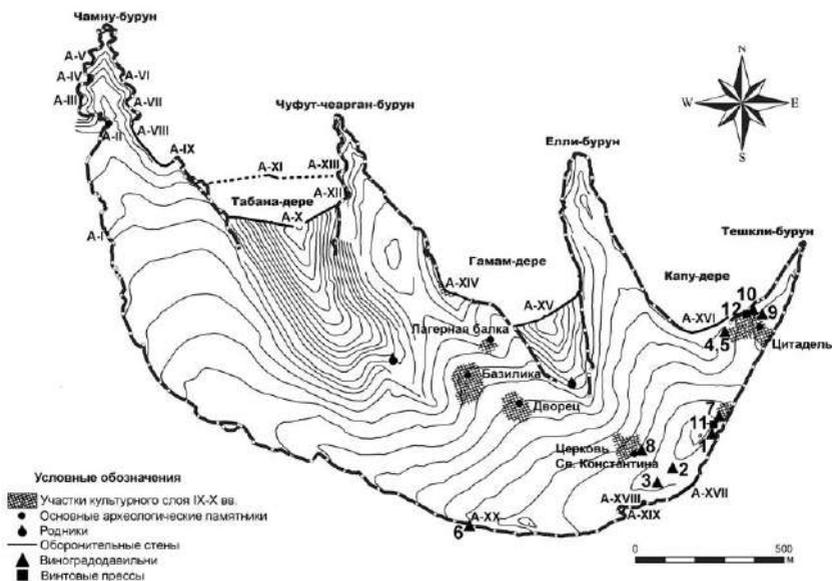

Рис. 1. Общий план Мангупского городища с указанием участков культурного слоя IX–X вв. и известных винодельческих комплексов:

- 1 – винодельня № 1 (МКВ-1; 1912 г.);
- 2 – винодельня № 2 (МКВ-2; 1968 г.);
- 3 – винодельня № 3 (МКВ-3; 1970 г.);
- 4 – винодельня № 4 (МКВ-4; 1970 г.);
- 5 – винодельня № 5 (МКВ-5; 1970 г.);
- 6 – винодельня № 6 (МКВ-6; 1969 г.);
- 7 – винодельня № 7 (МКВ-7; 1972 г.);
- 8 – винодельня № 8 (МКВ-8; 1993 г.);
- 9 – винодельня № 9 (МКВ-9; 1997 г.);
- 10 – винодельня № 10 (МКВ-10; 2001 г.);
- 11 – винодельня № 11 с «винтовым прессом» (МКВ-11; 1969 г.);
- 12 – винодельня № 12 с «винтовым прессом» (МКВ-12; 2001 г.).

Таблица 1. Параметры конструктивных элементов виноделен Магнусовского горюшца

№№	Виноделья	МКВ-1	МКВ-2	МКВ-3	МКВ-4	МКВ-5	МКВ-6	МКВ-7	МКВ-8	МКВ-9	МКВ-10
1	Параметры движливной плошадки (длина×ширина×высота), м	2,62×2,14 ×0,44	2,05×1,90 ×0,37	2,30× 1,30-2,10 ×0,45	3,08×2,05 ×0,36	2,12×1,84 ×0,35	2,18×0,87 ×0,35	2,62×1,91×0 ,44	2,42×1,98 ×0,39	----	2,4×1,6×0, 34
2	Плошадь движливной плошадки, м²	5,61	3,9	3,67	6,31	3,9	1,89	5	4,79	----	3,84
3	Объем движливной плошадки, л	2,466	973	1,101	1,704	1,248	493	2,151	1,485	----	1,075
4	Продольный угол движливной плошадки, м	0,08	0,14	0,12	0,34	0,11	0,17	0,16	0,17	----	0,14
5	Параметры суселорисеншка (длина×ширина×высота), м	1,06× 0,98-1,18 ×0,66	1,30× 1,25-1,5 ×0,55	1,45×1,20×0 ,65	1,6×1,5× 0,75	----	0,99×0,55 ×0,22	1,26×1,12×0 ,53	1,62×0,68 ×0,35	1,5×0,83 ×0,42	1,2×1,2× 0,45
6	Параметры суселоводного канала (ширина×длина×высота), м	0,12-0,28 ×0,64 ×0,15	0,08-0,16 ×0,36 ×0,14	0,5-0,13 ×0,4×0,12 ----	0,08-0,18 ×0,6×0,17 ----	----	0,15-0,17 ×0,34 ×0,11	0,11-0,14 ×0,38 0,16× 0,42× 0,11-0,14	0,14-0,27 ×0,44 ×0,14	----	0,15×0,32
7	Параметры услубления для конструрки пресса (длина×ширина×высота), м	0,59×0,28 ×0,27	0,55×0,55 ×0,4	----	0,42×0,22 ×0,29	0,40×0,22 ×0,31	0,18×0,12 ×0,10	0,16× 0,42× 0,11-0,14	0,28×0,1 ×0,27	----	----

Таблица 2. Производительные мощности виноделен Магнусовского горюшца

№№	Виноделья	МКВ-1	МКВ-2	МКВ-3	МКВ-4	МКВ-5	МКВ-6	МКВ-7	МКВ-8	МКВ-9	МКВ-10	Итого
1	Масса винограда, необходимая для разовой загрузки движливной плошадки (кг)	771	305	343	593	389	153	671	464	----	336	4025
2	Выход виноградного сока при разовой загрузке движливной плошадки (л)	501	198	223	384	253	99	436	302	----	218	2614
3	Масса винограда, необходимая для полного заполнения виноградыным соком суселорисеншка (кг)	1055	1376	1501	2772	----	184	1564	593	805	997	10250
4	Количество загрузки, необходимая для полного заполнения виноградыным соком суселорисеншка	2	4-5	4	4-5	----	1-2	2	1-2	----	5	----

Н.В. ГИНЬКУТ

Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

ОКРЕСТНОСТИ СЕВАСТОПОЛЯ (ИНКЕРАМАН И БАЛАКЛАВА) В КОНЦЕ XVIII В. ГЛАЗАМИ АНГЛИЙСКОГО ХУДОЖНИКА УИЛЬЯМА ХАДФИЛДА¹

Присоединение Крыма к России в конце XVIII столетия вызвало бурный интерес не только среди российской элиты, но и среди европейской общественности. Хотя позволить себе вояж в Крым мог не каждый, но всё же за небольшой промежуток времени с конца XVIII до середины XIX столетия в Крыму побывали десятки иностранцев и все с разными целями. Помимо ярких и красочных описаний полуострова: его природы, культуры и быта местного населения, исторического наследия полуострова, вояжёры часто сопровождали свои записки зарисовками, как других путешественников, так и собственными.

Так в качестве одного из художников был приглашён в путешествие с императрицей Екатериной II английский живописец Уильям Хадфилд, делавший во время всего пути зарисовки увиденного. По окончании работ акварели были оформлены в альбом – «Путешествие в Крым Её Величества императрицы всероссийской, 1787 г.», в который были включены 26 работ.

Каким образом У. Хадфилд был приглашён в путешествие по России, неизвестно. О его поездке в Россию также нет никаких данных, кроме сохранившихся акварелей в собрании Государственного Эрмитажа, где хранятся несколько работ, непосредственно иллюстрирующих виды Крыма. Все они подписаны «Hadfield. 1787», названия написаны на французском языке (с ошибками), в углу каждого листа имеется вензель императора Павла I. Сами акварели впервые упоминаются в исследовании И.Г. Георги (1794 г.),

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

посвящённом описаниям достопримечательностей Санкт-Петербурга, в том числе и императорским коллекциям. По мнению ряда исследователей, художник завершал некоторые акварели в Петербурге; об этом свидетельствует один из листов, помеченный «St Petersburg». По возвращению в столицу Хадфилд предоставил свои рисунки мастеру-краснодеревщику М. Веретенникову для изготовления великолепного бюро (из Царскосельского музея-заповедника) с наборными композициями со сценами путешествия Екатерины II [Ботт 2009]. По предположению авторов Каталога британской живописи в Эрмитаже, У. Хадфилд, сопровождая Екатерину II в путешествии на юг в 1787 г., сделал рисунков гораздо больше, но виды Украины передали в Харьковский музей и затем следы их затерялись [С берегов Темзы ... 1997: 24–27]. Две гравюры с рисунков У. Хадфилда в качестве иллюстраций путешествия императрицы по Днепру и прибытия её в Кременчуг были напечатаны в работе А.Г. Брикнера «Путешествие императрицы Екатерины II в Крым» в 1885 г. [Брикнер 1885: 5–23].

Исследователями дана довольно высокая историческая оценка работ английского художника: «Хотя художественный уровень акварелей не является выдающимся, они примечательны и уникальны тем, что представляют собой живописный дневник тех мест, которые посетила Екатерина во время своего путешествия на юг» [Кросс 2005: 336–337].

Говоря о самом художнике, нужно отметить, что о нём известно немного. Уильям-Томас Хадфильд родился в Ливорно в 1761 г. Родители – Чарльз и Изабелла Хадфильды, владельцы гостиницы. В 1776 г. там остановился известный английский архитектор Дин, учеником которого стал Хадфильд-младший. Вскоре отец умер и мать с детьми переехала в Рим, где Хадфильд продолжил обучение живописи у Пьетро Лабруцци и стал известен как художник видов Рима. Затем семья уехала в Англию, но Хадфильд остался в Италии. В 1781 г. он всё-таки возвращается в Англию. В 1783 г. совершает поездку по России. В 1794 г. вновь возвращается в Англию. А в 1804 г. – снова отправляется в Италию. Существует предположение, что незадолго до смерти У. Хадфильд совершил ещё одно путешествие в Крым. По словам Озиаса Хамфри, который с ним переписывался, последний умер незадолго до 1818 г. «на берегах Эвксинского моря» [King 2014: 22–24].

В нашем распоряжении оказалось несколько работ Уильяма Хадфильда, любезно предоставленных Государственным Эрмитажем², выполненных акварелью на бумаге и датированных 1787 г. Предметом рассмотрения в данной работе стали три акварели: две, относящиеся к Балаклаве: «Карантинные дома в Балаклаве» (Государственный Эрмитаж, № ОР 3832), «Пристань в Балаклаве» (Государственный Эрмитаж, № ОР 3835), и одна, иллюстрирующая пещерные комплексы Инкермана: «Инкерманские пещеры» (Государственный Эрмитаж, № ОР 3833).

Две акварели с изображением Балаклавский бухты дополняют друг друга и дают представление об этом месте в конце XVIII в. Художник запечатлел бухту со стороны северо-восточного берега. На дальнем плане обеих акварелей детально изображены руины крепости Чембало: прекрасно сохранившиеся к тому времени крепостные стены с башнями, цитадель, район консульского замка. На одной из акварелей частично просматривается и внутрикрепостная застройка. Детализация изображений позволяет сегодня их достаточно точно соотнести с археологически исследованными объектами на крепости Чембало в 1999–2018 гг. – это не полностью исследованная восточная линия обороны, участок цитадели крепости, башни 5, 6 и 8. Недалеко от крепости, напротив Башни 2 восточной линии обороны, на небольшой возвышенности изображен отдельно стоящий дом под красной черепичной крышей. Археологические исследования, проведенные в 2005–2006 гг. О.Я. Савелей и А.В. Ивановым на этом участке, показали присутствие здесь строения османского времени (по мнению исследователей – трактира) [Иванов, Савеля 2004: 100–105].

Балаклава в описании турецкого путешественника Э. Челеби, посетившего Крым в середине XVII в., предстаёт как поселение с небольшим портом, таможней и маяком [Челеби 1996: 84, 85].

На переднем плане акварелей У. Хадфильда просматривается ещё хаотичная застройка по берегам бухты, вероятно, османского времени: одно-, двухэтажные дома под красной черепичной крышей. Следует отметить, что часть балаклавских построек в прежнем стиле возводятся, возможно, и после присоединения Крыма к России. Восточный берег Балаклавской бухты начал застраиваться вместе с Севастополем; дома были белёными под красными черепичными крышами [Гаврилов 2000: 111]. На побережье бухты располагался

---

² Выражаем свою искреннюю благодарность за возможность использования работ У. Хадфильда зам директора Государственного Эрмитажа, главному хранителю С.Б. Адаксиной и сотрудникам отдела рисунков.

Албанский полк; на берегу моря, под горой, находился дом командира [Craven 1789: 192, 193]. О том, что акварели, или наброски, были сделаны именно в 1787 г. говорит отсутствие среди застройки Храма Апостолов, освященного в 1793 г.; на более поздних работах он фиксируется достаточно точно.

Интересны подписи к акварелям, сделанные на французском языке с грубыми ошибками – «Карантин для кораблей Черного моря в Балаклаве», «Порт в Балаклаве»³. Многие живописные изображения этих мест конца XVIII – начала XIX вв. подписывались традиционно: «Балаклава», «Гавань в Балаклаве», «Руины крепости» и т.п. Надо полагать, что подписи работ на французском языке совсем не случайны и были сделаны сознательно, поскольку акварели были выполнены на заказ и предназначались для русской аристократии, говорившей в эпоху Просвещения, как правило, на французском. В то же время отметим, что место окончания работы и авторство выполнены на родном художнику, английском.

Очевидно, не случаен и соответствующий акцент в самих названиях работ. Несмотря на то, что Балаклавская гавань, как база флота, была известна ещё с доосманских времён [Челеби 1996: 85], а сама бухта после окончания русско-турецкой войны 1769–1774 гг. использовалась как место ремонта русских судов, порт здесь организовался стихийно только после присоединения Крыма к России в 1784 г. [Третьяков 2007: 7]. В официальном реестре коммерческих портов, где упоминаются севастопольский, феодосийский и керченский, балаклавский отсутствует и, соответственно, здесь же в бухте не было официального карантинного, но, очевидно, всё же был неформальный [Змерзлый 2014: 320–328]. По свидетельству путешественников (1786 г.), в Балаклаву постоянно заходили иностранные суда (французские, турецкие) и порт мог вместить до 30 торговых судов [Romme 2016: 112]. О существовании торгового порта в гавани говорит нам и Луи-Филипп де Сегюр, когда он посещал его в период путешествия по Крыму в свите Екатерины II [Сегюр 1997: 28; Брикнер 1885: 5–23]. Яркое описание балаклавской гавани (стихийного порта и карантинного) нам оставила англичанка Элизабет Крейвен (1789 г.): «В гавани было несколько турецких лодок, но по берегу проведена была линия, отмеченная кострами, пересекать которую им не разрешалось. Турки прибыли, чтобы торговать апельсинами, но были предприняты все возможные меры, чтобы не дать им перенести чуму; потому хотя они и могли высаживаться на

---

³ Приношу свою благодарность д.и.н. А.В. Чудинову за перевод.

берег, они должны были сложить свои апельсины кучами в отведенных для того местах и торговать на расстоянии» [Craven 1789: 193]. Опасения эпидемии чумы были совсем не случайны: в 1769 г. во время русско-турецкой войны «морская язва» была занесена в Россию. Молодой доктор Д.Г. Самойлович, вместе с К.О. Ягельским подобрали рецепт окуривательного порошка, который размещали на тлеющих углях для обеззараживания одежды. Впоследствии, в 1792 г., Д.Г. Самойлович опубликовал научную работу по борьбе с чумой. Очаги «морской язвы» сохранялись на Кавказе (постоянно попадая туда из Турции) ещё в начале XIX столетия [Палеев, Оноприенко, Молочков 2015: 6–9]. Элизабет Крейвен описала нам достаточно передовой метод того времени по организации карантина в Балаклаве против чумы. Практически сразу же со строительством Севастополя, командование Черноморским флотом и лично Ф.Ф. Ушаков, беспокоясь о безопасности и ведя неустанный борьбу со шпионажем и контрабандой, неоднократно ходатайствовал о закрытии Балаклавской бухты для всех судов, включая российские [Третьяков 2007: 7, 9]. В 1794 г. граф П.А. Зубов дал указание Габлицу о закрытии входа в Балаклавскую гавань, за исключением судов, терпящих бедствие, «чтобы такие суда не могли ничего выгрузить на берег или находящиеся на них люди иметь какого-либо сообщения с жителями балаклавскими..., для предотвращения тайного провоза товаров и внесения язвы, но, и чтобы не могли быть никакие потаенные с турками сношения...» [Зубов 1892: 112, 113, № 38]. Официальное распоряжение об организации стоянки для торговых судов в Балаклаве, и, соответственно, об учреждении карантина последовало в 1807–1808 гг. после решения о закрытии торгового порта в Севастополе в 1804 г. [Третьяков 2007: 12; Гаврилов 2000: 111; Шатне 2003: 187]. Само неформальное существование порта в Балаклавской гавани, активная торговля, переживания и беспокойства по поводу безопасности бухты, активная переписка по данной проблеме, и, скорее всего, её обсуждение в определенных кругах и подтолкнули автора акварелей или заказчика, которому предназначались данные работы, назвать эти рисунки на насущную тему – «Порт в Балаклаве» и «Карантин для кораблей Черного моря в Балаклаве».

Еще одна работа Уильяма-Томаса Хадфильда – «Инкерманские пещеры» посвящена окрестностям Севастополя, наиболее часто рекомендуемым для посещения. Подпись к акварели также выполнена на французском языке: «Жилища древних татар в скалах Инкермана».

На акварели, как на переднем, так и на дальнем планах, изображены остатки пещерных комплексов на Монастырской и Загайтанской скалах. Два путешественника с любопытством рассматривают сохранившиеся пещеры. У подножия Монастырской скалы практически мельком запечатлено несколько небольших одно-, двухэтажных домиков под красной крышей. К ним ведет четко обозначенная широкая, грунтовая дорога. Одинокое стоящее дерево слегка оживляет пейзаж. Эти места всегда привлекали путешественников, они рекомендовались для обзора всеми путевыми заметками не только конца XVIII в., но и путеводителями последующих периодов. Овеянные ореолом мученичества первых христиан пещерные комплексы, остатки монастыря и крепости Инкерман стали визитной карточкой этих мест. Поэтому основной акцент на акварели сосредоточен именно на этих памятниках. Не будем касаться описания исторических достоинств этих мест, в литературе этому вопросу посвящено множество работ, сосредоточимся лишь на двух незначительных акцентах этой акварели. Один из них – устройство грунтовой дороги, которая всё же представляет собой основную магистраль, соединявшую Инкерман с одноименной долиной и, в дальнейшем, с Балаклавой или Севастополем, что и было позднее отмечено в Путеводителе Ш. Монтандона [Монтандон 2011: 156, 157] Можно предположить, что изображённый путь является частью специально устроенной дороги к приезду императрицы Екатерины II, проходившей вдоль пещерных монастырских комплексов и крепости Инкерман. Сейчас по ней проложена построенная в 1870-е гг. железнодорожная ветка, ведущая в Севастополь, частично уничтожившая пещерные комплексы Инкермана. Не дошла до наших дней и зафиксированная в конце XVIII в. небольшая деревушка у подножия Инкерманской крепости. Относительно неё Дж. Уэбстер в 1827 г. сообщает, что это небольшое поселение ещё существует. Однако, оно не вызвало никакого интереса у путешественника [Webster 1830: 69–73].

На наш взгляд, название и этой акварели также не случайно. Все тот же Дж. Уэбстер отмечает: «...Много крестьян работает по соседству с этими мягкими пористыми известняковыми скалами. Они считают, что легче выдолбить дом, чем его построить... население пещер уменьшается по многим причинам...» [Webster 1830: 69–73]. Судя по всему, крестьяне этой небольшой близлежащей деревни активно использовали пещеры для своих нужд: возможно, не для устройства жилищ, но, скорее всего, хозяйственных построек, или в качестве загонов для скота.

Таким образом, рассмотренные выше три акварели выполнены реалистично, ярко иллюстрируют описания путешественников того времени и оставили нам визуализацию тех мест, которые уже, в лучшем случае, частично утрачены. Рисуя места, в представлениях путешественников того времени овеянные романтикой, Уильям Хадфильд пытался все же отобразить реальное состояние, что делает эти работы сегодня очень ценными и полезными для исследователей.

Библиография

- БРИКНЕР А.Г. Путешествие императрицы Екатерины II в Крым // Исторический вестник. – СПб., 1885. Т. XXI. С. 5–23; Т. XII. С. 242–264.
- ГАВРИЛОВ Б.И. Черноморский флот и Севастополь в первой четверти XIX в. // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. – М., 2000. С. 108–128.
- ЗМЕРЗЛЫЙ Б.В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XIX вв. – Симферополь, 2014. С. 320–328.
- [ЗУБОВ П.А.] Ордера князя Платона Александровича Зубова Правителю Таврической Области за 1794 год. Сообщил Г.К. Кириенко // ИТУАК. – Симферополь, 1892. Вып. 17. С. 103–120.
- ИВАНОВ А.В., САВЕЛЯ О.Я. Исследование постройки османского времени в старой части Балаклавы // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. – Киев; Судак, 2004. С. 100–105.
- КРОСС Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. с англ. Н.Г. Беспярых, Ю.Н. Беспярых. – СПб., 2005.
- МОНТАНДОН Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. – К., 2011.
- ПАЛЕЕВ Ф.Н, ОНОПРИЕНКО Г.А., МОЛОЧКОВ А.В. Эпидемия чумы XVIII в. и развитие здравоохранения в Москве // Альманах клинической медицины. – М., 2015. № 37 (Март). С. 6–9.
- С берегов Темзы – на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже / Ред. Б. Аллен, Л. Дукельская. – СПб., 1997.
- СЕГЮР Л.Ф. «Путь на пользу». О путешествии Екатерины II в Крым в 1787 году // Крымский альбом. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. – Феодосия; М., 1997. Вып. 2. С. 12–36.
- ТРЕТЬЯКОВ А.А. Балаклава: страницы морской истории 1775–1855 гг. – Симферополь, 2007.

- ШАТНЕ М. дю. Жан Батист де Траверсе, министр флота Российского. – М., 2003.
- БОТТ. И.К. Царскосельская мебель и её коронованные владельцы. Альбом. – СПб., 2009.
- Эвлия Челеби. Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667). – Симферополь, 1996.
- [CRAVEN E.] A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters... – London, 1789.
- KING J. George Hadfield, Architect of the Federal City. – Farnham; Burligton, 2014.
- ROMME Ch.-G. Voyage en Crimée en 1786 / présenté par M. Deschanet et G. Bekirova. – Paris, 2016.
- [WEBSTER J.] Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt; Performed during the Years 1825–1828. – London, 1830. Vol. I.

Л.А. ГОЛОФАСТ

Институт археологии РАН
(Москва)

УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА ИЗ ФАНАГОРИИ

В 2015 году в Фанагории в ходе раскопок на участке «Нижний город» в слое конца IX в. был найден развал амфоры, которую удалось собрать почти полностью (Рис. 1). Аналогии ей в известных классификациях отсутствуют, параллели в доступных публикациях материала из раскопок различных памятников Средиземноморско-Причерноморского региона также не найдены. Однако, общий силуэт амфоры позволяет отнести её к раннесредневековому периоду.

На тулове амфоры, под одной из ручек – дипинто тёмной краской в форме перевернутого треугольника, из вершины которого вниз проведена вертикаль, выходящая за его основание. На противоположных сторонах плечиков между ручками – два граффито, процарапанные после обжига. Одно, с утратой в центральной части – в виде двух примыкающих друг к другу треугольников (?), от внешних сторон которых под углом отходит черта. Точных аналогий найти не удалось, но похожие знаки, в основе которых лежит угол или треугольник, иногда с аналогичными отходящими линиями составляют большую группу граффити строителей Маяцкого городища [Флерова 1997: 36, табл. IV,80-81]. Второе – четко прочерченное однострочное греческое граффито, пока не получившее однозначной интерпретации. В одной из ручек – отверстие, залитое свинцом, расклепанным на нижней поверхности ручки. На внешней поверхности – квадратная пломба с плохо читаемой рельефной надписью. Подобная практика клеймения амфор как античных, так и средневековых до сих пор не была известна, что делает находку поистине уникальной.

Практически нечитаемую надпись на пломбе как иудейскую определил один из ведущих специалистов по восточным языкам, литературе и культуре, профессор Еврейского университета в Иерусалиме Шауль Шакед.

Иудейская надпись позволяет связать амфору с деятельностью еврейских купцов, раданитов, о которых стало известно из «Книги путей и стран» арабозычного автора IX в. Ибн Хордадбега, дошедшей до нас в сокращенном варианте. В распоряжении исследователей имеется два списка сокращенного варианта Книги: рукопись оксфордской Бодлеянской библиотеки, рукопись, найденная в Египте, и отрывок, также обнаруженный в Оксфорде [Велиханова 1986: 4, 17].

Раданиты упоминаются и в «Книге стран» арабского географа Ибн ал-Факиха аль-Хамазани, написанной около 903 г. и сохранившейся в сокращённой редакции XI в. Наличие в ней схожих с Ибн Хордадбегом фрагментов свидетельствует об использовании им сочинения последнего [Калинина 2000: 114], хотя не исключено, что оба использовали один, предположительно, сирийский источник [Gil 1976: 306].

Раданиты (Ибн Хордадбех называет их «ар-разанийа», Ибн ал-Факих – «рахданийа») – группа или гильдия еврейских купцов, которые играли большую роль в торговле между Востоком и Западом. Ибн Хордадбех пишет о них как об опытных, знающих многие языки торговцах, которые возили, в первую очередь, то, что занимало мало места, но стоило очень дорого, т.к. длинный путь с Запада на Восток и обратно требовал использования разных видов транспорта. По сведениям Ибн Хордадбега, с «Западного моря» (т.е. западного побережья Атлантики) раданиты вывозили «слуг-евнухов, невольниц, мальчиков-слуг, парчу, заячьи шкурки, пушнину, соболий мех и мечи»; из Китая везли «мускус, ароматное дерево (возможно, алое), камфару и корицу» (пер. Н. Велихановой) [Ибн Хордадбех 1986: 123, 124].

Ибн Хордадбех говорит о четырех маршрутах раданитов: все они начинались в Испании или Франции и заканчивались в Китае. Нас интересует последний, четвертый путь, описанный Хордадбеком очень скупно: «Позади Румии (или, по оксфордской рукописи, Арминии) к областям славян, затем к Хамлиджу, городу хазар, далее через Каспийское море (море Джурджан) ... в Китай». Земли, «позади» которых проходили купцы раданиты к «Хамлиджу», понимаются разными исследователями по-разному: под ними подразумеваются либо Армения Оксфордской рукописи, либо Италия или Византия (Рум), [Калинина 2000: 111]. Однако, поток монет африканской чеканки конца VIII – первой четверти IX вв. соответствует именно маршруту «позади Арминии», который шел с африканского побережья через Сирию и Закавказье (через Партав и Дербентский проход) в Хазарский каганат и далее в земли восточных славян [Калинина 1993: 57, 58]. Хотя Ибн Хордадбех не описывает путь от Семендера до Хамлиджа, известно, что

кратчайший путь между ними шел вдоль западного берега Каспийского моря. Однако, помимо описанного Хордадбехом маршрута было ещё два. Один, сухопутный, шёл через перевалы западного и центрального Кавказа, второй, морской, из Константинополя до портов Причерноморья и Приазовья [Калинина 2000: 113], которым, скорее всего, рассматриваемая амфора и попала в Фанагорию. Эти маршруты были особенно важны, т.к. шли в обход Ирана, противостоявшего контактам стран Средиземноморья с Дальним Востоком [Иерусалимская 1992: 5]. Разные варианты маршрутов позволяли торговцам выбирать наиболее выгодный, а, главное, наименее в данный момент опасный, что зависело от политической ситуации, а также от времени года и погодных условий [Савченко 1999: 136].

Все три маршрута проходили по территории Хазарии, которая была идеально расположена для выполнения роли посредника между Востоком и Западом, и хазары, осознавая выгоды транзитной торговли, стремились поставить под свой контроль торговые пути с Западом, что было одной из главных причин бесконечных арабо-хазарских войн. Более того, коммерческие выгоды, связанные с нейтральным религиозным статусом иудеев, были одной из важных причин принятия хазарской элитой (в пределах второй половины VIII – первой половины IX вв.) иудаизма [Новосельцев 1993: 24; Кулешов 2016: 88].

Иудейские купцы не могли проигнорировать не упомянутые ибн Хордадбехом маршруты и такие крупные города Северного Причерноморья как Херсон, Боспор, Тмутаракань и Фанагория. Во-первых, эти порты были издревле известны своими рынками рабов, относившихся к числу основных товаров раданитов. По мнению П. Фольца, именно торговля рабами привела их в контакт с хазарами, в руках которых были перевалочные пункты для захваченных в плен славян [Foltz 1998: 12]. Во-вторых, во всех городах Северного Причерноморья, как минимум с I в. н.э. [Даньшин 1993: 62, 63] существовали большие еврейские общины, которые играли в торговле раданитов очень важную роль. Именно на процветающие еврейские общины, которые тянулись вдоль всех торговых маршрутов от Испании до Китая, они могли опереться во время своих путешествий и в своей экономической деятельности [Rabinowitz 1948: 86, 138]. Более того, не исключено, что раданиты способствовали учреждению новых еврейских общин в различных точках вдоль своих торговых путей [Gottesman 2005: 764].

К сожалению, археологических свидетельств присутствия иудейской общины в Фанагории в раннесредневековый период пока нет. Однако, о существовании таковой говорит «Хронография» византийского историка Феофана Исповедника, который под 679/680 г.

сообщает: «В [землях] прилегающих к восточным частям озера, у Фанагории и живущих там евреев, обитает множество народов» [Чичуров 1980: 60]. Кроме того, известна опубликованная Д.А. Хвольсоном надпись, вырезанная на иудейском надгробии, которую исследователь по форме букв датирует временем «не позднее VIII–IX вв.» [Регесты и надписи ... 1899: 15; цит. по Даньшин 1993: 65].

Содержимое амфоры не могло входить в список товаров, о которых пишет Ибн Хордадбех. Однако, караваны совершали путешествия в пределах ограниченных отрезков пути от одного местного рынка к другому, и естественно предположить, что раданиты продавали и покупали товары не только в конечных пунктах своего маршрута, но и в промежуточных центрах, на стыках путей, где встречались купцы из разных стран [Gil 1976: 308]. Возможно, к товарам, купленным где-то по дороге, относилось и содержимое амфоры. Не исключено, что еврейские купцы выполняли заказы хазарской элиты и местной иудейской общины, покупая для них товары в разных точках своего маршрута.

Библиография

- ДАНЬШИН Д.И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. – М., 1993. № 1 (204). С. 59–72.
- ИБН ХОРДАДБЕХ Книга путей и стран / Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. – Баку, 1986.
- ИЕРУСАЛИМСКАЯ А.А. Кавказ на шелковом пути. Каталог временной выставки. – СПб., 1992.
- КАЛИНИНА Т.М. Еще раз о маршрутах еврейских купцов по данным Ибн Хордадбега // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: средние века – начало нового времени. Сборник тезисов XII чтений памяти В.Д. Королюка. – М., 1993. С. 56–58.
- КАЛИНИНА Т.М. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. – М., 2000. С. 106–119.
- КУЛЕШОВ В.С. Средиземноморье, Балканы и Восточная Европа: памятники монетного обращения еврейских общин (VIII–XIII века) // ТГЭ. – СПб., 2016. Т. LXXX. Белградский сборник (К XXIII Международному конгрессу византинистов. Белград, Сербия, 22–27 августа 2016). С. 85–104.

НОВОСЕЛЫЦЕВ А.П. Евреи в Хазарии // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: средние века – начало нового времени. Сборник тезисов XII чтений памяти В.Д. Королюка. – М., 1993. С. 24, 25.

Регесты и надписи (свод материалов для истории евреев в России (80 г. – 1800 г.)). – СПб., 1899. Т. 1.

САВЧЕНКО Е.И. Мошевая Балка – узловой пункт Великого шелкового пути на Северном Кавказе // СА. – М., 1999. № 1. С. 125–140.

ФЛЕРОВА В.Е. Граффити Хазарии. – М., 1997.

ЧИЧУРОВ И.С. Византийские исторические сочинения. – М., 1980.

FOLZ R. Judaism and the Silk Route // The History Teacher. – 1998. Vol. 32 (1). P. 9–16.

GIL M. The Rādhānite Merchants and the Land of Rādhān // Journal of the Economic and Social History of the Orient. – 1976. Vol. XVII (3). P. 299–328.

GOTTESMAN B.M. Radanites // Encyclopedia of World Trade from Ancient Times to the Present. – Armonk; New York, 2005. Vol. 3. P. 763, 764.

RABINOWITZ L. Jewish Merchants Adventures. A Study of the Radanites. – London, 1948.

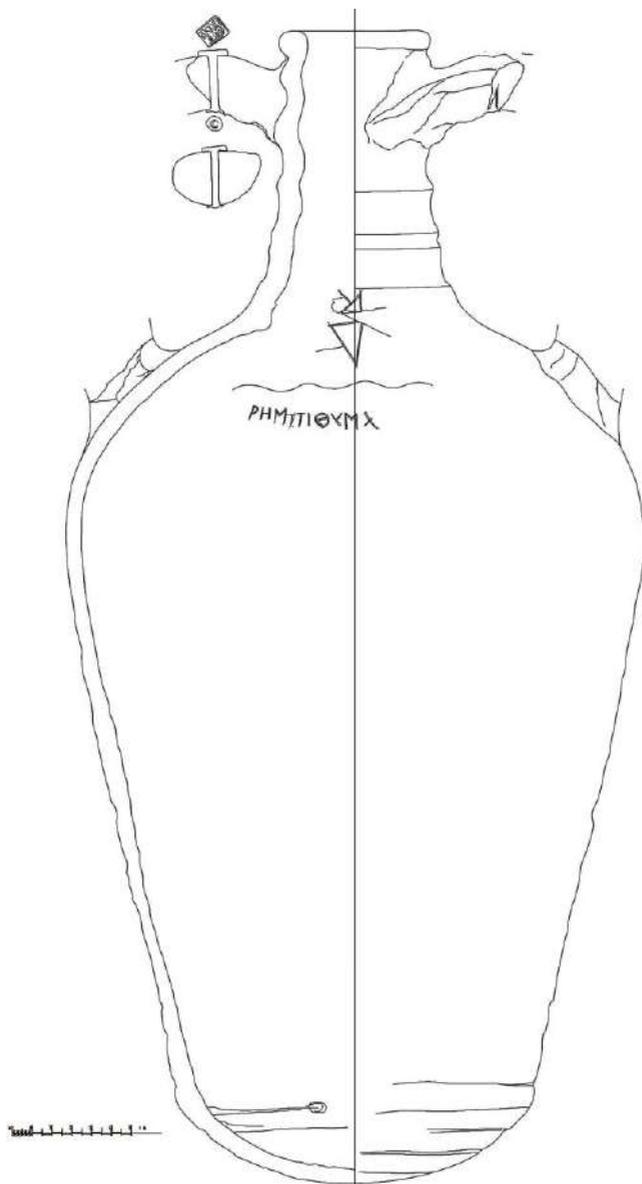

Рис. 1. Раннесредневековая амфора с иудейской надписью из раскопок Фанагории.

И.А. ДРУЖИНИНА

Институт археологии РАН
(Москва)

**ПЛИТОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – НАЧАЛА XV ВВ.**

Племена Северо-Восточного Причерноморья практиковали обряд погребения в каменных гробницах с античного времени. В качестве основных причин широкого распространения обряда в эпоху средневековья исследователи называют успехи христианской миссии в регионе, изменение этнокультурного состава населения [Федоров-Давыдов 1966: 161] и давнюю традицию использования камня в разных вариантах для устройства могил [Сизов 1889: 161; Тешев 1985: 143–147; Армарчук 2001: 40].

Изучение материалов грунтовых и курганных некрополей, содержащих погребения в каменных ящиках, позволило прийти к ряду важных выводов.

1. Погребения в плитовых гробницах раннесредневековых могильников части побережья от пос. Ново-Михайловский до Геленджика, а также до Новороссийска – в XIII–XIV вв. связаны с племенами зихов.

2. Отдельные особенности обряда можно рассматривать в качестве хроноиндикаторов: отсутствие/наличие курганной насыпи; ориентировка: северная/западная; положение кувшина в погребении: в изголовье/в ногах; положение камней в обкладке кургана: на ребре/плашмя; количество гробниц под одной насыпью и количество погребенных в гробнице: сооружение индивидуальных гробниц/подзахоронение умерших в разное время людей в одну гробницу. В каждой из этих пар – первый признак, характерный для ранних комплексов (вторая половина XIII в.), к концу XIV в. вытесняется контрпризнаком.

3. Выделяются четыре группы плитовых могильников, локализуемые в окрестностях пос. Ново-Михайловский, Геленджика, Новороссийска, Анапы–Раевской–Гостагаевской, различающиеся по особенностям обряда и по составу инвентаря. Анализ археологических

источников показал, что эти особенности вызваны не своеобразием погребальных практик и материальной культуры нескольких этнически однородных племен [Алексеева 1959: 21, 22; Стрельченко 1968: 23–61], а взаимодействием зихов с проживавшими на побережье иными этническими коллективами (носителями обряда кремаций, кочевниками половецкого племенного союза и др.).

4. Наибольшая изоляция зихов от инокультурного влияния просматривается на материалах плитовых погребений района пос. Ново-Михайловский, где вплоть до начала XIV в. сохранялись ранние признаки обряда: грунтовые одиночные ингумации с северной ориентировкой и расположением сосуда в изголовье. В районе Геленджика такие признаки, как курганная насыпь (в том числе с обкладкой по основанию из камней, поставленных на ребро), западная ориентировка, положение сосуда в ногах распространились уже в XIII в. Главным фактором, повлиявшим на своеобразие обряда захоронения в гробницах района Геленджика, стало непосредственное влияние на него другого обряда – трупосожжения.

Основным отличием плитовых могильников Геленджика от памятников Ново-Михайловского района является практика разновременных дозахоронений – использование одной гробницы для погребений людей, умерших в разное время. Носители обряда кремаций постепенно отказывались от этого способа подготовки тела умершего к захоронению и перенимали обряд ингумации. При этом, если раньше дозахоронения производились в керамические урны, теперь с этой целью они использовали каменные ящики. Этим объясняется распространение такой особенности обряда, как многократное использование гробниц для разновременных погребений в районе Геленджика, а также Анапы–Новороссийска, являвшихся частью ареала кремационного обряда в VII–XIII вв. и, напротив, отсутствие случаев многократного использования одной гробницы в могильниках XIII – первой половины XIV в. района Ново-Михайловского, где кремационный обряд не имел столь давней и устойчивой традиции.

Свидетельствами постепенного перехода от обряда кремации к ингумации являются случаи подзахоронения в каменный ящик с труположением кремированных останков, а также наличие в ингумационных плитовых погребениях преднамеренно испорченного оружия.

1. В отличие от окрестностей Геленджика и Ново-Михайловского, где на протяжении всего средневековья традиция погребения по обряду труположения существовала непрерывно, в районе Новороссийска число ингумаций резко уменьшается на рубеже VII–VIII вв., когда в

этой части Северо-Восточного Причерноморья (и в степном Закубанье) распространяется обряд грунтовых кремационных погребений.

В окрестностях Новороссийска ингумационный обряд фиксируется вновь только с половецкого времени, когда в регионе распространяются кочевнические памятники. Так что появившийся в этом районе в XIII в. обряд ингумационных захоронений в каменных ящиках наслаивается на обряд кремаций, погребальные обряды кочевников, а также на многообразные формы взаимопроникновения этих двух традиций.

2. Четвертая локальная группа каменных ящиков – Анапы–Раевской–Гостагаевской – включает курганные и грунтовые могильники. Одной из локальных особенностей этих памятников являются каменные оградки подпрямоугольной формы, углы которых ориентированы по сторонам света. Оградки сооружались из поставленных на ребро камней и не примыкали к насыпям или грунтовым погребениям, а отстояли от них на некотором расстоянии.

В отличие от гробниц остальной части Северо-Восточного Причерноморья, составленных из необработанных плит дикого камня, каменные ящики группы Анапы–Раевской–Гостагаевской изготовлены из белого камня (ракушечника) и с особой тщательностью: плиты подтесывали, выравнивали, для плотной стыковки в них выбивали пазы глубиной до 10 см, стыки плит обмазывали глиной; на внутренней поверхности отдельных плит прослежены следы побелки известью. Близкие аналогии этим особенностям погребальных конструкций, в том числе и территориально, обнаруживают в погребениях средневековых могильников Таманского полуострова [Чхаидзе 2004; Чхаидзе 2006: 54, 55] и Крыма [Макарова 1998: 365–382; Майко 2007].

1. Локальные особенности инвентаря. В плитовых гробницах Северо-Восточного Причерноморья представлены почти все основные категории – предметы вооружения, быта, орудия труда, детали костюма, украшения и посуда. В каменных ящиках района Ново-Михайловского отсутствуют монеты; единичны находки зеркал; абсолютно преобладает посуда местного производства, а также пружинные ножницы. Вещевой комплекс гробниц Геленджика и Новороссийска отличает заметное присутствие импортов, монет, а также вещей, характерных для материальной культуры кочевников (зеркал, шарнирных ножниц, лазуритовых подвесок, гребней, фрагментов металлических котлов). Инвентарь погребений Анапы–Гостагаевской–Раевской отличает наличие большого количества импортов (в том числе поливной керамики и стеклянной посуды), обилие монетных находок, зеркал, поделок из кости, ремесленных инструментов, заготовок и брака, наборных поясов, редких типов украшений: стеклянных браслетов,

височных колец с зерно-сканными напусковыми бусинами, серебряных пластинчатых очелий, плетенок из тонкой полоски кожи, на которую намотана канитель. По минимуму представлены предметы вооружения. В облике инвентаря погребений этой группы также ощущается влияние кочевой степи.

2. Маркерами комплексов второй половины XIII – начала XIV вв. выступают предметы упряжи, вооружения – защитного (шлемы и кольчужные капюшоны) и наступательного (равномерно изогнутые сабли, с перекрестиями в виде челночка с асимметричными усами и с обоймой на клинке; наконечники копий с широкими подтреугольными упорами, топоры с длинным оттянутым вниз лезвием), кресала с асимметричными не сомкнутыми усами и невысоким язычком, мотыжки, серпы, графины из зеленоватого стекла, украшенные налепами в виде волны.

Для второй половины XIV – начала XV вв. характерны красноглиняные кувшины с крученой ручкой, в том числе с четырьмя сливами, равномерно изогнутые длинные сабли с оттянутыми к клинку асимметричными концами перекрестий с ромбовидными или подквадратными завершениями и вертикальными насечками; наконечники копий с небольшими упорами; копоушки, ногтечистки; кресала с длинным язычком, сомкнутыми концами и длиной больше высоты.

Общей тенденцией является количественное уменьшение к концу XIV в. предметов вооружения, прежде всего, за счет исчезновения из погребений предметов защитного вооружения, а также отсутствие в поздних плитовых гробницах предметов конской упряжи.

Библиография

- АЛЕКСЕЕВА Е.П. Очерки по истории черкесов в XIV–XV вв. // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. – Черкесск, 1959. Вып. III. С. 3–82.
- АРМАРЧУК Е.А. О половцах на Северо-Западном Кавказе // Поволжье в средние века. – Нижний Новгород, 2001. С. 37–41.
- МАЙКО В.В. Средневековые некрополи Судакской долины. – Киев, 2007.
- МАКАРОВА Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. – Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 344–393.
- СИЗОВ В.И. Восточное побережье Черного моря. Археологическая экскурсия // Материалы по археологии Кавказа. – М., 1889. Вып. II.
- СТРЕЛЬЧЕНКО М.Л. Материальная культура адыгейских племен Северо-Западного Кавказа в XIII–XV вв. Краснодар. Дисс. уч. степ. канд. истор. наук. // Архив ИИМК РАН. Ф-35. Опись 2-д. Ед. хр.176. – Л. 1968.
- ТЕШЕВ М.К. Адыгские погребальные сооружения в развитом и позднем средневековье в Туапсинском районе и на черноморском побережье Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп. 1985. С. 142–165.
- ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966.
- ЧХАИДЗЕ В.Н. Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы и исследования по археологии Поволжья. – М.; Йошкар-Ола, 2006. Вып. 3. С. 53–86.
- ЧХАИДЗЕ В.Н. Средневековые погребения Таманского городища // Древности Боспора. – М., 2004. Том 7.С. 404–424.

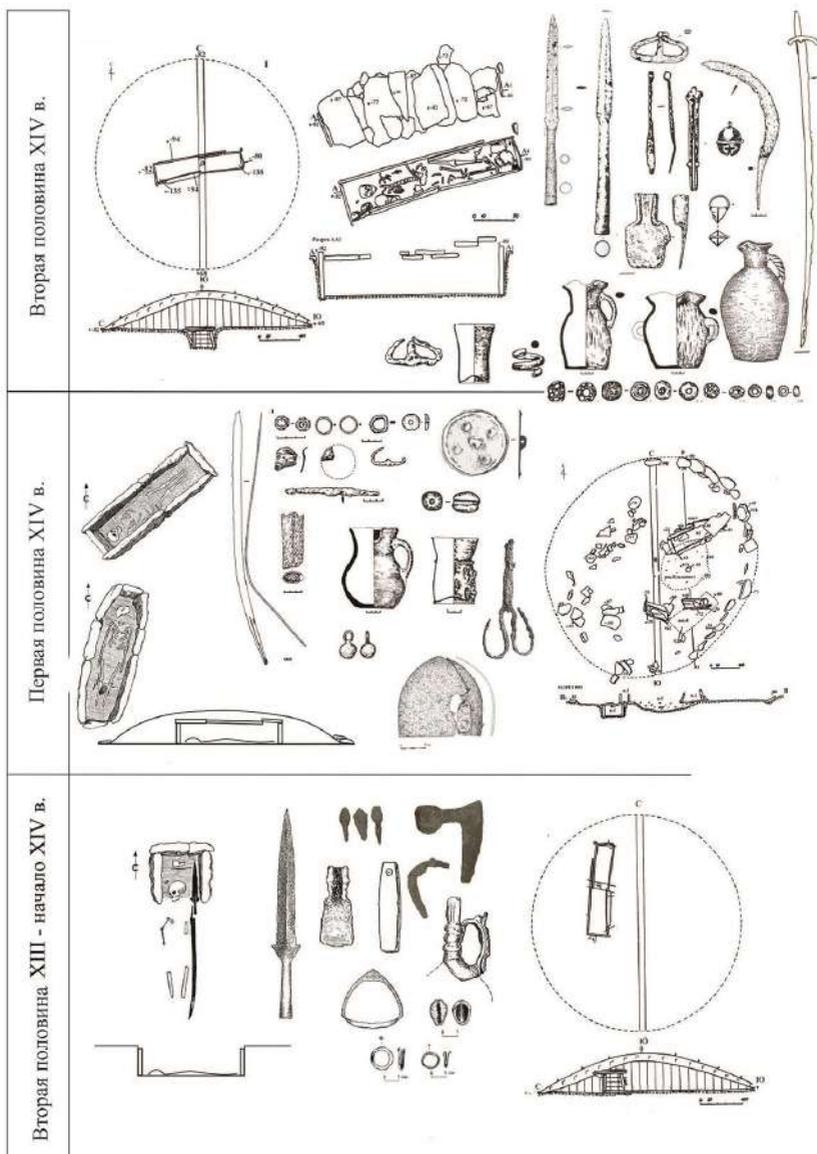

Рис. 1. Эволюция обряда в каменных ящиках второй половины XIII – XIV вв. (районы пос. Ново-Михайловский и Геленджика).

А.А. ЕВДОКИМОВА

Институт языкознания РАН
(Москва)

КОЧУЮЩИЕ ФОРМУЛЫ В ВИЗАНТИЙСКИХ НАДПИСЯХ И ПАПИРУСАХ

Было проанализировано более 200 византийских папирусов, в той или иной формулировке содержащих в своем тексте упоминание Богородицы, а также около 100 других этого же периода для сравнения. Результаты этого анализа сравнивались с выявленными ранее формулами в византийских надписях различных жанров [см. Евдокимова 2017б, 2016, 2015 etc]. Некоторые из выявленных формул объединены в группы и представлены ниже, другие будут более подробно разобраны в докладе.

Общими для проанализированных византийских папирусов и византийских надписей являются следующие формулы:

1) «τῆς μακαρ(ίας) μνήμης» и синонимичные ей: «τ]ῆ[ς] ἐ[v]δόξου μνήμης» (591/92 гг. [Perl: 87]) «τῆς λαμπρᾶς μνήμης» [PLond 113: 6Br] «τῆς ἀρίστης μνήμης» (499 г., [POxy 16: 1959r]) по отношению к умершему. Однако, если для папирусов это маркировка умершего при перечислении или при определении юридического статуса, то для погребальных надписей – одна из частей характеристики адресата.

2) использование глагола «χαίρειν» в рамках различных формул. Для папирусов наиболее частотная: «ἀπὸ [τ]ῆς αὐτ(ῆς) πόλε(ως) χαίρειν» (604 г. [Perl: 73r]) или «Д.п. + πλε[ῖστα] χαίρειν» (IV в. [PNerm: 6r]). Для надписей помимо пришедшей из античности «χαῖρε παροῦτα» [см. Евдокимова 2017а], также встречается «ὁ ἐλάχιστος ἐν Κυρίῳ χαίρειν» (531–537 гг. [IK Eph 7/2: 4135]) и частотны, особенно, для Малой Азии «χαῖρε ἐν Κυρίῳ» и «χαῖρε ἐν θεῷ». Ср. в папирусах «ἐν Χριστῷ χαίρειν» (IV в. [PLond 6: 1926r]) или «ἐν κ(υρίῳ) χαί(ρειν)» (IV в., [PNeph: 1r, 6r]). Также общая — привет, связанный с местностью: «ἐν πόλει Περσολύμων χαίρειν + Д.п.» (Филиппы, V–VI вв. [Feissel 1983: 222]).

3) Формулы, традиционные для византийских папирусов, в начале текста, перед обращением и упоминанием титулов: «ἐν ὀνόματι τοῦ

κυρίου καὶ δεσπότης Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ θεοῦ καὶ σωτήρος ἡμῶν» (641 г. [CPR 14: 15r]) Ее вариация: «ἐν ὀνόματι τῆς [ἀ]γίας καὶ ὁμοουσίου {ομοуσιου} τριάδος πατρὸς καὶ υἱοῦ καὶ ἀγίου πνεύμα[ος]» (604 г. [Perl: 73r]). Полный вариант: «ἐν ὀνόματι τοῦ κυρίου καὶ δεσπότης Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ θεοῦ καὶ σωτήρος ἡμῶν καὶ τῆς δεσποίνης ἡμῶν τῆς ἀγίας θεοτόκου καὶ πάντων τῶν ἁγίων» (683 г. [PGrenf 2: 100r]) И краткий вариант: «ἐν ὀνόματι τοῦ θεοῦ» (710 г. [PLond 4: 1391]). Эти же формулы маркируют официальные надписи, например: «[ἐν ὀνόματι τοῦ δε]σπ(ότου) ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ» (Эфес, 535–536 гг. [IK Eph 4: 1353]).

4) Связанные с должностными лицами формулы, для маркировки хронологического периода, например: «μ(ετὰ) ὑ[π](ατείων)» (например, надпись из Салоник 532 г. [Feissel 1983: 133] и папирус 630–641 гг. [BGU 1: 319]) и другие. К этой же категории относятся и разнообразие титулы.

5) молитва, обращенная к Богу, кроме традиционного «κ(ύρι)ε βοήθ(ει)» (VII–VIII вв. [StudPal 10: 29]), «θεὸς ἐβοήθησεν ἡμῖν» (VIII в. [CPR 14: 53r]). В надписях представлена в различных вариациях во всех регионах.

6) Традиционные для богородичных надписей формулы: «π[ρ]εσβ[ε]ίας τῆς <ἀγίασ> θεοτόκου» (VI в. [PLEidInst: 74r]) сравним, например, с надписью из Константинополя: «πρεσβείας τῆς ἀγίας θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας» (537 г. [Mercati 1970: 264]).

7) формулы наименования: «[κα]τ' ὄνομα» (VI в. [PBerl Zill: 14]) и «καλουμ(ένης) Ἀκεεῖς» (574 г., [PBerl Zill: 7r]) «ἀπ' οὐρό[ματος]» (IV в. [PERl: 76]). Для надписей частотнее варианты «ὀνόματι» (см. Корюкос, без даты [MAMA 3: 299a]) «ἐν ὀνόματι» (Каппадокия, Сиваса, 1222 г. [DkWien 138: 82]) или «καλούμενον Μάτλια» (Абиссиния, Аксуме, IV–V вв. [SEG 32: 1601]).

8) Просьбы о молитве: «[πα]ρακαλῶ ὑμᾶς εὐξασθαι ὑπὲρ τῆς ταπεινώ[σεώ]ς μου» (VI в. [PBerl Zill: 14]), «παρακαλῶ σ[ε] ὡς ἐν τῇ προσευχῇ μνησθῆς {μνηθης} ἐμοῦ» (IV в. [PHerm: 9r, ctr.]), «εὐξασθε {ευξασθαι} ὑπὲρ τῆς ὀλοκληρίας ἡμῶν» (IV в. [PNeph: 1r, ctr.]), «μνήσθητί μου ἐν τῇ ἀγία σου προσευχῇ» (IV в. [PLond 6: 1926r]). Для сравнения в надписях самые частотные: «εὐξασθαι περὶ τὰς ἁμαρτία[ς] μου» (Египет, Фивы, V–VII вв. [SEG 8: 758]), «μνήσθητι [Κ(υρι)]ε + Р.п.» (например, Фригия Сал, Примнессос, IV–V вв. [MAMA 4: 35]).

9) формулы, связанные с пишущим или с самим процессом написания: «ἐξῆς ὑπογράφων ἰδία χειρὶ» (604 г. [Perl: 73r]) и «ἐφ' ὑπογρα(φῆς) τοῦ ὑπὲρ ἐμοῦ ὑπογρ(άφοντος)» (VI в. [Perl: 79]) «προγεγραμμένου» (ок. VI в. [Perl: 88]) «τὰ γράμματα τῆς ὑμετέρας ἐνδ[ό]ξου ὑπεροχῆς» (VI в. [PLEidInst: 71r]), «οἰας]δήποτε περιγραφῆς» (518 г. [PLEidInst: 70r]) «μεθ' ὑπογραφῆς ἐμῆς» (V–VI вв. [StudPal 3: 342]) и etc. Сравним в надписях: «γράμματα ταῦτ' ἐχάραξεν» (Ликаония, Кавак,

без даты, [MAMA 8: 46]) или «κατὰ τὰ προγεγραμμένα» (Лидия, Сарды 459 г. [Buckler, Robinson 1932: 1.18]) или «ἐγράφη δὲ χειρὶ + Р.п.» (например, Кубань 335 г. [SEG 2: 480]).

10) прочие христианские формулы: «τοὺς φιλοῦντας τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ τοῦ κυρί[ο]υ μου» (IV в. [PHerm: 9r, ctr.]) «ἐλπίδας ἔχω εἰς τὸν Θε(εὸν) καὶ εἰς τὰς εὐχὰς ὑμῶν» (VI в. [PBerl Zill: 14]) «ἐλέει θεοῦ» (VIII в. [StudPal 3: 343]) и Палестина, II Скифополис середина VI в. [SEG 8: 39]). А также представленное в папирусе выражение «ζῶν νοῶν φρονῶν» (VIII в. [PLond 1: 77 gr.]), традиционно встречающееся в надписях в виде «ζῶν κὲ φρονῶν» (например, Ликаония, без даты [MAMA 7: 542]). Формулы, связанные с поклонением: «πάσ(ης) τιμ(ῆς) (καὶ) πρ(οσκυήσεως) ἁξί(ω) μ(ετὰ) θε(εὸν)» (608? г., [PNess 3: 53r]) и, например, в надписи: «πᾶσα τιμὴ προσκύνῃσεις καὶ κράτος» (Константинополь, ок. 1280–1290 гг. [Naumann, Belting 1966: 113]) etc.

Таким образом, некоторые кочующие формулы завязаны на особенности христианского узуса, традиционные для византийского греческого языка устойчивые выражения и специфику словоупотребления, другие на особенности письменных жанров такого рода и их композицию. Возникновение этих формул, распространение в рамках надписей и папирусов и их итинерарий между этими видами памятников требуют отдельного исследования для каждой группы.

Библиография

- ЕВДОКИМОВА А.А. Формулы в погребальных византийских надписях Малой Азии // VII Международный византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ Ι ΠΟΛΙΣ». 1–5 июня 2015 г. Тезисы докладов и сообщений – Севастополь, 2015. С. 42–43.
- ЕВДОКИМОВА А.А. Формулы погребальных надписей Константинополя // XX Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. Санкт-Петербург, 20–22 июня 2016 г. – СПб., 2016. Первый полутом: Индоевропейское языкознание и классическая филология. С. 267–277.
- ЕВДОКИМОВА А.А. Функция прохожего в византийских надписях на Балканах // 14 Балканские чтения. Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Тезисы и материалы. Москва, 18–20 апреля 2017 года. – М., 2017а. С. 49–52.

ЕВДОКИМОВА А.А. Формулы погребальных византийских надписей Афин и Салонник // IX Международный византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ Ι «ΠΟΛΙΣ». Севастополь, 29 мая – 3 июня 2017 г. Материалы научной конференции. – Севастополь, 2017. С. 48–52.

BGU 1 – Aegyptische Urkunden aus den Königlichen (later Staatlichen) Museen zu Berlin, Griechische Urkunden. – Berlin, 1895, Vol. 1.

BUCKLER W., ROBINSON D. Sardis VII: Greek and Latin Inscriptions. – Leiden, 1932. Part I.

CPR 14 – Corpus Papyrorum Raineri. Griechische Texte X. Greek Papyri of the Byzantine Period / Ed. G. Fantoni. – Vienna, 1989. Vol. XIV.

DkWien 138 – Denkschriften der österreichischen Akademie der Wissenschaften in Wien.

FEISSEL D. Recueil des inscriptions chrétiennes de Macédoine du IIIe au VIe siècle. – Paris, 1983.

IK Eph: MERKELBACH R. Die Inschriften von Ephesos I–VIII. "Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien," 11–17. – Bonn, 1979–1984.

MAMA: Monumenta Asiae Minoris Antiqua. – Manchester, 1928–1962. Vols. 1–8.

MERCATI S.G. Collectanea Byzantina. – Bari, 1970. Vol. II.

NAUMANN R., BELTING H. Die Euphemia-Kirche am Hippodrom zu Istanbul und ihre Fresken // Istanbuler Forschungen. – Berlin, 1966. Bd. 25.

PBerl Zill – Vierzehn Berliner griechische Papyri / Ed. H. Zilliacus. – Helsingfors, 1941.

Perl – Die Papyri der Universitätsbibliothek Erlangen / Ed. W. Schubart. – Leipzig, 1942. (Katalog der Handschriften der Universitätsbibliothek Erlangen, Neubearbeitung. Band III. Teil I).

PGrenf 2 – New Classical Fragments and other Greek and Latin Papyri / Ed. B.P. Grenfell and A.S. Hunt. – Oxford, 1897.

PHerm – Papyri from Hermopolis and Other Documents of the Byzantine Period / Ed. B.R. Rees. – London, 1964.

PLeidInst – Papyri, Ostraca, Parchments and Waxed Tablets in Leiden Papyrological Institute / Ed. F.A.J. Hoogendijk and P. van Minnen. – Leiden, 1991.

PLond 6 – Greek Papyri in the British Museum / Ed. H.I. Bell. – London, 1924. Vol. VI. Jews and Christians in Egypt; The Jewish Troubles in Alexandria and the Athanasian Controversy.

PNeph – Das Archiv des Nephros und verwandte Texte / Ed. B. Kramer, J.C. Shelton, G.M. Browne. – Mainz, 1987. Part I–II.

PNess 3 – Excavations at Nessana. Non-Literary Papyri / Ed. C.J. Kraemer. – Princeton, 1958.

POxy 16 – The Oxyrhynchus Papyri. Published by the Egypt Exploration Society in Graeco-Roman Memoirs. / Ed. B.P. Grenfell, A.S. Hunt. – London, 1919. Vol. XIII.

SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum. – Leiden, 1923–1988. Vols. 1–35.

StudPal – Studien zur Palaeographie und Papyruskunde / Ed. C. Wessely. – Leipzig, 1904, 1910. Vol. III. Griechischen Papyrusurkunden kleineren Formats. Vol. X. Griechische Texte zur Topographie Aegyptens.

А.В. ИВАНОВ

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

**ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ТИПЕ
«СРЕДНЕВЕКОВОЙ НАРОДНОСТИ ГОРНОГО КРЫМА»**

В конце первого тысячелетия н.э. в регионе наблюдается процесс образования средневековой народности, вобравшей в себя разнородные этнические компоненты, распространявшиеся в Крыму как минимум с эпохи великого переселения народов. В значительной мере консолидирующим началом для нового этноса стала христианизация и усвоение общевизантийских культурных основ, одним из проявлений которых стало появление городских поселений.

Материал, полученный в процессе многолетнего исследования погребальных комплексов региона, позволяет сделать выводы об антропологическом составе их жителей. Внутригрупповое исследование продемонстрировало неоднородность рассматриваемых серий, на межгрупповом уровне между ними была также отмечена заметная вариабельность в рамках выявленных краниокомплексов. При этом в большинстве серий явно преобладает европеоидный умеренно-брахикранный тип, с широкой и относительно низкой черепной коробкой, средневысоким лицом, часто с несколько ослабленной горизонтальной профилировкой, сочетающейся с выступающим среднешироким носом.

Внутри серий вариабельность, в основном, связана с широтными размерами черепной коробки и пропорциями лицевого отдела. До трети объёма отдельных выборок составляют мезокранные и долихокранные формы. Выражено долихокранные черепа немногочисленны, но присутствие их единичных экземпляров стабильно фиксируется в половине мужских серий. Для них характерно некрупное лицо и относительно низкая черепная коробка. В качестве противоположного комплекса, следует отметить гипербрахикранные черепа с относительно большим высотным диаметром черепной коробки в сочетании с

широким и низким лицом. Монголоидный компонент имеет в крымских сериях незначительное распространение.

Примечательной особенностью исследуемого населения следует признать довольно часто встречаемое ослабление горизонтальной профилировки на среднем уровне, в сочетании с довольно резкой профилировкой лица на уровне орбит и развитым у мужчин, можно сказать, «массивным» переносом.

Установленный антропологический тип сохраняет преобладание в среде населения региона на протяжении всего исследуемого периода и находит свое продолжение в сериях позднесредневекового времени, причём независимо от конфессиональной принадлежности погребённых. Как показывает ретроспективное сопоставление серий, он не обнаруживает близких черт ни с сериями «позднескифского» круга, представляющими «традиционные культуры», распространёнными в регионе до начавшихся в середине III в. мощных миграционных процессов, ни с раннесредневековым населением региона, сложившимся к их исходу на рубеже VI–VII вв. Среди ранних серий общность усматривается только с сарматскими сериями Причерноморья.

Широкое распространение рассматриваемый комплекс получает в Юго-Западной Таврике к концу первого тысячелетия н.э. Представляется, что это связано с миграционными процессами в среде населения Хазарского каганата, контролировавшего значительную территорию полуострова. Население, проживавшее на входивших в его состав территориях Приазовья и бассейна Дона, представлено двумя краниологическими типами – «салтовским», преобладающим в склеповых могильниках Верхнего Дона и Северского Донца, и «зливкинским», характерным для населения, оставившего одноименный грунтовый могильник на Среднем Дону.

Данные межгруппового сопоставления серий вполне согласуются с высказывавшемся и ранее мнением о сходстве краниологического типа исследуемого населения Крыма и серий «зливкинского» круга. Определённая специфика морфологии лицевого отдела крымских серий не может нивелировать их близость. Зливкинский антропологический тип принято связывать с ранним болгарским населением, для большинства серий с территории Волжской Болгарии в большей или меньшей мере характерны сходные антропологические комплексы. Такая этническая привязка не противоречит и данным по этнической истории Крыма.

С салтовским типом соотносят население, связанное происхождением с аланами, проживавшими на территории Подонья и Приазовья с первых веков н.э. Параллели с салтовским антрополо-

гическим типом обнаруживает и аланское население Северного Кавказа. Применительно к Крыму близость к материалам «салтовского круга» проявили серии, представляющие население исследуемого региона раннесредневекового времени, что вполне соответствует тезису о значительном участии алан в его формировании. Кроме того, межгрупповой анализ зафиксировал тесное взаимоположение салтовских серий и «позднескифского» населения региона. Однако, вопрос о генетической преемственности между ними требует более углубленного рассмотрения.

К сожалению, представленный антропологический материал не позволяет разрешить вопрос об участии в формировании исследуемого населения региона выходцев из Малоазийских провинций Византийской империи. Представлялось бы весьма интересным сопоставить население Крыма и Константинополя, Синопа, а особенно Трапезунда и Лазистана. Увы, антропологические материалы позднеримского и византийского времени, характеризующие как население столицы империи, так и причерноморских регионов, практически неизвестны. В свете современной политической конъюнктуры их введение в научный оборот представляется маловероятным.

Всё же берём на себя смелость утверждать, что сколь-нибудь значительное присутствие малоазийского населения в средневековом Крыму маловероятно. Среди рассмотренных материалов не было выявлено каких-либо специфических краниокомплексов, не нашедших своего отражения в антропологической среде сопредельных Крыму территорий. Утвердившееся в литературе мнение, о том, что миграционные процессы раннесредневекового времени, связывавшие малоазийское побережье Чёрного моря и Крымский полуостров, были настолько масштабны, что могли повлиять на антропологический состав населения полуострова, исходя из современных данных, представляются надуманными.

Что же касается более позднего периода, начиная с конца XII – XIII вв., с южного побережья Чёрного моря в Крыму следовало, скорее, ожидать появления групп брахикранного тюркизированного населения. Выявить их присутствие на антропологическом уровне в среде морфологически близкого населения полуострова представляется достаточно проблематичным. Значительный миграционный процесс имел место уже в османский период истории региона, но освещение его проявления в антропологическом составе полуострова выходит за рамки настоящего обзора, да и наличных материалов для этого, очевидно, недостает.

Представления отдельных авторов, что население Византийской империи, осознававшее себя греками – ромеями, антропологически

соответствует собственно грекам, и, тем более, выявление их в составе жителей Херсона, выглядят достаточно наивно. Отметим, что даже греческое население классической и эллинистической эпох не может быть охарактеризовано единым краниологическим комплексом. А население Херсонеса представляется смешанным уже на раннем этапе существования полиса. В то же время, мы не станем отрицать присутствие в городе представителей населения, происхождение которых можно связать с Малой Азией, в частности, проявившееся в находках черепов «арменоидного» (или переднеазиатского) типа. Однако, речь идёт не о значительном их количестве, как может представиться из распространенных публикаций, а о двух или трёх черепах в небольшой сборной серии. Но, как показывают представленные антропологические данные, для византийского Херсона были характерны те же этно-исторические процессы, что и для полуострова в целом. Сходство в антропологическом типе его населения и жителей сопредельных территорий Юго-Западного Крыма следует объяснять не влиянием «города на регион», а, скорее, процессом противоположной направленности.

Брахикранный широколицый европеоидный тип, составлявший основу городского населения горной части Юго-Западного Крыма и Южного берега полуострова, широко распространён в составе средневекового населения Юга Восточной Европы. Его происхождение уходит к рубежу н.э. и, вероятно, связано с сарматской этнической средой. На протяжении последующего тысячелетия он становится основой формирования антропологического типа многих народов, происхождение которых связано с этно-историческими процессами, происходившими в регионе. В их числе болгары, хазары и многочисленные группы, расселившиеся в рассматриваемый период в Причерноморье, в Подонье и Поволжье, этническое определение которых проблематично. В этом ряду следует рассматривать и средневековую народность, сформировавшуюся около тысячелетия назад на территории горного Крыма.

Таким образом, в антропологическом отношении население средневековой Таврики представляется тесно связанным с «этническим миром» Юго-Востока Европы, определяемым византийскими интеллектуалами, как «толпы пришельцев из разных варварских народов».

Д.В. ИОЖИЦА

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ «БАЗИЛИКИ МАРКЕВИЧА»¹

Недалеко от пересечения Адым-Чокракской долины и ущелья Урауз-дере, у южного обрыва Мангупского плато, на берегу ныне высохшего русла р. Кара-Ильяз находится так называемая «Базилика Маркевича».

Первое описание памятника, частично разрушенного в процессе разборки его на строительный материал местными жителями, оставил А.И. Маркевич в 1890 г., после чего за ним в литературе закрепилось условное обозначение «Базилика Маркевича» [Маркевич 1890: 101–105]. Исследователь реконструировал комплекс как христианский храм базиликального типа первой половины XV в. с двумя рядами колонн и полом, вымощенным известняковыми плитами. В 1937 г. место базилики осмотрел Н.И. Репников и датировал базилику VII–VIII вв. [Репников 1939–1940: 240]. В 1970 г. А.Л. Якобсон при публикации археологической карты памятников Каралезской и Шульской долин указал на наличие в Урауз-дере трёхнефной базилики VII–VIII вв. [Якобсон 1970: 19].

В период 2012–2016 гг. были проведены археологические раскопки культового сооружения. Они позволили установить его общие размеры и реконструировать планировочное решение. Базилика представляет собой пятинефный пятиапсидный храм, ориентированный по оси запад-восток. Азимут – 63°. Центральный неф имел размеры 3,40 x 7,10 м до линии выступа пилонов, боковые – 1,90 x 9,90 м. В центральной апсиде выше уровня пола на 20 см расположена солея. Пол нефов до восточных пилонов был устелен известковыми и плитами размерами в пределах

---

¹ Выражаю искреннюю признательность автору раскопок памятника – В.Е. Науменко, за возможность опубликовать материал самостоятельно и ценные консультации при его подготовке к изданию.

40,0 x 74,0 – 96,0 x 76,0 см. Апсиды нефов в плане, очевидно, имели полуциркульное очертание. Внутренние радиусы апсид боковых нефов 1,00 м, центрального – 1,65 м. Внешняя линия центральной апсиды не сохранилась, лишь в южной части зафиксирована траншея для фундамента кладки, радиусом около 2,00 м. Внешние радиусы боковых – 1,70 м. С севера от главного нефа расположены две колоннады состоящих из двух рядов колонн, по три в каждой, от которых *in situ* сохранилось только четыре базы. Каждая высечена из единого известнякового блока с ярко выраженным архитектурным обломом. Выявлен один вход – с запада (ширина 1,00 м). Толщина стен 0,65 – 0,70 м. Высота сохранившейся кладки 11,0 – 20,0 см. Кладка двупанцирная, трехслойная на известковом растворе с примесью мелкой речной гальки. На внутренней поверхности некоторых кладок сохранились следы белой штукатурки. Не исключено, что храм был полностью оштукатурен. (Рис. 1).

Установлено, что базилика функционировала в течение одного непродолжительного периода времени, в пределах конца IX – первой половины X вв. [Науменко, Иожица, Набоков 2017].

Несмотря на ничтожную сохранность остатков стен храма, археологические исследования 2012–2016 гг. дали большую коллекцию лапидарных находок. Всего за три полевых сезона было выявлено более 350 разноразмерных фрагментов, из которых в коллекцию вошло около 200 единиц.

Практически все фрагменты архитектурных деталей выполнены из известняка, за исключением нескольких фрагментов, которые представлены мергелем.

Техника исполнения декоративного узора, в целом, достаточно простая, без тщательной детализации и с примитивным изяществом. Выполнение столь традиционных элементов растительного орнамента, как акант, достаточно обобщённое, за исключением некоторой легкой плавности линии изгиба «пальцев» листа. Что касается техники обработки непосредственно лапидария, то здесь стоит отметить простоту в исполнении конструктивных элементов и практически идеальную выглаженную поверхность декоративных.

Как показала коллекция, интерьерная скульптура представлена достаточно традиционными элементами.

Прежде всего, можно с уверенностью говорить о наличии в центральном нефу алтарной преграды. Это фрагменты известняковой плиты, на лицевой стороне которой изображена нисходящая ионическая (?) валюта, а на тыльной – крест с расходящимися концами. Предположительно, эта плита занимала место внизу интерколумния,

вероятно имела вертикальное стоячее положение. Известно, что византийские храмы имели алтарные преграды, состоящие из небольших колонок, поверх которых устраивался архитрав, а интерколумнии заполнялись внизу мраморными плитами (например, алтарная преграда базилики Афентелли на острове Лесбос). По центру располагался вход в алтарь. Исследуя храм в 1889 г. А. Маркевич отметил среди находок колонку и капитель с крестом. На иллюстрации в отчете можно увидеть малый диаметр колонны и основания капители. Нам думается, что эти архитектурно-декоративные детали могли быть как раз из алтарной преграды. Также, было выявлено два фрагмента архитрава с растительным орнаментом на лицевой стороне в виде профильной проекции листа аканта. Как видим, алтарная преграда представлена традиционными элементами, характерными для раннесредневековой архитектуры.

Следующий элемент – колонна. Основание колонны выражено, вероятно, торусом диаметром 28,0 см, фрагмент которого был выявлен поблизости северной колоннады. Далее, торус соединялся, очевидно, при помощи скоции с фустом колонны. Нижний диаметр колонны равен 24,0 см. Ствол колонны, вероятно, был выполнен из цельного известнякового блока. Завершалась колонна известняковой капителью. В ходе раскопок было выявлено два её фрагмента. Капитель состояла из двух частей. Нижняя часть представлена фрагментом сложного профиля, орнаментированного, вероятно, пятипалым листом аканта, который опирается на слегка выступающую полочку и далее на цилиндрическое основание. Отметим, что пластика выполнения растительного орнамента достаточно примитивна. Верхняя часть более детализирована, выразительна и пластична. Можем смело предположить, что это импостная капитель. Традиционно в византийской архитектуре верх колоннады завершался полуциркульными арками, пяты которых устраивались на прямоугольную в плане абак, устанавливаемую между верхней частью капители и пятой арки.

Колонны стояли на базах. Их конструктивная система состоит из основания под базу колонны в виде цилиндра высотой до 12,0 см и пьедестала, состоящего из цоколя, который имеет различное построение архитектурных обломов. Общая высота элемента составляет 24,0–35,0 см, размеры в плане 34,0 x 36,0 см, диаметр основания базы – около 34,0 см.

Среди коллекции лапидария также стоит выделить ещё несколько интересных находок.

В ходе полевых работ было выявлено 14 единиц известняковых декоративных элементов. Эти фрагменты, как правило, гладко вытесаны

со всех сторон. В то же время встречались фрагменты с более грубой обработкой лицевой поверхности и полным отсутствием её на тыльной стороне. Толщина их варьируется в пределах 2,2–4,5 см, причем толще фрагменты с грубой обработкой. Вероятно, эти фрагменты находились в нижней части декоративной конструкции и, возможно, крепились за счёт них. Интерпретировать их достаточно сложно, однако довольно схожие элементы декоративной решетки были выявлены при раскопках раннесредневековой базилики в Кариа (Турция).

Интересен фрагмент известняковой малой восьмигранной колонки, который можно интерпретировать как декоративный элемент оформления фасада окна.

Также стоит отметить фрагменты с растительным орнаментом на лицевой стороне в виде трёхпальцевого листочка (кувшинка?); с тыльной стороны гладкие; с обеих сторон от рельефа имеющие гладко отшлифованную поверхность. Всего выявлено 16 различных по размеру фрагментов; толщина – 4 см. Интерпретировать данные находки сложно, по всей видимости, это элементы наличника.

Кроме того, выявлены фрагменты разнопрофильных наличников, выполненных из мергеля или известняка. Надо полагать, это фрагменты от оконных или дверных наличников.

Несмотря на фактически полную разборку храма в XIX в., фиксация даже некоторых фрагментов деталей архитектурного убранства базилики позволяет дать некоторое представление об интерьере храма (Рис. 2).

Библиография

МАРКЕВИЧ А.И. Экскурсия на Мангуп // ИТУАК. – Симферополь, 1890. Вып. 9. С. 101–107.

НАУМЕНКО В.Е., ИОЖИЦА Д.В., НАБОКОВ А.И. «Базилика Маркевича» на южной периферии Мангупского городища (по материалам исследований 2012–2016 гг.) // Международная научная конференция «Археология средневекового храма», к 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича. Материалы конференции. – Севастополь, 2017. С. 50–55.

РЕПНИКОВ Н.И. Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма // НА ИИМК. – СПб., 1939–1940. Ф. №10. Д. №10.

ЯКОБСОН А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – Л., 1970. № 168.

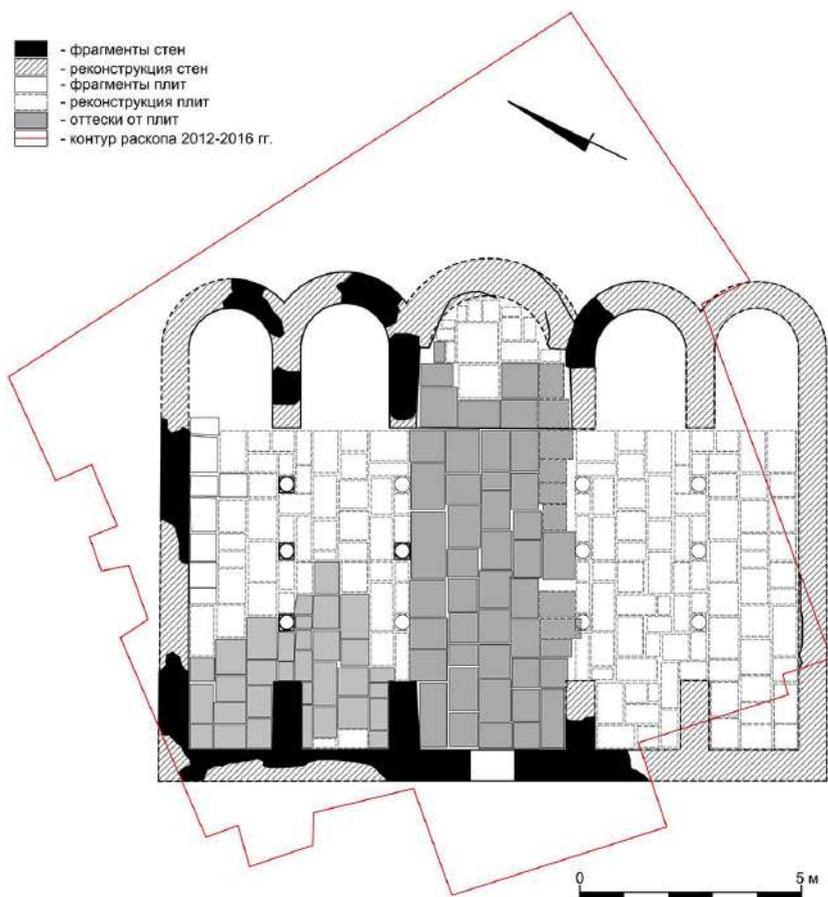

Рис. 1. Общий план «Базилики Маркевича».
Реконструкция Д.В. Иожицы.

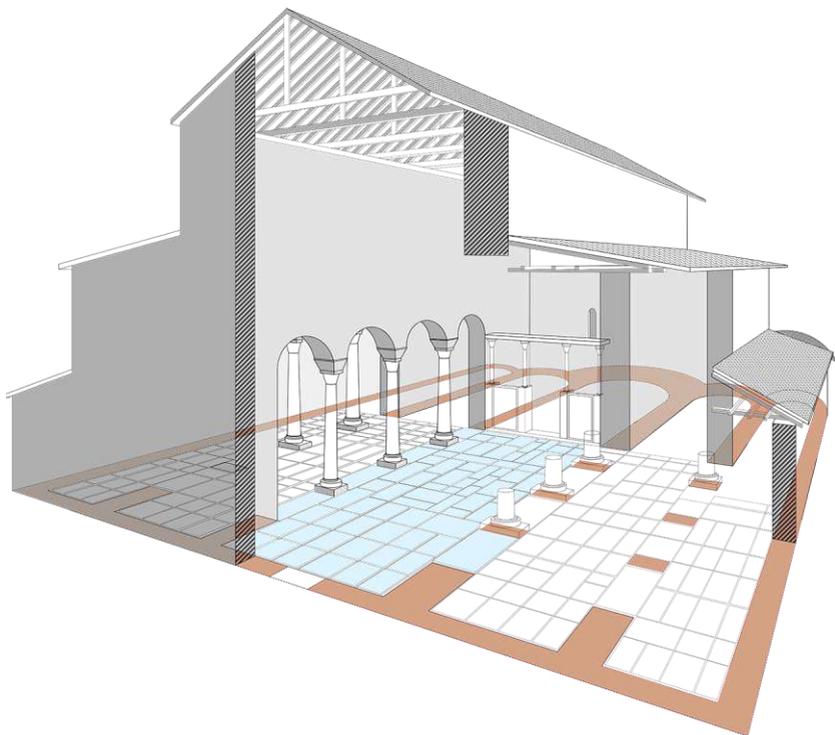

Рис. 2. Аксонометрический разрез «Базилики Маркевича».
Реконструкция Д.В. Иожицы.

М.М. КАЗАНСКИЙ

Centre national de la recherche scientifique (SNRS)
UMR 8167 «Orient et Méditerranée»
(Paris, France)

«СТЕПНОЕ» ОРУЖИЕ ИЗ ПОЗДНИХ СЛОЕВ МОНАСТЫРЯ СВ. СИМЕОНА СТОЛПНИКА (КАЛ'АТ - СЕМ'АН) В СЕВЕРНОЙ СИРИИ

Знаменитый монастырь Св. Симеона Столпника, около Антиохии, уже давно стал объектом археологических исследований (Рис. 1). Здесь на протяжении ряда лет работала французская миссия под руководством Ж.-П. Содини, а затем Ж.-Л. Бископа, о материалах которой и пойдёт речь. Монастырь начал строиться около 470 г., как центр паломничества. В 610–628 гг. регион, где находился монастырь, оказался под сасанидской оккупацией, а в 638 г. произошло первое нападение арабов на регион Антиохии. Возможно, об этих военных событиях и свидетельствуют следы пожаров и разрушений первой половины VII в., отмеченные в некоторых сооружениях на улице (*via sacra*), ведущей к главному входу в санктуарий [Pieri 2011: 1402, 1414, 1420]. Однако при Омейядах и Аббасидах монастырь продолжал функционировать, хотя, возможно, он и потерял былое значение.

В X–XI вв. монастырь оказывается в зоне византийско-арабского противостояния, и в 966 г., судя по данным эпиграфики, антиохийским патриархом Христофором здесь строятся укрепления, частично сохранившиеся и до сих пор. В 969 г. Антиохия с прилегающим регионом занята византийской армией Никифора Фоки. В 983 г. монастырь подвергается нападению войск эмира Алеппо Саида ад-Даула, из династии Хамданидов. Согласно свидетельствам письменных источников, после трехдневной осады монахи и местные крестьяне, укрывшиеся в монастыре, были частично уничтожены, а частично угнаны в плен; монастырь подвергся грабежу и разрушению, но всё же продолжал функционировать. В 1017 г. обитель дважды попадала под удары армий фатимидского Египта. Эта дата считается концом

византийского присутствия здесь, а в 1084 г. и Антиохия была захвачена мусульманами [Buchet et alii 2009: 318–325].

Слои этого времени изучались французской миссией в западном крыле центрального сооружения монастыря – большого крестообразного мартириума. В ходе работ здесь были выявлены два уровня разрушений, перекрывающие слои ранневизантийского, омейядского и аббасидского времени. Наиболее впечатляющей находкой во втором слое разрушений являются останки убитых, брошенные в огонь – не менее девяти человек, в том числе трое взрослых мужчин, четыре взрослых молодых женщины и три юноши-подростка. Костные остатки обнаружены лежащими в анатомическом порядке, со следами действия огня на костях и выраженными следами ран, нанесенных рубящим оружием, черепа отсутствовали. В том же слое найдены наконечники стрел, с остатками обгоревшей древковой части. Из слоя разрушений происходит керамика *Brittle Ware*, IX–XI вв., а также амфора типа *Günsenin 1* [Günsenin 1989: 269–271], которые принято датировать XI веком. Поэтому данные слои разрушения были отнесены к 983–1017 гг. [Buchet et alii 2009: 325–331].

Особое внимание привлекают находки оружия из поздних слоев памятника, принадлежащего типам, необычным для Ближнего Востока, но зато хорошо известным в степях Евразии. Это, в первую очередь, наконечники трехлопастных черенковых стрел, с расширением у черенка, типичные для степных древностей VI–X вв. Три такие стрелы были найдены в западном крыле мартириума, (BW), из них две – в слое разрушения (№ 7, 8) (Рис. 2,1,2), одна – в заполнении построек западного крыла (№ 10) (Рис. 2,4), и одна (№ 9) (Рис. 2,3) в воротах главного входа в северной части монастыря (EN) [Kazanski 2003: № 7–10]. «Степное» происхождение этих стрел – несомненно. Они хорошо известны в евразийских степях, как у кочевников, так и у оседлого населения, например, в салтово-маяцкой культуре. Вне степного ареала такие стрелы представлены, в первую очередь, для VI–VIII вв., в частности, у оседлого населения Средней Азии, в Армении (Двин, Ани), на ранневизантийских памятниках Малой Азии (напр. Пергам, Амориум), на Черноморском побережье Кавказа и на Балканах [Kazanski 2003: 7, там же библиография]. К концу X в. подобные стрелы практически исчезают в Европе, но продолжают бытовать в Сибири и Центральной Азии, вплоть до XIII–XIV вв., хотя их удельный вес в наборе стрел уменьшается [см., например: Худяков 1980: 100, табл. 11; Могильников 1981: рис. 73,24; Кызласов 1981: рис. 74,27].

Привлекает внимание и шарообразный граненый предмет из железа, интерпретированный как кистень (Рис. 2,5). Он также обнаружен в западном крыле мартириума, (BW), в слое разрушения [Kazanski 2003: № 27]. Его диаметр 5 см. Предмет имеет отверстие и напоминает средневековую булаву. Но диаметр отверстия – 1,6–2,0 см мне представляется недостаточным для насаживания на деревянное древко, способное выдержать сильный удар. Однако оно вполне достаточно для продевания ремня, используемого для кистеней. Кистень хорошо засвидетельствован в средневековой Восточной Европе, в том числе и на степных памятниках салтово-маяцкой культуры [Кирпичников 1966: 58–64; Крыганов 1987; Kazanski 2003: 9]. Известен он по изображениям и отдельным находкам в доисламском Пянджикенте [Распопова 1980: 75, 76]. В тоже время необходимо отметить, что восточноевропейские и среднеазиатские кистени для крепления ремня имеют внешнюю петлю. Поэтому идентификация данного оружия (кистень или булава?) остается предположительной.

Возникает вопрос, как это «степное» оружие могло попасть к воинам хамданидской и/или фатимидской армий конца X – начала XI вв.? Мне представляется, что оно является индикатором присутствия здесь тюркских гулямов. Последние известны в армии Аббасидов уже в IX в. Первым из халифов, окружившим себя тюркскими воинами, скорее всего, центральноазиатского происхождения, был ал-Мам'ун (правил в 813–833 гг.). В IX–X вв. тюркский элемент был достаточно хорошо представлен в исламской воинской среде на Ближнем Востоке и в Египте [см., например: Голден 2005, там же библиография]. Напомним, что основатели первых независимых египетских династий – Тулунидов и Ихшидидов были центральноазиатские тюрки по происхождению [Босворт 1971: 74–77].

Библиография

- БОСВОРТ К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. – Москва: Наука, 1971.
- ГОЛДЕН П. Тюрки-хазары на службе у халифов // Евреи и славяне / Ред. В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. – Иерусалим; Москва, 2005. Т. 16. Хазары. С. 459–482.
- КРЫГАНОВ А.В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // СА. – 1987. № 2. С. 63–69.
- КЫЗЛАСОВ И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы XIII–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. – Москва, 1981. С. 200–207.
- МОГИЛЬНИКОВ В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. – Москва, 1981. С. 192–200.
- КИРПИЧНИКОВ А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск второй. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени // САИ. – М.; Л., 1966. Вып. Е1-36.
- РАСПОПОВА В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л., 1980.
- ХУДЯКОВ Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. – Новосибирск, 1980.
- BUCHET L., BISCOP J.-L., BLANC P.-M., KAZANSKI M., PIERI D. Massacre dans le monastère de Qal’at Sem’an, Syrie (extrémité ouest du martyrium, sondage BW 5) // Vers une anthropologie des catastrophes. Actes des 9e Journées Anthropologique de Valbonne / Buchet L., Rigeade C., Séguéy I., Signou M. (dir.). – Paris, 2009. P. 317–352.
- GÜNSENIN N. Recherches sur les amphores byzantines dans les musées turcs // BCH. – Athènes; Paris, 1989. Suppl. XVIII. Recherches sur la céramique byzantine. P 267–276.
- KAZANSKI M. Qal’at Sem’an. IV: Rapport final, 3: Les objets métalliques (Bibliothèque archéologique et historique). – Beyrouth, 2003, 152 p.
- PIERI D. Saint-Syméon-le-Stylite (Syrie du Nord): Les bâtiments d’accueil et les boutiques à l’entrée du sanctuaire. Comptes rendus de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, fasc. 2009-4, nov. – déc. 2009 (2011), 1393–1420.

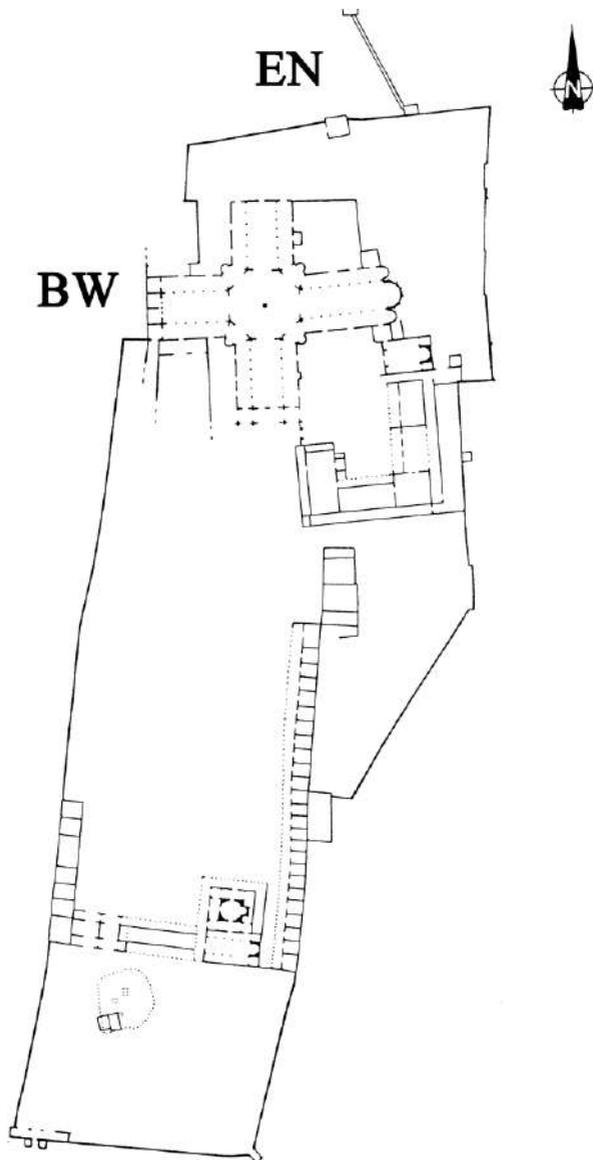

Рис. 1. Кал'ат - Сем'ан. План памятника
(по: Kazanski 2003: Pl. 1).

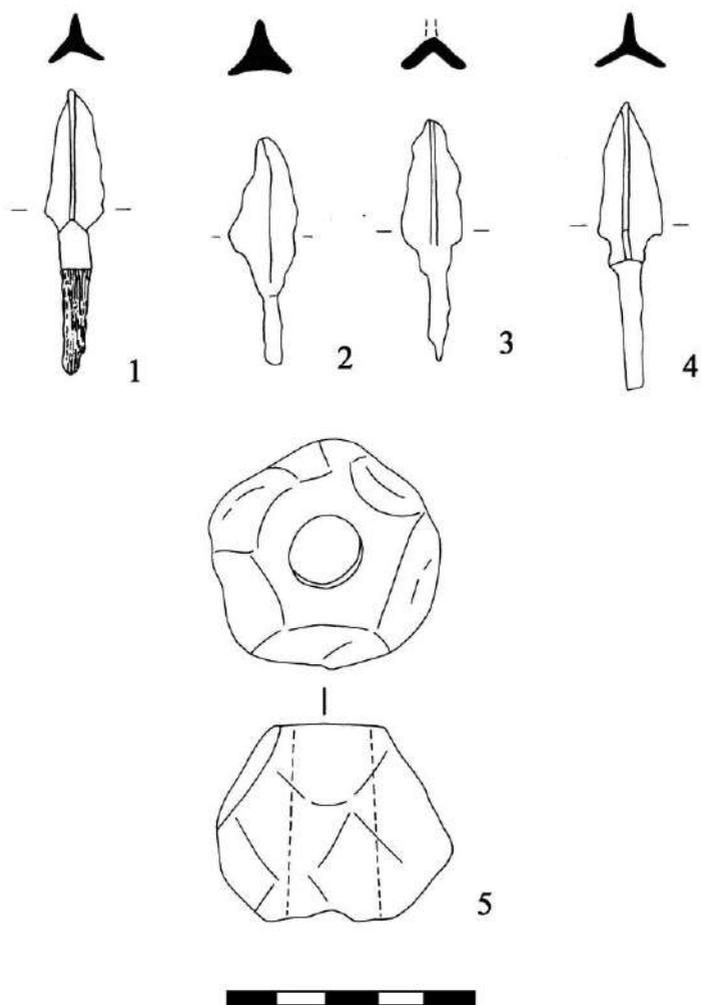

Рис. 2. Кал'ат - Сем'ан. «Степное» оружие из верхних слоев разрушений
(по: Kazanski 2003: Pl. 5,7-10, 7.27).

Т.М. КАЛИНИНА

Институт Всеобщей истории РАН
(Москва)

ОСТРОВА СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ В ТРУДЕ ИБН ХАУКАЛА (X В.)

Абу-л-Касим ибн Хаукал ан-Нисиби был представителем «классической школы» арабских географов. Основоположником её был Абу Зайд ал-Балхи (труд не сохранился), последователями – Абу Исхак ал-Фариси ал-Истахри и Шамс ад-дин ал-Мукаддаси. Карты, сопровождающие тексты в книгах этих авторов, были названы «Атласом ислама» [Крачковский 1957: 194–218; Kramers 1934: 66; Tibbets 1992: 108–129]. Ибн Хаукал поведал, что, встретившись с ал-Истахри и познакомившись с его трудом, он договорился с ним о написании, на основе его сочинения, своего произведения для исправления и дополнения [Opus geographicum ... 1938–1939: 235–236].

«Книга путей и стран» (или «Книга картины Земли») Ибн Хаукала знакомит со странами ислама и окружающими морями. Отдельная глава и карта посвящены Средиземному морю (*бахр ар-Рум*), где есть известия и об островах.

На карте мира Ибн Хаукала из Окружающего океана (западной части Атлантики) отходит Гибралтарский пролив (*аз-Зукак*), далее следует водный бассейн, проходящий мимо Андалусии (*ал-Андалус*), областей (*нахва*) франков (*ал-Ифранджа*) и галисийцев (*Джликийя*), лангобардов (*ал-Инкубарда*), минует Калабрию (*Калурийя*), Венецию (*ал-Банадика*), огибает Пелопоннес (*Балабуниса*). Далее широким полукругом доходит до Сирии (*аш-Шам*) и поворачивает на север (он находится внизу карты), как длинный Константинопольский пролив (*халидж ал-Кустаниийя*), на берегах которого показаны Македония (*Маджазунийя*), Трапезунд (*Атрабзунда*) и Константинополь (*ал-Кустаниийя*). Далее пролив уходит на север и впадает в северную часть Окружающего океана.

Ибн Хаукал писал: «В этом море есть маленькие и большие острова, горы населённые и пустынные (*'амира-ва-гамира*) горы, которые принадлежат византийцам и мусульманам» [Opus geographicum ... 1938–1939: 203].

Сицилии (*Сикиллийа*) в этой главе отведено совсем немного места, где он кратко пишет о ней, как «населённом и возделанном мусульманами; наиболее крупным, вооруженным и могущественным островом, откуда крупная рыба доставляется в Магриб» [Opus geographicum ... 1938–1939: 203]. Частично информация повторяет ту, что находилась в сочинении ал-Истахри (за исключением сведений о рыбе). Ибн Хаукал, помимо этих кратких сведений, посвятил Сицилии отдельную большую главу, посетив этот остров; эти данные должны рассматриваться отдельно.

Ибн Хаукал отмечал, что когда два больших известных острова – Кипр (*Кубрус*) и Крит (*Икритиши*) – принадлежали мусульманам, то они были процветающими, с активной торговлей, ввозом и вывозом. Но их захватили византийцы, по мнению нашего автора, из-за безграничной алчности, превосходящими силами – мужами, снаряжением и вооружением – «пламя которого не ослабевает, а жар не спадает». Понятно, что здесь упомянут известный «греческий огонь».

Кипр был разделён на две части, одна половина которого принадлежала Византии, а другая мусульманам; «у них был эмир и правитель (*хаким*), который поддерживал мусульман, довольных соседством с христианами, а христиане были уверены в них» [Opus geographicum ... 1938–1939: 203]. Судя по всему, Ибн Хаукал, писавший свою книгу в 70–80-х гг. X в., описывал бывшее состояние condominiuma Кипра до 965 г. и явно сожалел о захвате острова византийцами, т.е. Никифором Фокой. Наш автор отметил, что христиане там составляли две ветви. Вероятно, имеются в виду православные и отколовшиеся от них марониты, бежавшие из Северного Ливана на северный Кипр. Последний отмечен также как плодородное место, где имеется хорошая мастика, стиракс, шелк, лён, пшеница, ячмень и прочие зерновые [Opus geographicum ... 1938–1939: 203].

Крит, как считает наш автор, был свободным после завоевания мусульманами [Opus geographicum 1938–1939: 204]. Видимо, речь идёт об эмирате Крита после его захвата его в 20-х гг. IX в. андалузскими мусульманами. Отмечены воинственные настроения населения, что, по-видимому, означает известные агрессивные набеги критян на окружавшие остров территории. Но «перемирие и соглашение на условиях победившей стороны» означает, вероятно, политику исламских правителей, которые возложили на немусульманское

население *джизью*, разрешили им исповедовать свою веру. Интересно отметить, что Ибн Хаукал ничего не говорит о завоевании Крита Никифором Фокой в 961 г., хотя по времени написания книги он должен был знать об этом.

Ибн Хаукал упоминает об острове Майорка. По мнению автора, его нельзя даже сравнивать с Сицилией по степени вооруженности, торговли и строительства, хотя он был плодороден, урожаен, с развитым скотоводством. А вот о Мальте Ибн Хаукал говорит, как о заброшенном острове, где много мёда, обитают одичавшие овцы и ослы; за мёдом и ослиами приезжают сюда торговцы [Opus geographicum ... 1938–1939: 204].

После описания островов, Ибн Хаукал возвращается к захвату византийцами Кипра и Крита. Тяжкое для нашего автора событие он объясняет так: «Причиной гибели двух островов, после того как враг достиг своей цели, и того, что случилось с их жителями, это несправедливость, зависть и тяготы. Жители же пограничной области были охвачены этими (настроениями) и допустили порочность, разврат, вероломство, предательские убийства, противостояния друг другу и упрямство. Они стали поучительным примером для наблюдающих, предостережением для слушателей и зрителей. И Аллах не принимает деяния порочных и не теряет возможности вознаградить благочестивых» [Opus geographicum ... 1938–1939: 204].

В конце же главы Ибн Хаукал показывает свое отношение к происходящему: «Те, кто наблюдает за мусульманами, заметит, что государство у них беспорядочное и бессильное, а правителем в качестве объединителя и защитника (а народ крадёт и не насытится) является малолетка, выдающий себя за совершеннолетнего, и он не тревожится о месте возвращения и прибежища в случае необходимости. Законовед словно железный волк при каждой беде издаёт законы, а в случае появления силы отгоняет её и уничтожает; купец – нечестивец, не сторонится ни греха, ни вожделений; монах и сборщик податей подчинены власти врагов; владения переполнены недоброжелателями, земли от их владельцев отобраны.

Это ряд особенностей Румийского моря и его островов, которые необходимо знать» [Opus geographicum ... 1938–1939: 205].

В целом, информация Ибн Хаукала обнаруживает антивизантийские настроения, что не удивительно. Рассуждения Ибн Хаукала о состоянии исламского государства в его время отчётливо указывают на состояние распада халифата Аббасидов. Малолетним правителем, по-видимому, назван Хишам II, сын аль-Хакама II, в десятилетнем возрасте ставший халифом Кордовы в 976 г. Правителем (*хаджибом*) и военачальником

фактически был Мухаммад ибн Амир ал-Мансур, который отстранил мальчика, а затем юношу Хишама II от какой бы то ни было политической деятельности, направив его интересы в сферу досуга и развлечений. Интересен тот факт, что Ибн Хаукал не мог не знать о бурной военной практике ал-Мансура, правившего вместо Хишама II, но ничего не сказал об этом. Возможно, его не устраивали политические амбиции ал-Мансура, о которых нельзя было сказать напрямую. Критика Ибн Хаукала явно относилась к положению дел не только на островах, но и в самом Халифате.

Библиография

Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abū'l-Kāsim ibn Haukal al-Nasībī) ... «Liber imaginis terrae» / Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J.H. Kramers. – Lugduni Batavorum, 1938–1939.

КРАЧКОВСКИЙ И.Ю. Арабская географическая литература // И.Ю. Крачковский. Избранные сочинения. – М.; Л., 1957. Т. IV.

KRAMERS J.H. *Djuġhrāfija* // *Enzyklopaedie des Islam*. – Leiden; Leipzig, 1934. Bd. III.

TIBBETS G.R. *The Balkhī School of Geographers* // *History of Cartographers*. – Chicago; London, 1992. Vol. II. Book I: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies.

В.П. КИРИЛКО

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

**АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНЫЕ
И ДЕКОРАТИВНЫЕ ДЕТАЛИ ИЗ РАСКОПОК ХРАМА
НА АЛУШТИНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ**

В конце лета – начале осени 1950 г. при археологическом изучении Алуштинского могильника, расположенного на небольшой возвышенности над морем, между набережной и ведущей к средневековому укреплению дорогой, Н.В. Пятшышева обнаружила и почти полностью вскрыла остатки храма. 12 сентября она внезапно уехала в Москву, а раскопки памятника пришлось продолжить Е.В. Веймарну, завершившего их 30 числа того же месяца. Хотя сами исследователи результаты своих изысканий в научный оборот не ввели, кое-какие сведения о строении со временем были опубликованы другими специалистами [Асеев 1951: 25, рис. 2; Когонашвили, Махнева 1971: 16–17; Кирилко 2018а; 2018б]. При этом до сих пор во многом неостребованными всё ещё остаются довольно информативные полевые материалы экспедиции (дневники, описи, чертежи, фотоснимки, документы, др.), хранящиеся в Научном архиве ИА Крыма [Полевые материалы ... 1957], и уцелевшие находки отдельных архитектурных деталей¹, которые позволяют получить более полную характеристику здания.

Церковь имела два чётко выраженных строительных периода [Полевые материалы ... 1957: № 6/10, л. 11; Асеев 1951: 24]. Первоначально она представляла собой в плане почти квадратное снаружи и крестообразное внутри здание с полукруглой абсидой. Строение ориентировано на северо-восток. Вход расположен спереди,

---

¹ Сердечно благодарю заведующую Алуштинским историко-краеведческим музеем В.Ф. Вахновскую и старшего научного сотрудника Отдела средневековой археологии ИАК РАН, к.и.н. И.Б. Тесленко, оказавших мне неоценимую помощь в работе с данными артефактами.

на продольной оси храма. Алтарное полукружие глубокое, имело слабо выраженную подковообразную конфигурацию. При реконструкции с юго-восточной стороны церкви, на месте частично разобранный боковой стены, была сооружена каменная гробница (усыпальница – по Е.В. Веймарну, костница – по Ю.С. Асееву), а внутри постройки вдоль передней кладки, на уровне порога, появилось мощение известняковыми плитами, которое подстилала «светлая, с примесью глины, довольно мягкая подсыпка, толщиной до 0,20 м» [Полевые материалы ... 1957: № 6/10. л. 11; Асеев 1951: 25, рис. 2].

Внешние размеры наоса – 5,30 × 5,16 м. Общая длина здания – 6,47 м. Протяжённость внутреннего пространства церкви – 4,45 м, его ширина – 3,80 м. Толщина стен – в среднем 0,65 м [Полевые материалы ... 1957: № 6/10. л. 11; Асеев 1951: 25, рис. 2; Когонашвили, Махнева 1971: 16–17]. Остальные величины поддаются определению благодаря обмерному чертежу плана строения, выполненному в 1950 г. С.К. Себекиным [Кирилко 2018а: рис. 1]. Сторона подкупольного квадрата составляла 3,00–3,20 м. Ширина апсиды – 2,00 м, её глубина – 1,65 м. За пределы основного объёма храма она выступает на 1,90 м. Радиус алтарного полукружия: внешний – 1,90–2,00 м, внутренний – 1,05 м. Ширина плеч северного и южного – соответственно 1,0 и 1,45 м, заплечиков – 0,30 и 0,55 м, подпружных арок перекрытия – 0,70–0,80 м.

Кладки здания бутовые, из крупного, выборочно обработанного, камня на известковом растворе с примесью морского серого песка и незначительным количеством дробленой керамики. Толщина швов – от 2 до 6 см. Глубина заложения фундаментов – до 60 см. Их подстилает плотный грунт, следов специальной подготовки основания не выявлено [Асеев 1951: 24–25].

Известно также то, что в завалах здания не отмечено никаких остатков плинфы, но обнаружено много обломков черепицы обычного для крымского средневековья типа. По свидетельству Ю.С. Асеева, в кладке усыпальницы, пристроенной к храму сбоку, найдены фрагменты архитектурных деталей – предположительно, профилированного крупным гуськом карниза и резного орнаментированного фриза с пальметтой и розеткой в венке, характерных для средневизантийской архитектуры [Асеев 1951: 25].

Точное место, где был обнаружен первый из упомянутых артефактов, указывает зарисовка в полевом дневнике Е.В. Веймарна (Рис. 1), правда, автором раскопок он назван несколько иначе – «обломок орнаментированного карниза из известняка» [Полевые материалы ... 1957: № 6/2, л. 50], хотя, возможно, речь идёт о разных изделиях. Однозначная локализация второго фрагмента, как, впрочем, и

его достоверная идентификация пока затруднительны. Графическая фиксация архитектурных деталей исследователями при камеральной обработке материалов не осуществлялась, но краткая информация о них содержится в коллекционной описи находок, которая, в свою очередь, позволяет их соотнести с конкретными предметами, поступившими на хранение в Алуштинский историко-краеведческий музей: «18. Фрагмент архитектурного украшения в виде наличника или карниза. Размеры: 20×15 см. При расчистке апсиды часовни; 21. Архитектурное украшение в виде фрагментированного медальона с равноконечным расширяющимся к концам крестом. На концах выемки. По краям медальона бордюр из зубцов и точек. Известняк. Разм. наиб. 17 и 10 см. При расчистке внутри апсиды (Рис. 2); 350. Обломок фрагментированного карниза. Известняк. Разм. 30×33 см. В кладке часовни; 377–379. Архитектурный обломок с частью орнамента в виде плетенки – 2 фрагмента и в виде жгута – 1 фрагмент. Известняк. Разм. 95×115×95, 95×105, 55×105 [мм]. Найдены в первоначальном отвале на юге в обрыве» [Полевые материалы ... 1957: № 6/10, л. 34, 36, 43].

Последние три фрагмента вполне могли принадлежать надгробиям, одно из которых с подобным декором и надписью рубежа XIII–XIV вв. также происходит из раскопок храма [Полевые материалы ... 1957: № 6/10, л. 34, № 351; Скржинская 1958: 156–165, рис. 1; Когонашвили, Махнева 1971: 26–28]. Тем не менее, К.К. Когонашвили и О.А. Махнёвой они были идентифицированы как «узорные наличники оконных проемов», позволившие исследователям воссоздать примерный (на мой взгляд, маловероятный) вид самих сооружений: «Снаружи их обрамлял орнамент: одни – так называемая плетенка, другие – в виде жгута. Возможно, окна церкви были забраны железными решетками. Обломок одной из них археологи обнаружили у западной стены храма. А неожиданная находка большого куска плоского синего оконного стекла позволяет предположить, что на окнах были витражи из цветного стекла» [Когонашвили, Махнева 1971: 16–17].

Для убранства фасадов использовались также керамические элементы архитектурного декора в виде розеток, два фрагмента которых происходят из раскопок церкви в 1950–1951 гг. [Лысенко, Тесленко 2002: 71–73].

Внутренние поверхности стен могли быть украшены росписью, по крайней мере, в описи находок упомянуты «обломок штукатурки с фреской», «фрагменты штукатурки, расписанные восковыми красками» и «куски камня со следами красной краски» [Полевые материалы ... 1957: № 6/10, л. 34, 46, 49]. К.К. Когонашвили и О.А. Махнёва отмечают, что краски были замешаны «на сложной эмульсии клея и

смола», в состав которой входил также воск, придававший им особую прочность, а сами находки поразили исследователей «свежестью и яркостью колорита». По их мнению, такая же техника росписи известна в храмах Греции и Малой Азии [Когонашвили, Махнева 1971: 17].

Храм, вероятнее всего, был построен во второй половине XIV в. Судя по материалам полевых исследований, его возведению предшествовало сооружение могилы № 21 с захоронением сановника высокого ранга, предположительно, протоса – главы местного самоуправления, которое, в свою очередь, вполне могло обусловить появление затем самой церкви. Капитальный ремонт здания мог произойти в XV в. и быть вызван необходимостью устранения последствий разрушительного землетрясения 1423 г. [Кирилко 2018а; 2018б: 245–246].

Постройка первоначально была купольной, имеет аналогии, одной из которых является Ильинская церковь в Чернигове, датируемая временем не раньше второй половины XII и не позднее начала XIII вв. [Асеев 1951: 25, рис. 3]. Храм выделяется неординарными для местной архитектуры формами, а его объёмно-плановая структура и декоративное убранство соответствует традициям средневизантийского культового зодчества.

Библиография

- АСЕЕВ Ю.С. Архітектурно-археологічні дослідження в Криму // Вісник Академії архітектури УРСР. – Київ, 1951. № 3 (21). С. 23–30.
- КИРИЛКО В.П. «Алустонский клад»: история находки // Поволжская археология. – Казань, 2018а. № 2 (24). С. 168–189.
- КИРИЛКО В.П. Новое и забытое старое о храме Алуштинского могильника // Археология евразийских степей. – Казань, 2018б. № 4. С. 244–249.
- КОГОНАШВИЛИ К., МАХНЕВА О. Алустон и Фуна. – Симферополь, 1971.
- ЛЫСЕНКО А.В., ТЕСЛЕНКО И.Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен и до наших дней. – Киев, 2002. С. 59–88.
- Полевые материалы II Алуштинского отряда Тавро-скифской экспедиции 1950 г. // Научный архив ИА Крима РАН. – Симферополь, 1957. Шифр А. № 6. Папки 2, 8, 10.
- СКРЖИНСКАЯ Е.Ч. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // История и археология средневекового Крыма. – М., 1958. С. 155–175.

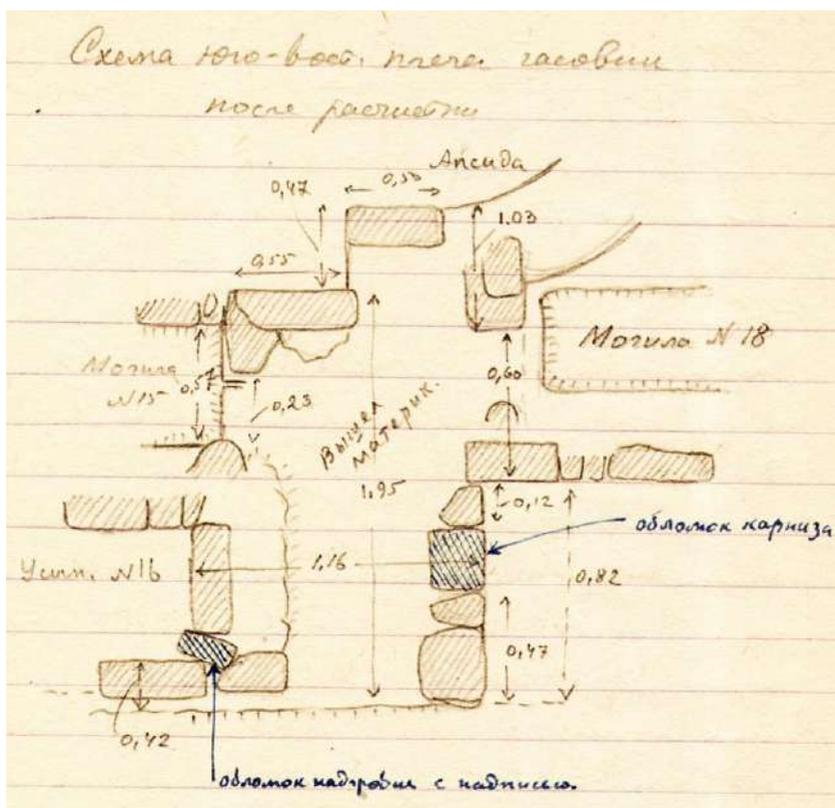

Рис. 1. Схема юго-восточного плеча часовни после расчистки
в полевом дневнике В.Е. Веймарна
(НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/2. Л. 49об.).

Рис. 2. Фрагмент декоративного рельефа с изображением креста.
Известняк. 2018 г. Фото И.Б. Тесленко
(Алуштинский историко-краеведческий музей, КП – 458).

М.Г. КРАМАРОВСКИЙ

Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)

Э.И. СЕЙДАЛИЕВ

Крымский инженерно-педагогический университет
Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ГОРОД В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КРЫМУ И ЕГО ОКРУГА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Одним из следствий глобализации в Улусе Джучи (Золотой Орде русских книжников XVI в.), выросшей из развития дальней и локальной торговли, явилось утверждение городского образа жизни. В основе этого процесса лежал рынок, основанный на монетном чекане, где в границах отдельных поселений осуществлялся специализированный обмен изделиями ремёсел на продукты сельской периферии. Разумеется, рынок стал возможен только с введением общегосударственного монетного чекана – серебряного дирхема. Нумизматы К.К. Хромов и В.Н. Настич полагают, что в Крыму между 1257 и 1280 гг. чеканятся анонимные серебряные дирхемы от имени улусных наместников – без тамги, с легендой «*Амир* (на аверсе) *Кыры/ма* (на реверсе) [Хромов, Настич 2003: 77, 78; Хромов 2004: 15–17]. Для крупных сделок существовал *сум* – серебряный слиток двухсотграммового стандарта.

Трудно не согласиться со специалистами по европейской урбанистике, отметившими, что *не дальняя торговля, но рынок, базар*, сделали город центральным пунктом хозяйственной жизни определенного района.

Исследователи выделяют два типологически разных принципа возникновения и формирования золотоордынского города. Первая концепция – «степная» – характерная для Поволжья, Северного

Кавказа, лесостепной зоны Прутско-Днепровского междуречья. Эта концепция констатирует отсутствие в регионах собственно городской традиции. В своей основе, для городов Поволжья, эта идея была разработана Г.А. Федоровым-Давыдовым [Федоров-Давыдов 1994; 2001] и развита Э.Д. Зиливинской [Зиливинская, Васильев 2016] и Л.Ф. Недашковским [Недашковский 2011]. Причины создания таких городских центров приводятся разные, в то же время ни одну и них, кроме рынка, нельзя считать основополагающей. Скорее, необходимо рассматривать целый комплекс факторов, приведших к созданию новых крупных городов в степной части Улуса Джучи. Второй принцип – «автохтонный» – характерный для регионов, где сохранялись или восстанавливались «старые» города. В то же время, существует ряд городских центров, которые возникают в зонах с оседлым населением, что не подпадает ни под одну из приведенных типологических схем. Эти города возникают не в связи с сохранением здесь домонгольских традиций рынка, но призваны обеспечивать кочевническое государство.

Одним из таких центров в юго-западной части Улуса Джучи становится город Крым (Солхат). В связи с тем, что в основе своей Золотая Орда состояла из двух основных массивов населения: степного (кочевнического) и оседлого (земледельческого), актуальным вопросом является выяснение взаимодействия города с окружающей его сельскохозяйственной территорией. Л.Ф. Недашковский справедливо отметил, что «...средневековый город предполагал наличие округа, необходимой для обеспечения его продовольствием и ремесленным сырьем». В то же время, городская округа в юго-восточном Крыму предстает не только как сырьевая база, но и как территория со сложившимися ремесленными поселениями, способными частично обеспечить городскую структуру, подобную Солхату, собственной продукцией.

Таким образом, с определенной точки зрения, город выступает не только потребителем сырья для собственного ремесла, но и интегративной площадкой, где представлены интересы как сельскохозяйственной округа, так и специализированных ремесленных поселений (типа Бокаташ II в пригороде Солхата). Выросший из яма, Солхат-Крым в то же время, по мере развития его собственного рынка, уже как административный центр был призван контролировать крупные торговые маршруты западной части Улуса Джучи. И в нашем случае «замысел Джучидов состоял в создании на юго-восточном побережье полуострова специального экономического района, способного объединить морские транзиты Латинской Романии с маршрутами степной ветви возобновленного Шелкового пути» [Крамаровский 2012: 122]. Этапы становления города неоднократно рассматривались в

литературе [Крамаровский 1989; 2009; 2012; 2018]. Солхат возникает в результате слияния небольших этно-конфессиональных поселений, где в середине XIII в. основывается почтовый ям. В своем развитии он проходит два догородских этапа. Это уже упомянутая почтовая станция, переросшая затем в большое поселение деревенского типа – «*карийа*» [Крамаровский 2018: 245, 246]. С 80-х гг. XIII в. начинается полноценный городской этап в развитии поселения, что, судя по медному чекану, сопровождается формированием устойчивого рынка [Крамаровский 2018: 247]. В то же время, развитие города было обусловлено интересом ордынских правящих элит к дальним рынкам и дальним торговым маршрутам.

На примере Солхата мы рассмотрели один из частных случаев городского генезиса в Золотой Орде, что не противоречит наблюдению Г.А. Федорова-Давыдова о том, что джучидские города возникают «...прежде всего, как административные и военные центры» [Федоров-Давыдов 1994: 12]. В некоторых случаях это действительно так. В целом же, факторы влияющие на возникновение городов, весьма различны. Это и предшествующий городу военный лагерь, и ставка хана или темника, и важное место на путях караванной торговли [Сейдалиев 2018: 419].

Наряду с Солхатом, расположенном на стыке степной и предгорной части юго-восточного Крыма, у береговой полосы на юго-востоке вырастают новые экстраординарные торговые центры – генуэзская Каффа (с собственной сельскохозяйственной округой); продолжается жизнь и греко-латинской Солдайи. В Горном Крыму активно развиваются Мангуп и Кырк-Ер. Особенности их развития напрямую зависят от золотоордынского центра и могут быть рассмотрены в контексте политических и торгово-экономических отношений Золотой Орды. Закономерности развития приморских и горных городов в деталях отличаются от степных городов континентальной части государства, но их взаимосвязь обусловлена административно, поскольку Солхат является ещё и центром Правого крыла Золотой Орды. Тем более, что каждый из перечисленных центров располагался примерно на расстоянии одного-двух дневных переходов от региональной столицы.

Письменные источники сообщают достаточно скудные сведения о Солхате и ещё менее о сельской периферии города [Сейдалиев 2016], поэтому основные результаты исследования могут быть достигнуты только с помощью анализа археологических источников (материалов раскопок и нумизматики). Несмотря на долговременные, планомерные и масштабные археологические исследования Солхата и ряда окружающих и синхронных ему поселений и существование значительного количества публикаций, касающихся и города и поселенческих

археологических памятников юго-восточного Крыма, проблема взаимодействия округа и города в юго-восточном Крыму комплексно ещё не ставилась. В связи с этим активизация исследований не только квартальной застройки Солхата или его стратиграфии, но и планомерное исследование округа играют важную роль для дальнейшей реконструкции прошлого золотоордынского Крыма.

Библиография

- ЗИЛИВИНСКАЯ Э.Д. ВАСИЛЬЕВ Д.В. Города Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории. – Казань, 2016.
- КРАМАРОВСКИЙ М.Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времен / М.Г. Усманов, Р.С. Хахимов (глав. ред). – Казань, 2009. Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV вв. С. 567–589.
- КРАМАРОВСКИЙ М.Г. Солхат-Крым: К вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989. С. 141–157.
- КРАМАРОВСКИЙ М.Г. Солхат: от яма к городу (этапы роста и векторы культуры) // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зиньков, Е.А. Зинько. – Симферополь; Керчь, 2018. С. 245–250.
- КРАМАРОВСКИЙ М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. – СПб., Евразия, 2012.
- НЕДАШКОВСКИЙ Л.Ф. Золотоордынский город и его округа: на материалах нижнего Поволжья // Автореф. дисс. на соискание уч. ст. д.и.н. – Ижевск, 2011.
- СЕЙДАЛИЕВ Э.И. Город и традиционная кочевническая культура на примере золотоордынского Солхата по данным археологии // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зиньков, Е.А. Зинько. – Симферополь; Керчь, 2018. С. 419–422.
- СЕЙДАЛИЕВ Э.И. Золотоордынский Солхат-Крым в восточных средневековых письменных источниках // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Исторические науки. – Симферополь, 2016. Т. 2 (68). № 4. С. 88–96.
- ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М., 1994.
- ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. – М., 2001.
- ХРОМОВ К.К., НАСТИЧ В.Н. Два редких типа серебряных монет Крыма золотоордынского периода // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2003. С. 77–79.
- Хромов К.К. Новые данные о серебряном чекане Крыма раннего золотоордынского периода // Нумизматика. – М. 2004. Июль (5). С. 15–17.

Т.В. КУЩ

Уральский Федеральный университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург)

**КАКОГО РАБСТВА ОПАСАЛИСЬ ВИЗАНТИЙЦЫ.
КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТРАХИ ГОРОЖАН
ВО ВРЕМЯ ТУРЕЦКОЙ ОСАДЫ¹**

Турецкая угроза, нависшая над греческим миром со второй половины XIV столетия, заставляла людей задуматься о том, какая судьба ожидает их в случае захвата византийских владений неприятелем. Критическими моментами в истории покорения ромейского пространства турками были осады городов. В условиях, когда враг штурмовал фортификационный щит города, атмосфера внутри крепостных стен накалялась, вызывая самые разные реакции населения на возможный неблагоприятный исход военного противостояния. Безусловно, в городской среде были сильны патриотические настроения, укреплявшие дух защитников, помогавшие им мужественно переносить тяготы блокадного положения и отважно защищать родные дома. Вселяла в них силы и вера в заступничество Господа, который, по убеждению христианского населения, был способен защитить богоспасаемых ромеев от покорения неверными. Но чем дольше длилась осада или сильнее становился натиск врага, палитра психологических реакций становилась всё более многослойной. Обращаясь к изучению ситуации в византийских городах, которым пришлось пережить осаду османов, важно понять, как воспринимали жители нависшую над ними угрозу порабощения, насколько едины они были в представлениях об участи сограждан, если враг одержит победу. Психологический климат, в условиях которого приходилось жить и оказывать (или не оказывать) сопротивление противнику, в определенной мере влиял на исход этого цивилизационного противостояния.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00091 «Турецкие осады поздневизантийских городов: особенности функционирования городского социума в ситуации межцивилизационного конфликта».

Одной из фобий, которую всегда испытывает человек в момент военного столкновения с врагом, является, наряду со страхом смерти, страх порабощения. Рассмотрим представления жителей византийских городов об иноземном рабстве, получившие распространение в период турецкого завоевания. В нашем распоряжении имеются источники (эпистолярные, риторические, исторические), отражающие взгляды различных социальных слоев на рабство. Коллективное сознание византийцев однозначно воспринимало рабство как безусловное зло, как горький удел каждого, кто покорен врагом. Однако эти представления, в зависимости от характера источников и социального положения их авторов, отличались степенью абстрактности или конкретизации при описании ужасов грядущего порабощения, а также акцентами на разные проявления рабской зависимости. В своём докладе мы представим результаты дифференцированного анализа восприятия рабства представителями различных социальных прослоек (императором, духовенством, интеллектуалами, простолюдинами), чтобы выявить характерную для каждой из них специфику этого коллективного страха.

Н. КЪНЕВ

Великотърновски университет «Св. св. Кирил и Методий»
(Велико Търново, България)

Д. РАБОВЯНОВ

Национален археологически институт с музей
към Българска академия на науките – филиал Велико Търново
(Велико Търново, България)

ВИЗАНТИЙСКАЯ СВИНЦОВАЯ ПЕЧАТЬ ИЗ РАЙОНА КАЗАНЛЫКА (БОЛГАРИЯ)

В 2018 г при проведении плановых археологических раскопок в крепости Бузово кале недалеко от деревни Бузовград, в районе города Казанлык, была найдена византийская свинцовая печать (Рис. 1), являющаяся первым сфрагистическим памятником на этом археологическом объекте¹.

Печать сохранилась в сравнительно хорошем состоянии, но не совсем точно отцентрирована. Не исключено, что она была использована вторично – возможно, в качестве медальона (?), поскольку имеет отверстие в правой периферии, расположенное над изображенным крестом в начале легенды на оборотной стороне моливдовула. Печать отполирована в этой части, из-за чего повреждены конечная левая часть аверса и соответственно – конечная правая часть реверса; некоторые из букв частично или полностью стерты. Размеры моливдовула: диаметр – 26,5 (24) мм, толщина заготовки – 1,5 (1) мм; вес – 9,23 г.

Печать найдена среди смешанного археологического материала (с преобладанием фрагментов керамики), датирующегося в основном XI–XIII вв.

---

¹ Раскопки проведены под руководством археолога доцента д-р Деяна Рабовянова, а моливдовул предоставлен доценту д-р Николаю Къневу для расшифровки и датировки.

В данном археологическом контексте моливдовул, скорее всего, оказался случайно, возможно, в результате более позднего вторичного использования, так как его возраст гораздо старше среды его местонахождения.

На лицевой стороне печати расположена крестообразная инвокативная монограмма типа XLVI по классификации Г. Закоса [Zacos, Veglery 1972: pl. 258, XLVI], содержащая инвокативное обращение к Богородице. В четырех углах монограммы тетраграмма: $\cdot\omega - \text{C}\omega \mid \cdot\delta - \Lambda\omega - [\tau]\tilde{\omega} \tilde{\sigma}\tilde{\omega} [\delta]\omicron\acute{\upsilon}\lambda\omega$.

Местами видны следы точечного ободка, обрамлявшего монограмму, содержащую инвокацию – Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῶ δούλῳ.

На оборотной стороне печати расположена четырехстрочная надпись, украшенная сверху небольшим крестиком между двух процветий; легенду также обрамляет частично сохранившийся точечный ободок:

$\times + \times$
 +ΑΧΗ
 .ΛΕΩΤΟΠ
 ΟΤΣΤΟΝΑ
 ΡΙΘΜΣ

Αχι
 [λ]λε(ι)ω τοπ
 οτ(ηρητη̃) τοῦ Ἀ
 ριθμ(οῦ)

Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Ἀχιλλεῖω τοποτηρητῆ τοῦ Ἀριθμοῦ –
 Богородица, помоги твоему рабу Ахилию, топотириту арифмоса.

По стилистическим характеристикам моливдовул относится к хронологическому интервалу от начала VIII до начала IX вв. Аналогичный экземпляр печати известен в коллекции Г. Закоса [Zacos, Veglery 1972: 972, nr. 1690, pl. 122, 1690].

Судя по всему, оба экземпляра оттиснуты одним и тем же буллотирем. Г. Закос датирует свой экземпляр первой половиной VIII в. и расшифровывает имя его владельца как Ахилий [Zacos, Veglery 1972: 972, nr. 1690]. Хорошая сохранность болгарского моливдовула, в частности, третьей литеры на второй строке легенды реверса, позволяет уточнить форму записи имени владельца буллы. На самом деле его имя написано не Ἀχιλλίος, как его передавал издатель, а в форме Ἀχιλλεῖος.

Как видно из легенды печати, Ахилий представлен в должности топотирита арифмоса, т.е. он офицер, имевший высокий воинский чин в одном из дворцовых гвардейских корпусов в составе столичной тагмы, который был обозначен термином арифмос (Ἀριθμός) и на который в период с VIII по начало XI вв., были

возложены функции охраны василевса, императорского дворца и закрытой части столичного ипподрома [Oikonomidès 1976: 143].

Арифмос находился под командованием *друнгария виглы* (который по этой причине назывался также и *друнгарием арифмоса*), а его заместителем и первым офицером является именно *топотирит арифмоса* [Guilland 1967: 563–564; Oikonomidès 1972: 331–332], кем и был владделец рассматриваемой здесь печати – Ахилий.

Обращает на себя внимание то, что в легенде моливдовула Ахилий указал только свой военный чин, без упоминания почетного титула. Возможно, его у него и не было. Хотя по иерархическому статусу военный пост, который он занимал в качестве гвардейского офицера и первого помощника друнгария виглы, предполагал, по крайней мере, чин императорского спафария.

К сожалению, сегодня невозможно установить по какой причине попало на болгарские земли послание топотирита арифмоса Ахилия, скреплённое печатью высокопоставленного офицера одной из элитных гвардейских частей Константинополя. Возможно, его корреспонденция была связана с какой-нибудь из военных кампаний императоров Константина V Копронима (741–775) или Константина VI (780–797), направленных против болгарского государства, или же – что тоже вероятно – с поездкой в 784 г. во Фракию регентши – императрицы-матери Ирины, пребывавшей некоторое время в городе Верей/Вероя (Боруй), который в её честь был назван Иринополисом и располагался поблизости от места находки печати. Но, в то же время, нельзя полностью исключить и вероятность того, что моливдовул попал в нынешние южноболгарские земли во время болгаро-византийского конфликта в начале IX в.

С учетом более поздней датировки археологического контекста, содержавшего моливдовул топотирита арифмоса Ахилия, в сравнении с его датировкой (VIII в., но не позже первой половины IX в.), а также наличие явных следов его вторичного использования в качестве медальона (?), следует констатировать, что данный сфрагистический памятник, скорее всего, попал в селище и крепость возле нынешней деревни Бузовград намного позже периода его существования в качестве печати и поэтому не может быть использован в качестве доказательства датировки, существования и функционирования крепости Бузово кале в соответствующий период.

Библиография

GUILLAND R. Recherches sur les institutions byzantines. – Berlin; Amsterdam, 1967. Vol. I.

OIKONOMIDES N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. – Paris, 1972.

OIKONOMIDES N. L'évolution de l'organisation administrative de l'empire byzantin au XIe siècle (1025–1118) // Travaux et Mémoires. – Paris, 1976. Vol. VI. P. 126–152.

ZACOS G., VEGLERY A. Byzantine lead seals. – Basel, 1972. Vol. I. Part 1–3.

Рис. 1. Моливдовул Ахилия, топотирита *арифмоса* из крепости Бузово кале (VIII – начало IX вв.).

А.Ю. МАНАЕВ

Таврическая академия
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

Н.П. ТУРОВА

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСАДЕ КРЕПОСТИ ГОРЗУВИТЫ В 2017 Г.¹

Район Гурзуфа является одним из крупных средневековых центров Крыма. Выгодное географическое положение, удобная гавань, обилие источников пресной воды предопределило активное развитие региона. Это подтверждают многочисленные письменные источники, которые указывают здесь на наличие достаточно крупного населенного пункта в VI–XV вв. В частности, на скале Дженевет-Кая локализуют крепость Горзувиты, упоминаемую в трактате «О постройках» Прокопия Кесарийского. Информация письменных источников подтверждается и данными археологии: в ближайшей округе Гурзуфа выявлены разнообразные памятники: некрополи, храмы, поселения [Репников 1906; 1907; Яacobсон 1954; Домбровский 1974; Тесленко, Лысенко, Майко, Семин 2017; Мастыкова 2018]. В то же время последняя группа памятников в регионе изучена слабо. Многие поселения были разрушены в ходе строительной деятельности при возведении корпусов «Артека», однако, даже исследования известных объектов носили эпизодический характер, материалы раскопок опубликованы неполностью.

---

¹ Авторы выражают благодарность В.В. Дорошко (ГИАМЗ «Херсонес Таврический») за возможность публикации материала и В.Е. Науменко (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского) за консультации по атрибуции керамического комплекса.

В этой связи большой интерес представляют результаты раскопок на территории МДЦ «Артек» поселения XIV–XV вв. на склонах Аю-Дага [Тесленко, Лысенко, Майко, Семин 2017].

Проблемным остается вопрос локализации и исследований поселенческих структур VI–XI вв., которые четко не выявлены, хотя материал этого времени и фиксируется на различных объектах [Домбровский 1974: 12, 13]. Разведками в середине XX в. выявлено поселение VI–XV вв., которое связывалось с посадом Горзувит. В 1951 г. был исследован храм и прилегающий к нему некрополь [Якобсон 1954: 110–114]. В 1967 г. памятник повторно обследован Южнобережным отрядом Отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР. При составлении паспорта на данное поселение отмечено, что оно разрушено при строительстве посёлка Гурзуф [Баранов 1977]. В 2016 г. разведки на данном участке проводила экспедиция Института археологии Крыма РАН, в ходе которых были определены места раскопок 1951 г. и заложены новые шурфы. Исследования позволили выявить слои с переотложенным материалом VIII–X и XIII–XV вв. На основании разведок в 2017 г. в ходе строительства лагеря «Солнечный» МДЦ «Артек» были проведены спасательные раскопки, в результате которых был доследован храм, уточнена его хронология (время его возведения следует относить к XIII в.), раскопана часть некрополя и поселения [Мастыкова 2018].

Исследования крепости Горзувиты проходили в 1956–1966 гг., в ходе которых были выявлены разновременные строительные остатки, однако, вне стен цитадели исследования практически не велись, хотя на схеме стратиграфии указаны развалы построек VIII–X вв. [Домбровский 1974: 12].

Таким образом, несмотря на многочисленные упоминания о раннесредневековом поселении на посаде Горзувит, и связанных с ним рядом культовых сооружений, стратифицированные горизонты его изучены очень слабо.

В этой связи интересно рассмотреть результаты археологических исследований, которые проводились в 2016–2017 гг. на территории лагеря «Кипарисный» МДЦ «Артек» в Гурзуфе. На первом этапе были проведены археологические разведки на фактической площади около 3 га. Территория обследования занимала южный склон возвышенности, ограниченной с востока р. Хоста, а с запада – отрогами скалы Дженеvez-Кая.

Овраг, спускающийся к речке Хоста, в топонимическом словаре И. Белянского называется Азис-Дере. Н.И. Репников приводит топонимы «Мертвая долина», а также «Долина крови» и «Черкес-дере» [Репников 1906: 1]. Вероятно, это связано с наличием на склонах холма мусульманского некрополя, который фиксируется на картах и фото начала XX в.

В ходе исследований было заложено 10 разведочных шурфов, при этом во всех было зафиксировано наличие культурного слоя мощностью в среднем 0,4–0,7 м. Массовый археологический материал представлен фрагментами строительной, столовой и тарной керамики. Из последних выделим находки красноглиняных амфор с яйцевидным корпусом, украшенным в верхней части зонами концентрических окружностей (класс 24), а также коричневоглиняных высокогорлых кувшинов (класс 41) [Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 50–52, 63–66]. Кроме того, в ходе осмотра участка, где проводился демонтаж современного дорожного покрытия, найден фрагмент медной пряжки типа «Сиракузы» VII–VIII вв. В дальнейшем на месте находки пряжки был заложен один из шурфов. Разведки позволили установить наличие мощного культурного слоя средневекового времени, определены зоны максимальной концентрации подъемного материала, разработаны предложения о проведении охранно-спасательных работ перед началом строительства.

В 2017 г. на двух участках общей площадью 0,25 га, выделенных под строительство двух спальных корпусов, были проведены археологические раскопки. Участки исследования расположены на высоте более 20–25 м над уровнем моря, в 100 м от уреза воды, на южных склонах холма, ограниченного с востока руслом р. Хоста, с запада и юга – подпорной стеной. На момент начала раскопок территория исследования была покрыта древесно-кустарниковой растительностью, на поверхности фиксировался немногочисленный подъемный материал. В ходе работ практически на всей площади был выявлен мусульманский некрополь (предположительно XVIII–XIX вв.; всего изучено 130 безинвентарных погребений, зафиксировано одно надгробие XIX в.), который разрушил культурный слой средневекового поселения. Кроме того, территория исследования сильно повреждена современными земляными работами для прокладки различных коммуникаций. Между тем, исследования позволили выявить сохранившиеся участки культурного слоя, а в нижней части холма зафиксированы строительные остатки средневекового времени – разрушенные кладки построек.

На участке исследования стратиграфия представлена преимущественно двумя слоями: 1) дерновый (мощностью 0,05–0,10 м); 2) темно-серый плотный грунт, насыщенный щебнем, мелким и средним камнем, мощностью в среднем от 0,35–0,50 до 1,0 м. Горизонт насыщен фрагментами строительной, тарной, кухонной и столовой керамики. На некоторых квадратах выявлены локальные слои заполнения траншей, ям, предскальные горизонты. Материковая поверхность представлена алевролитно-аргиллитовыми породами, реже – глинами.

Анализ массового археологического материала, в первую очередь, тарной и столовой керамики, позволяет датировать стратифицированные средневековые горизонты периодом VIII/IX – XI вв. Среди тарной керамики подавляющее количество находок представлено фрагментами «причерноморских» амфор: красноглиняных с яйцевидным корпусом, украшенными в верхней части зонами концентрических окружностей (класс 24), красноглиняных желобчатых с невысоким горлом и округлым дном (класс 36), а также коричневоглиняных высокогорлых кувшинов (класс 41) [Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 50–52, 60–61, 63–66]. Класс 24 и 36 в целом можно датировать второй половиной VIII – серединой XI вв., при этом основной период их бытования приходится на IX–X вв. Сосуды класса 41 датируются концом IX – XI вв., наиболее активная фаза использования относится к X – середине XI вв. Среди фрагментов столовой керамики можно выделить кувшины «скалистинского» типа (VI–XI вв.) и горшки с пальцевым вдавлением в месте прилепа ручки (конец VIII – XI вв.) [Науменко 2009: 43, 46, 57, 63, 64].

Особый интерес представляют хозяйственные ямы, изученные на квадрате 6Б участка 1. В засыпи ямы № 1 выявлены фрагменты профильных частей «причерноморских» амфор класса 24 и 36, а также фрагмент ручки горшка с пальцевым вдавлением в месте её прилепа. В засыпи ямы № 2 зафиксирована верхняя часть «причерноморской» желобчатой амфоры (класс 36), два крупных фрагмента коричневоглиняных высокогорлых кувшинов: нижняя и центральная часть тулова с переходом к горлу и верхняя часть горловой части и тулова (Рис. 2,3-4), а также отметим находку здесь венчика белоглиняной поливной миски под зеленой глазурью (группа «Glazed White Ware II» по Дж. Хейсу) (Рис. 1,2; 2,2), датирующейся в целом X–XI вв. Кроме того, на участке 1 выявлена фрагментированная «причерноморская» желобчатая амфора (класс 36) (Рис. 1,1; 2,1), в итоге склеивающаяся в полный археологический профиль, а также зафиксированы три разрушенных пифоса *in situ*.

Из индивидуальных находок следует выделить находку экзагия в засыпи могилы мусульманского некрополя [Манаев, Новиков, Турова, Чореф 2017].

Отметим, что среди керамического материала достаточно часто фиксируются фрагменты стенок светлоглиняных амфор с рифлением корпуса типа «набегающая волна» (класс 12) и амфор с воронкообразным горлом и гребенчатым рифлением в верхней части корпуса (класс 18), верхняя граница бытования которых не выходит за пределы VII в. [Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 29–33, 38–40].

Исследования 2017 г. на территории лагеря «Кипарисный» МДЦ «Артек» позволили выявить участки раннесредневекового поселения (IX–XI вв.). Наличие более раннего материала позволяет предполагать возможность обнаружения слоев, синхронных строительству и функционированию крепости Горзувиты.

Библиография

- БАРАНОВ И.А. Поселение, базилика и могильник // Паспорт памятника истории и культуры. 1.2.3.490–2.12.22. – 1977.
- ДОМБРОВСКИЙ О.И. Средневековые поселения и «исары» крымского южного бережья // Феодалная Таврика. – К., 1974. С. 5–56.
- МАНАЕВ А.Ю., НОВИКОВ С.А., ТУРОВА Н.П., ЧОРЕФ М.М. Византийский развал, найденный на территории Гурзуфа // МАИАСК. – 2017. № 9. С. 138–144.
- МАСТЫКОВА А.В. Средневековый комплекс (поселение, базилика, могильник) в Гурзуфе // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. – М., 2018. Т. 25. С. 186–191.
- НАУМЕНКО В.Е. Амфоры. Высокогорные кувшины с широкими плоскими ручками. Фляги. Столовая посуда // Боспорские исследования. – Симферополь; Керчь, 2009. Supplementum 5: В.Н. Зинько, Л.Ю. Пономарев. Тиритака. Раскоп XXVI. Том. 1. Археологические комплексы VIII–X вв. С. 35–64.
- РЕПНИКОВ Н.И. Некоторые могильники области крымских готв // ИАК. – 1906. Вып. 19. С. 1–80.
- РЕПНИКОВ Н.И. Некоторые могильники области крымских готв. Часть II // ЗООИД. – 1907. Т. XXVII. С. 101–148.
- РОМАНЧУК А.И., САЗАНОВ А.В., СЕДИКОВА Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. – Екатеринбург, 1995.
- ТЕСЛЕНКО И.Б., ЛЫСЕНКО А.В., МАЙКО В.В., СЕМИН С.В. Новое поселение XIV–XV вв. у западного подножья г. Аю-Даг (Южный Крым) // История и археология Крыма. – Симферополь, 2017. Вып. V. С. 242–285.
- ЯКОБСОН А.Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. – М., 1954. Вып. 53. С. 109–120.

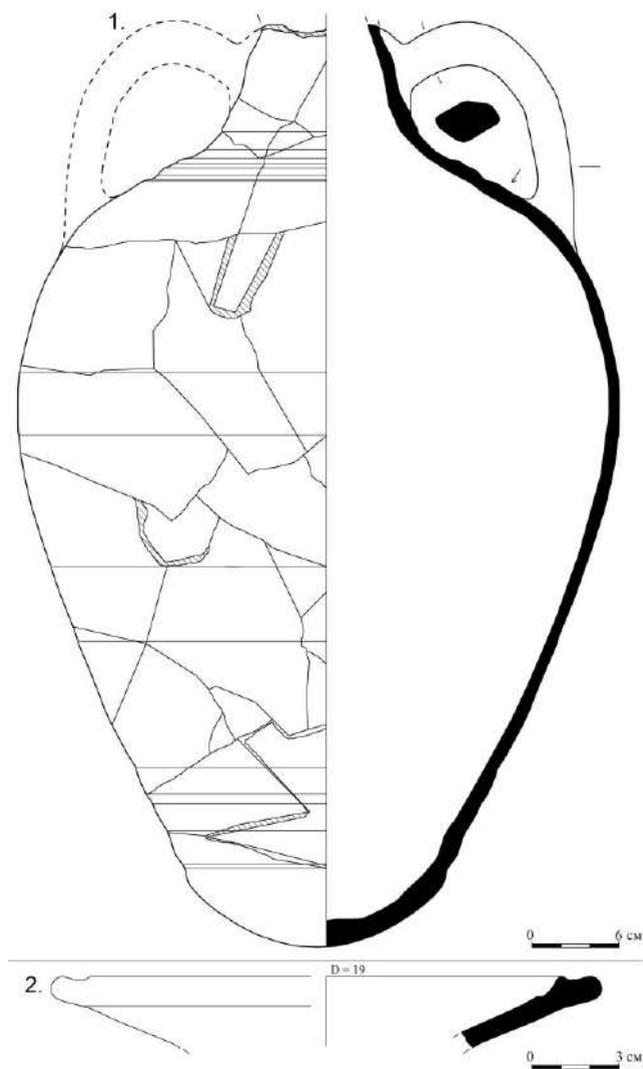

Рис. 1. Гурзуф – 2017. МДЦ «Артек», лагерь «Кипарисный».
 1 – «Причерноморская» амфора тип 36 по ХК-95 (участок 1, кв. 4Г);
 2 – белоглиняная поливная миска группы «Glazed White Ware II»
 (участок 1, кв. 6Б, яма № 2).

Рис. 2. Гурзуф – 2017. МДЦ «Артек», лагерь «Кипарисный». 1 – «Причерноморская» амфора тип 36 по ХК-95 (участок 1, кв. 4Г); 2 – белоглиняная поливная миска группы «Glazed White Ware II» (участок 1, кв. 6Б, яма № 2); 3–4 – коричневоглиняные высокогорлые кувшины типа ХК-41 (участок 1, кв. 6Б, яма № 2).

А.В. МАСТЫКОВА

Институт археологии РАН
(Москва)

ПРЕДМЕТЫ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА ИЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НЕКРОПОЛЯ ГОРЗУВИТЫ

В 2018 г. Гурзуфским отрядом Крымской новостроечной археологической экспедиции были начаты раскопки грунтового могильника, расположенного на территории МДЦ «Артек», в связи со строительством на этом участке лагеря «Солнечный» (пгт. Гурзуф, Ялтинский округ).

Первым исследователем этого памятника был А.Л. Якобсон. В 1951 г. он обнаружил здесь остатки средневекового поселения, храмовую постройку («храм в храме») и к западу от храма – могильник [Якобсон 1951; Якобсон 1954]. На могильнике им было исследовано десять захоронений, все они были безынвентарные.

В ходе работ 2018 г. на могильнике было открыто более 20 грунтовых захоронений как с погребальным инвентарем, так и безынвентарных. По погребальным конструкциям могилы относятся, в основном, к плитовым – перекрыты массивными каменными обработанными плитами; две могилы были перекрыты фрагментами черепицы и пифоса. В целом, погребения имеют подпрямоугольную в плане форму. В тех случаях, когда позиция костяков прослеживается *in situ*, то можно констатировать, что умерших хоронили на спине в вытянутом положении со сложенными на тазу руками, головами на северо-запад, юго-запад или запад.

Среди археологического материала, обнаруженного при исследовании некрополя Горзувиты, особого внимания заслуживают предметы христианского культа – три креста из погребений 7А и 12.

Бронзовый пластинчатый крест с петелькой для подвешивания (погребение 7А) практически равноконечный, с равномерно расширяющимися концами; каждая ветвь украшена циркульным декором (кружками с точкой в центре), а также верхняя ветвь – двумя горизонтальными линиями, нижняя – тремя; в средокрестии – две

перекрещенные линии (Рис. 1,1). Размеры: высота с петелькой – 4,4 см, высота без петельки – 3,7 см, ширина – 2,4 см.

Определение цветного металла дано на основе визуального осмотра предмета; его химический состав в настоящее время изучается.

Два креста такой же формы с циркульным декором на концах и средокрестии, но меньших размеров (2,6 x 1,4; 2,6 x 1,5 см) известны в склепе 335 на Эски-Кермене, они отнесены Э.А. Хайрединовой к типу 3-3, который датируется последней четвертью VI – первой половиной VII вв. [Хайрединова 2007: 163. Рис. 1,23, 26; 7,1-2].

Бронзовый крест с равномерно расширяющимися концами, три луча (один – обломан) и средокрестие украшены концентрическими кругами, был найден в могиле 133 некрополя Судак-II вместе с двустворчатым энколпионом, относящимся к киевской группе, традиционно датирующейся в рамках второй четверти XII в. – первой половины XIII в. [Майко 2007: 57, 136, рис. 83, 8, 9]. Еще один подобный крест обнаружен в могиле 142 этого же некрополя [Майко 2007: 58, рис. 93: 11].

Железный пластинчатый крест (погребение 7А) с равномерно расширяющимися концами, с загнутой, удлиненной и заостренной нижней ветвью, возможно для фиксирования на какой-то деревянной конструкции (Рис. 1,2). Размеры: высота с длинным концом – 7,4 см, высота без него – 6,2 см, ширина – 3,4 см.

Железные кресты, близкие по форме и размеру экземпляру из Горзувит (6,1–7,3 x 2,6–3,0 см), были найдены на горе Пахкал-Кая в Южном Крыму при исследовании раннесредневекового храма IX/X – XIII/XIV вв. [Лысенко, Тесленко, Мусин 2017: 298, 305, рис. 5,3, 4, 6]. Эти кресты происходят из нижней части слоя 2б, что является свидетельством достаточно раннего появления их на памятнике. При раскопках храма на холме Тузлук у с. Семидворье (Алушта), датируемого в рамках первой половины – середины IX – первой половины X вв., также были обнаружены подобные железные кресты [Тесленко, Мусин 2015: 305; Мусин 2015: 191, 192, рис. 5.5, 210].

Серебряный крест (погребение 12) с ровными концами из округлой в сечении проволоки, с гнездом для вставки (утрачена) в средокрестии, петля наполовину отломана (Рис. 1,3). Размеры: высота с петелькой – 3,3 см, высота без петельки – 3,0 см, ширина – 2,9 см. Определение цветного металла и этого экземпляра дано визуально, его химический состав в настоящее время изучается.

Такие кресты по типологии Э.А. Хайрединовой относятся к типу 2 варианту 3 и датируются, согласно предложенной ею хронологии, от второй половины VII в. по IX в. [Хайрединова 2007: 157, рис. 1].

Подобный крест (5,2 x 2,9 см) с круглой стеклянной вставкой в средокрестии известен в склепе 1/1926 г. могильника Узень-Баш в Байдарской долине. Дата этого склепа по пряжкам типа «Эски-Кермен», «Коринф» 2-го подтипа, «Бал-Гота» 4-го подтипа определена второй половиной VIII – IX вв. [Айбабина 1993: 119, рис. II,1, 2, 5, 8]. Интересно отметить, что в этом склепе присутствовал ещё один крест с циркульным декором, но концы его имеют ромбическую форму [Айбабина 1993: рис. II,12]. Но больше всего находок подобных крестов известно в материалах Скалистинского могильника, они найдены в 14 склепах (№№ 204, 222, 241, 247, 364, 371, 388, 391, 416, 478, 552, 561, 641, 771) с погребальным инвентарем от второй половины VII в. по IX в. [Веймарн, Айбабин 1993].

В Юго-Восточном Крыму на городище Тепсень в доме А 1949 г. подобного типа бронзовый крест был найден среди прочих находок второй половины IX – первой половины X вв. [Майко 2004: 60, рис. 140, 5].

Безусловно, список находок таких крестов, приведенный здесь, не является исчерпывающим. Кресты, аналогичные найденным в Горзувитах, хорошо известны на территории Византии и за пределами Крыма. Находки крестов в погребениях некрополя Горзувиты хорошо вписываются в контекст ранневизантийского периода и являются еще одним ярким подтверждением эволюции и хронологии распространения христианства в Крыму.

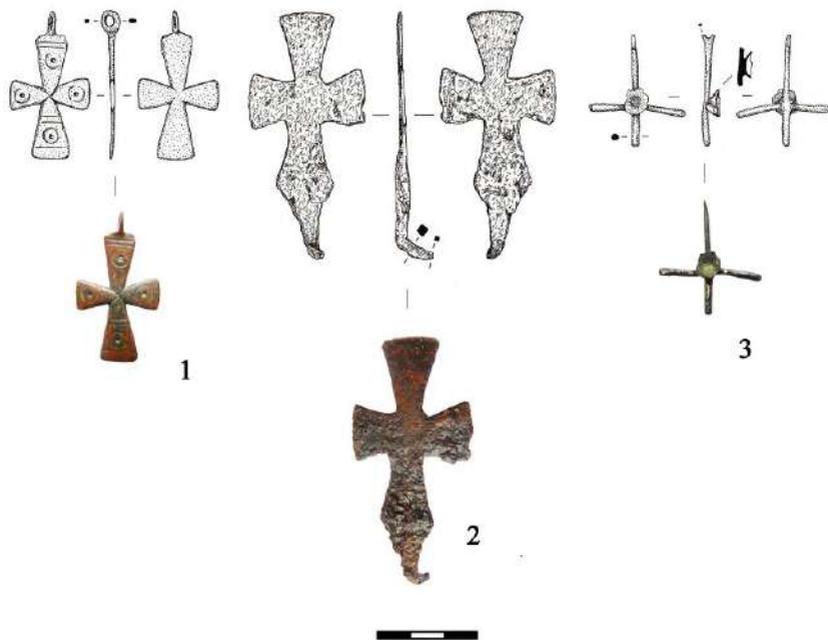
Библиография

- АЙБАБИНА Е.А. Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИЭТ. – Симферополь, 1993. Вып. III. С. 118–120.
- ВЕЙМАРН Е.В., АЙБАБИН А.И. Скалистинский могильник. – Киев, 1993.
- ЛЫСЕНКО А.В., ТЕСЛЕНКО И.Б., МУСИН А.Е. Средневековый христианский храм на горе Пахкал-Кая в Южном Крыму // В камне и бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. – СПб, 2017. С. 291–310.
- МАЙКО В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. – Киев, 2004.
- МАЙКО В.В. Средневековые некрополи Судакской долины. – Киев, 2007.
- МУСИН А.Е. Металлические кресты // Археологический альманах. – Киев, 2015. № 32. Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым). С. 189–218.
- ТЕСЛЕНКО И.Б., МУСИН Е.А. Заключение // Археологический альманах. – Киев, 2015. № 32. Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым). С. 305–312.

ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. – Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 151–182.

ЯКОБСОН А.Л. Отчет об археологической разведке средневекового поселения и могильника Горзувит (бл. Гурзуфа) в 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1. – М., 1951. № 654.

ЯКОБСОН А.Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. – М., 1954. Вып. 5 3. С. 109–120.

Рис. 1. Предметы христианского культа из раннесредневекового некрополя Горзувиты (прорисовки и фотографии):

1. Бронзовый пластинчатый крест с петелькой для подвешивания;
2. Железный пластинчатый крест (Погребение 7А);
3. Серебряный крест (Погребение 12).

В.Е. НАУМЕНКО

Таврическая Академия
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

А.А. ДУШЕНКО

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

**ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ РАСКОПОК
КНЯЖЕСКОГО ДВОРЦА МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА
(предварительный обзор коллекции)¹**

Археологические исследования дворца правителей княжества Феодоро Мангупского городища продолжается уже более 100 лет [подробно об истории изучения памятника см.: Герцен, Науменко 2009].

С 2006 г. дворец является главным объектом раскопок Мангупской археологической экспедиции КФУ им. В.И. Вернадского. За последние годы удалось решить многие вопросы истории этого интереснейшего археологического памятника, в том числе установить его общие размеры и хронологию в пределах 1425–1475 гг., выяснить особенности планировки, стратиграфии и внутренней периодизации [Герцен, Науменко, Душенко 2018]. Одновременно накоплен массив вещественных источников, который постепенно вводится в научный оборот [Герцен, Науменко 2009; Душенко 2015; Науменко, Душенко 2017].

---

¹ Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ «Дворцовый комплекс Мангупского городища – резиденция правителей княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму. Проблемы хронологии, планировки и архитектурной реконструкции памятника» (проект № 19-09-00124). Авторы признательны руководителю Мангупской археологической экспедиции А.Г. Герцену за возможность самостоятельной публикации материалов раскопок памятника.

Ввиду того, что собственно полевая стадия исследований находится уже на завершающем этапе, наиболее важным видом дальнейшего изучения памятника является кропотливая работа по систематизации и точной атрибуции полученных материальных источников. Особое место в ней занимают вещеведческие штудии, то есть детальное изучение отдельных категорий археологических находок – керамики, изделий из стекла, кости, камня, металла так называемой группы «small finds». В публикации представлены предварительные результаты исследований комплекса предметов вооружения из раскопок Мангупского дворца в 2006–2018 гг. Эта категория находок ныне насчитывает несколько сотен артефактов, которые функционально можно разделить на три группы изделий – предметы оружия ближнего и дальнего боя, а также защитное вооружение.

Группа I. Оружие ближнего боя. Самая малочисленная группа находок. По сути, она включает три железных изделия – *бутероль*, оковку нижней части ножен клинкового оружия, возможно, сабли (Рис. 1,1), и два сильно фрагментированных *наконечника копья* (Рис. 1,2-3).

Группа II. Оружие дальнего боя. Наиболее разнообразная группа находок, имеющая отношение к нескольким видам наступательного оружия – луку, арбалету, праще и огнестрельному оружию, находившимся на вооружении как защитников Мангупской крепости на протяжении XIV–XV вв., так и солдат османской армии, осаждавшим ее летом – осенью 1475 г.

К *снаряжению лучника* относятся две категории артефактов – кольца для натягивания тетивы и *наконечники стрел*.

Способ стрельбы с помощью *кольца для натягивания тетивы* с выступом (Рис. 3,1) в литературе часто называют «монгольским» [Волков 2003: 154–156; Webb 1990: 41]. В культурном слое дворца обнаружены два таких кольца, изготовленные из рога животного (Рис. 1,4-5). Ближайшие аналогии им происходят из раскопок Мангупской цитадели [Душенко 2013: 297, рис. 1,6-7], Фуны [Мыц 2009: рис. 349,23] и слоя пожара 1475 г. в крепости Чембало [Адаксина, Кирилко, Мыц 2004: 93, рис. 97,232].

Наконечники стрел составляют наиболее многочисленную группу предметов вооружения из раскопок дворца (всего 161 экз.). Среди них выделяются два типа *наконечников*.

К *типу 1* относятся массивные (длина пера не менее 2,5 см) *наконечники стрел* двух вариантов.

Вариант 1 (55 экз.) – с ромбовидным или листовидным пером, в сечении имеют форму уплощенного ромба (Рис. 1,6-7). Соответствуют типу 1 по классификации В.Л. Руева, разработанной, в основном, на материалах из раскопок укрепления А.XIV Мангупского городища [Руев 2011: 109–126].

Вариант 2 (4 экз.) – срезни с пером, имеющим форму треугольника с заточенной гранью (Рис. 1,8). А.Ф. Медведев относил подобные наконечники к типу 69, распространенному в Восточной Европе на протяжении XIII–XIV вв. [Медведев 1966: 54].

Наконечники стрел **типа 2** имеют меньшие пропорции (длина боевой головки не более 2,0 см) и также делятся на два варианта.

К **варианту 1** (93 экз.) относятся наконечники с ромбовидной в сечении головкой и округлой шейкой, которая отделяет наконечник стрелы от ее черешка (Рис. 1,9).

К **варианту 2** (9 экз.) принадлежат наконечники с боевой головкой конусообразной или пирамидальной формы (Рис. 1,10). Перечисленные варианты наконечников стрел типа 2 соответствуют типам 2 и 3 по классификации того же В.Л. Руева и атрибутируются, как находившиеся на вооружении Османской армии, начиная с конца XV в. [Руев 2011: 111, 112]. Для Мангупа они являются, безусловно, материальными свидетельствами османской осады крепости в 1475 г.

Детали **арбалета** из раскопок Мангупского дворца представлены двумя категориями изделий – составными частями его пускового механизма и наконечниками арбалетных болтов.

Деталими **пускового механизма арбалета** (так называемыми «орехами») являются изготовленные из рога предметы уплощенно-цилиндрической формы, снабженные вырезами под тетиву и укладку болта, а также сквозным отверстием для крепления на ось вращения (Рис. 1,11-12). Они использовались в арбалетах с коленчато-рычажном спуском (Рис. 3,2) [Семина 2002: 218]. Аналогии мангупским находкам обнаружены в ходе раскопок Сугдеи [Семина 2002: 217], Фуны [Мыц 2009: рис. 349, 6] и Чембало [Адаксина, Кирилко, Мыц 2004: 83, рис. 87, 167].

Наконечники арбалетных болтов (всего 12 экз.) представлены однотипными изделиями, состоящими из втулки усечено-конической формы и пирамидальной трехгранной боевой головки (Рис. 1,13-14). Такие наконечники известны по раскопкам многих крепостей средневековой Таврики [Семина 2002: 213-217, рис. 1; Дьячков 2011: 211].

Использование *пращи* во время осады 1475 г. на Мангупе подтверждается находками снарядов этого вида метательного оружия (всего 22 экз.). Все они изготовлены из известняка и имеют сферическую форму с грубо обработанной поверхностью (средний диаметр около 2,5 см) (Рис. 1,15). Находки средневековых каменных снарядов для пращи известны как на территории Крыма [Дьячков 2011: 208], так и за его пределами [Рабовянов 2009: 261–269]. Каменные снаряды малого калибра (весом 11–15 г и диаметром 22–27 мм) могли использоваться в качестве боеприпасов для гладкоствольного огнестрельного оружия [Дьячков 2011: 208].

Материальными свидетельствами применения турецкой армией во время осады Мангупа в 1475 г. *огнестрельного оружия* являются находки *литых свинцовых пуль* сферической формы и среднего калибром в пределах 12–13 мм (всего 72 экз.) (Рис. 1,16). Некоторые из них имеют следы деформации от удара о твердую поверхность. Такие боеприпасы использовались подразделениями тюфекчибаши (стрелков из мушкетов), входивших в состав османской армии [Герцен, Руев 2008: 395].

Группа III. Защитное вооружение. Данная категория археологических находок включает, прежде всего, два вида воинского доспеха – кольчужного и пластинчатого.

Отдельные фрагменты *кольчужного доспеха*, сплетенного из железных проволочных колец, обнаружены в ходе исследований в южной части дворцового комплекса (Рис. 2,5-6). Диаметр колец колеблется в пределах 6–9 мм, диаметр проволоки составляет около 1 мм. Кольчужный доспех на территории Евразии, как известно, использовался в течение долгого времени, начиная с середины I тысячелетия до н.э. и вплоть до Нового времени [Petrov, Manojlović, Trpcevska 2015: 671–573].

Детали *пластинчатого доспеха* представлены находками железных пластин прямоугольной формы, толщиной 1–2 мм, с остатками медных и железных заклепок (Рис. 2,2-4). Подобные пластины крепились к тканевой основе с помощью заклепок, образуя достаточно прочный и гибкий доспех (Рис. 3,7). Аналогии им известны среди материалов раскопок многих средневековых крепостей Крыма [Мыц 2009: рис. 145,14-17, 22-23; 361,8-11; 362,11]. В Чембало найдены фрагменты пластинчатой бригадины второй половины XV в., принадлежавшей, по мнению С.В. Дьячкова, генуэзскому арбалетчику [Дьячков 2010: 273–289].

Уникальной для Крыма является находка *сабатона* – части доспеха, защищавшей стопу (Рис. 2,1). Предмет сделан из узких, дуговидных в сечении пластин, имеющих отверстия для крепления к обуви. Толщина металла составляет 1–1,5 мм. Морфологически такие саботоны входили в состав западноевропейского рыцарского доспеха второй половины XIV – первой половины XVI вв. (Рис. 3,3-6) [Блэр 2008: 240–243, рис. 156, 176, 178, 179]. Безусловно, подобный доспех не мог принадлежать рядовому воину. Его обладатель имел высокий социальный статус.

В целом, даже краткий обзор результатов анализа коллекции предметов вооружения из раскопок Мангупского дворца показывает широкие возможности для получения важной дополнительной информации по военно-политической и социальной истории городища. При этом речь идёт не только о хорошо известных событиях османской осады 1475 г. Детальное изучение отдельных находок этой категории позволяет также произвести реконструкцию организации и военного оснащения гарнизона крепости в феодоритский и раннеосманский периоды истории Мангупа.

Библиография

- АДАКСИНА С.Б., КИРИЛКО В.П., МЫЦ В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 г. – СПб.; Симферополь, 2004.
- БЛЭР К. Рыцарские доспехи Европы. Универсальный обзор музейных коллекций. – М., 2008.
- ВОЛКОВ И.В. О происхождении «монгольского» способа стрельбы из лука // МИАСК. – Армавир, 2003. Вып. 2. С. 154–156.
- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // ТГЭ. – СПб., 2009. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. С. 387–419.
- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е., ДУШЕНКО А.А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) // X Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Материалы конференции. – Севастополь, 2018. С. 53–58.
- ГЕРЦЕН А.Г., РУЕВ В.Л. Свинцовые пули из раскопок Мангупа // МАИЭТ. – Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 385–416.
- ДУШЕНКО А.А. Детали вооружения из кости и рога из раскопок Мангупа // Древности. – Харьков, 2013. Вып. 12. С. 292–303.
- ДУШЕНКО А.А. Предметы из кости и рога из раскопок дворца правителей Феодоро // МАИЭТ. – Симферополь, 2015. Вып. XX. С. 233–262.
- ДЬЯЧКОВ С.В. Бригандина арбалетчика из Чембало // Древности. – Харьков, 2010. Вып. 9. С. 273–289.
- ДЬЯЧКОВ С.В. О метательном оружии гарнизона генуэзской крепости Чембало (XIV–XV вв.) // Древности. – Харьков, 2011. Вып. 10. С. 206–226.
- МЕДВЕДЕВ А. Ф. Ручное метательное оружие VIII–XIV вв. Лук и стрелы, самострел // САИ. – М., 1966. Вып. Е 1-36.
- МЫЦ В.Л. Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. – Симферополь, 2009.
- НАУМЕНКО В.Е., ДУШЕНКО А.А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р.Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. – Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 187–238.
- РАБОВЯНОВ Д. За употребата на прашката като оръжие в средновековна България // LAUREA. In honorem Margaritae Vaklinova. – София, 2009. Кн. II. С. 261–269.
- РУЕВ В.Л. Наконечники османских стрел по результатам исследования укрепления № 14 Главной линии обороны Мангупа в 2007 г. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. – Симферополь, 2011. Т. 24 (63). № 1. С. 109–126.

СЕМИН С. Средневековое вооружение Крыма второй половины XIII – XV вв. Арбалет (по материалам археологических раскопок) // Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV–XV в. – Варна, 2002. С. 213–220.

PETROV O., MANOJLOVIC R., TRPCEVSKA J. Mail from Treskavec: Contribution to the Study of Medieval Mail Armour // Folia Archaeologica Balkanica. – Skopje, 2015. Vol. III. P. 569–584.

RABOVYANOV D., NAYDENOV V. Late Medieval Coat of Plates from the Lower Danube Fortress of Nikopol // Archaeologica Bulgarica. – Sofia, 2013. Vol. XVII (2). P. 1–16.

WEBB A. Archeology of Archery. – Chesham, 1990.

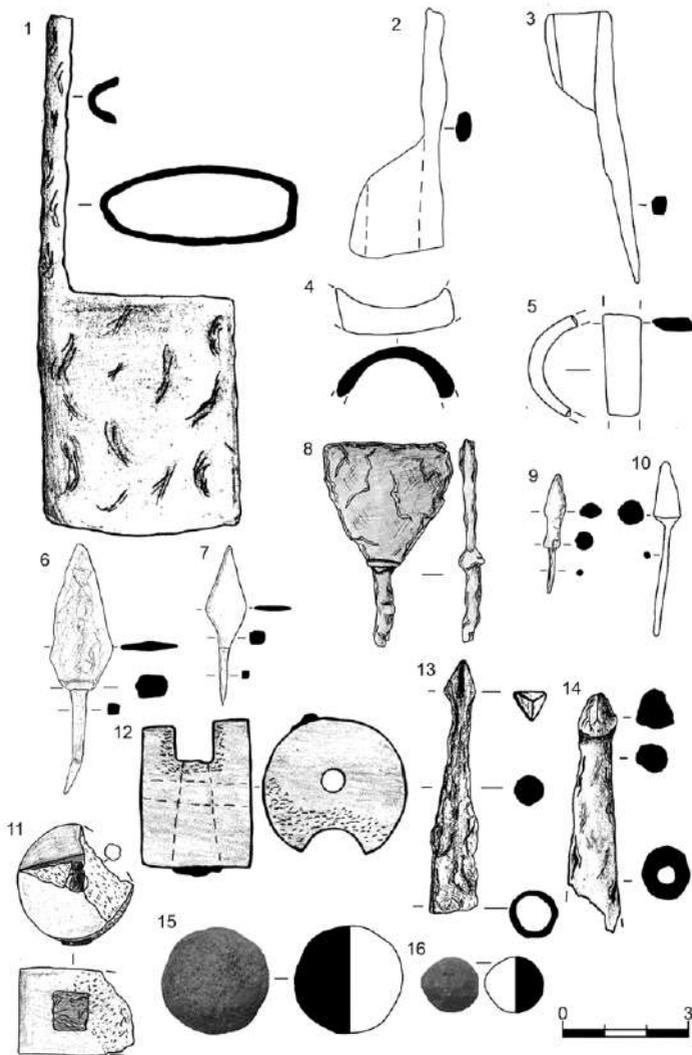

Рис. 1. Детали оружия ближнего и дальнего боя:
 1 – бутероль; 2–3 – наконечники копий; 4–5 – кольца для стрельбы
 из лука; 6–10 – наконечники стрел; 11–12 – арбалетные орехи;
 13–14 – наконечники болтов; 15 – снаряд для пращи; 16 – пуля.

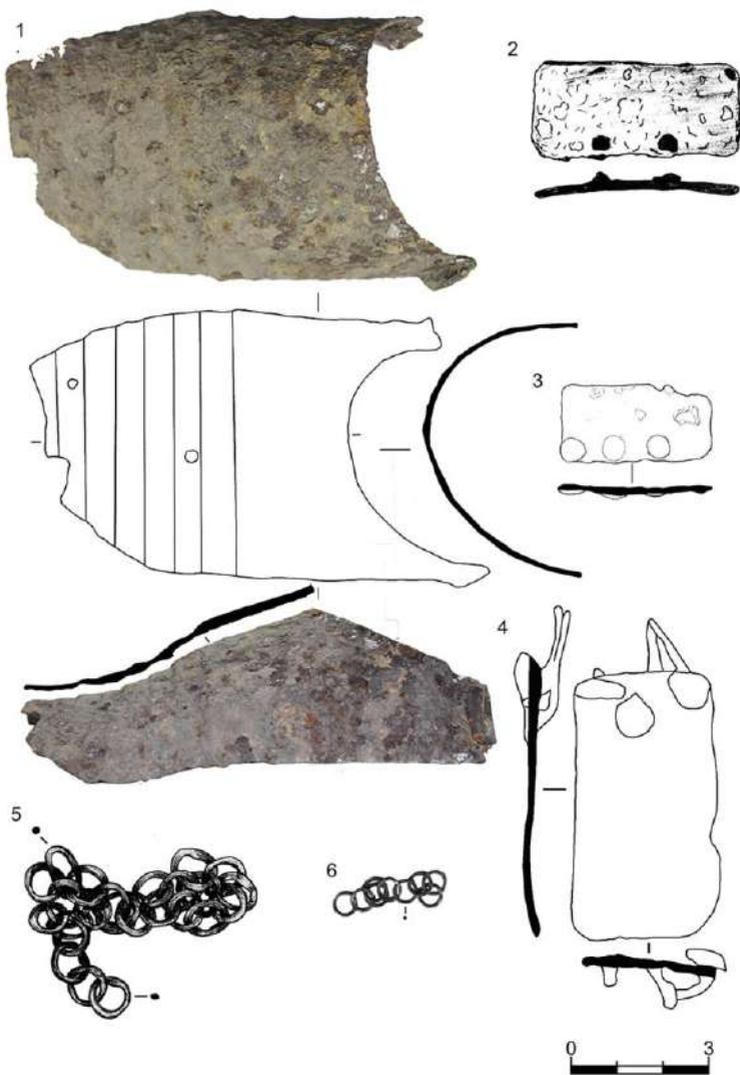

Рис. 2. Детали защитного вооружения:
 1 – саботон; 2–4 – доспешные пластины;
 5–6 – фрагменты кольчужного доспеха.

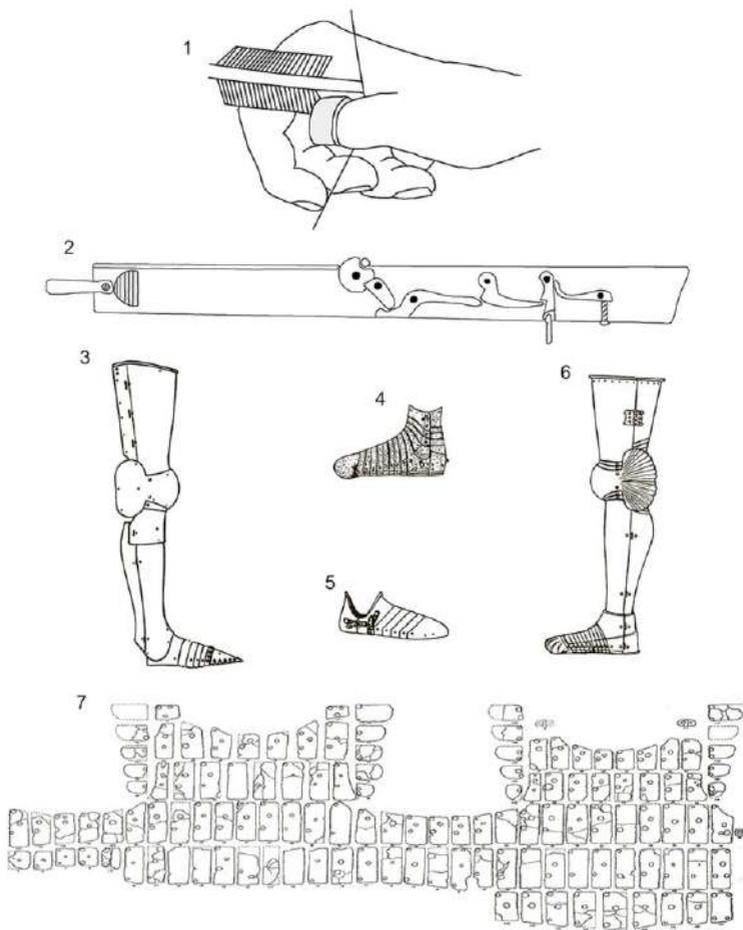

Рис. 3. Исторические реконструкции:

- 1 – реконструкция «монгольского» способа стрельбы из лука
[по: Webb 1990: fig. 15c];
- 2 – реконструкция спускового механизма арбалета
[по: Медведев 1966: рис. 5, 2];
- 3–6 – западноевропейские ножные латы и сабоны
[по: Блэр 2008: рис. 156, 176, 178, 179];
- 7 – схема крепления составных частей пластинчатого доспеха
[по: Rabovyanov, Naydenov 2013: fig. 8].

О.В. ОШАРИНА

Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)

**КТО СТОИТ МЕЖДУ ЛЬВАМИ?:
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗОВ СВЯТЫХ НА ЕВЛОГИЯХ ИЗ ЕГИПТА**

Одной из предпосылок быстрой христианизации Египта стал культурный вакуум. Когда вокруг христиане видят развалины древних храмов, когда приходят в упадок большие греческие хозяйства, последние оплоты античной культуры – тогда приходит время мыслей о бренности мира и о спасении души. По мнению Ф.Ф. Зелинского, христианская религия одержала победу, потому что «она была лучшим средством к обретению душевного мира и к спасению» [Зелинский 1910: 88]. Всеобщее Воскресение рассматривалось Отцами восточной церкви в прямой связи с учением об обожении (Θεώσις): когда души людей соединятся с Богом, их тела воскреснут и соединятся со своими душами. Обожение человека может начаться еще в его земной жизни, это – путь мучеников, или – уход в монашество. Важную роль образы святых, монахов и мучеников играли в повседневной жизни египетских христиан. К ним обращались при изготовлении магических предметов и лекарств, их имена писали в проемах дверей для отвращения сил зла, использовали эти образы в качестве апотропея на медальонах, амулетах, различных евлогиях и одежде. При этом, как известно, не всегда возможно определить, чье же изображение представлено на памятнике. Эту задачу мы попытались решить на примере фрагмента рельефа с изображением ступней ног и двух фигурок львов по сторонам, хранящегося в коптской коллекции Эрмитажа (Рис. 1). Памятник был опубликован А.Я. Каковкиным как сцена «Даниил во рву львином» [Христиане ... 1998: 149, № 189]. Анализируя стиль и технику рельефа, Александр Яковлевич отнес его к достаточно раннему времени – V в. В свое время я приняла эту атрибуцию, однако, по мере вхождения в коптский материал, заметила, что, за исключением катакомбной живописи, где Даниил изображался обнаженным, на всех памятниках ноги пророка обуты либо в сандалии, либо в высокие сапожки или туфли с узкими носами.

Что касается самой фигуры святого, то она обычно передана в позе контрапоста с перенесением тяжести тела на одну ногу и отведенной в сторону другой, как в так называемом эллинистическом типе (в короткой тунике и плаще, скрепленном на плече фибулой или повязанный узлом) [Ägypten ... 1996: 104, 105, Nr. 49], и легком контрапосте в сирийском типе (в длинной тунике, чаще с бородой). На фрагменте эрмитажного рельефа мы наблюдаем равномерное распределение тяжести тела на обе ноги. Наконец, третий важный момент — это фигуры львов, которые выглядят в данном случае как припавшие к ногам святого, а их небольшие, с округлыми формами, пластично исполненные изображения совсем не напоминают тех грозных стражей, которые служат аллегорическим обозначением сил ада. Если мы обратимся к ранним композициям со св. Даниилом, то есть к тому же времени, к которому относится и наш рельеф, то заметим, что львы обычно размещаются по сторонам от пророка, а сама сцена призвана выражать идею спасения молитвами от темных сил ада, представленных в виде страшных львов огромного размера как, например, на деревянном гребне V в. [Effenberger 1975: 98, Taf. 85] и фрагменте консоли из Бауита VI в. [Ägypten ... 1996: 134, Nr. 92] из Музея Скульптуры и Византийского искусства в Берлине. В более поздний период Даниил, напротив, демонстрирует собой идею триумфа Христа и изображается в изящной позе с припавшими к его ногам львами (золотой медальон XI в., коллекция Дамбартен Оакс) [Majeska 1974: 366, pl. A – C].

Обратимся к образам, которым на территории Египта могли сопутствовать львы. Это, прежде всего, св. равноапостольная Фёкла. В коллекции Эрмитажа есть два памятника со св. Фёклой: детская туника и ручка бронзового светильника. На тканом медальоне представлена плохо сохранившаяся композиция с изображением женщины с вытянутой вперед правой рукой, львом и фигуркой ангела с венком, изданная А.Я. Каковкиным [Каковкин 2004: 89, № 173]. Атрибуция ручки бронзового светильника с погрудным изображением св. Фёклы и лежащей львицы в свое время была сделана В.Н. Залесской [Залесская 1979: 52]. В других коллекциях представлены ещё несколько памятников с этой святой. В первую очередь, это восьмигранный вращающийся щиток золотого перстня VII в. из музея Бенаки (Афины), на котором представлено изображение св. Фёклы в длинном хитоне и ангела с оборотной стороны [Age ... 1978: 326, 327, nr. 305] и рельеф IX в. из Бруклинского музея, на котором святая показана по пояс обнаженной [Pagan and Christianity ... 1941: 27, nr. 59],

что подчеркивает её беззащитность за счёт передачи нежного тела и страшных клыков диких животных, готовых разорвать святую. Однако изображение креста над её головой и вьющегося по сторонам растения словно укрывают св. Фёклу от всех сил зла. Совсем другое впечатление вызывает медальон из известняка, происходящий из Египта (теперь находится в музее Нельсона Аткинса), на котором святая показана со связанными за спиной руками в длинном подпоясанном хитоне со складками, пересекающимися на груди [Age ... 1978: 574, 575, nr. 513]. По сторонам Фёклы геральдически расположенные фигуры львов и ангелов. Эта композиция скорее изображает Фёклу – победительницу, как называли её раннехристианские авторы и богословы. Возможно, этот медальон представлял собой евлогию из мест почитания святой. Также к евлогиям относится и ампула из центра Абу Мины, посвящённая святому Мине, на одной стороне которой показана фигура святой в окружении двух быков и льва, а на другой – изображение св. Мины с верблюдами [Ägypten ... 1996: 165, Nr. 142a-b]. Особый интерес представляет ампула из Лувра, на одной стороне которой изображение фигуры святой в окружении льва и неизвестного животного с круговой надписью на греческом – Η ΑΓΙΑ ΤΕΚΛΑ, а на другой – орант, по-видимому, св. Мина [Age ... 1978: 576, 577, nr. 516]. Немногочисленные дошедшие до нас памятники позволяют говорить о том, что было несколько иконографических типов изображения св. Фёклы, наиболее известный – это святая со связанными за спиной руками в длинном подпоясанном хитоне с фигурами львов по сторонам. Этот тип явно следует образцам с пророком Даниилом и св. Миной, культы которых получили в Египте самое широкое распространение, в то время как почитание св. Фёклы пришло из Сирии.

Апокриф «Деяния апостола Павла и св. Фёклы» был переведён на коптский язык только в V в. [Каковкин 1999: 48]. Однако рост женских монастырей и принятие преподобной Синклитикой Александрийской, начальницей пустынного общежития для дев и женщин, образа жизни равноапостольной Фёклы, несомненно, способствовало распространению её почитания. Практика помещения образа Фёклы на евлогиях из святилища св. Мины, вероятно, связана как с удивительно схожими судьбами этих мучеников, так и даром чудесного целительства, которым обладала святая. В V в. епископ Василий Селевкийский составляет список чудес, совершенных равноапостольной Фёклой, причём записывает их только со слов живых очевидцев [Коробейникова 2002: 366]. В частности, это было чудо исцеления от слепоты, поразившей целый город Селевкию.

Исцеление, в особенности, от глазных болезней, всегда волновало египтян в связи со столь опасными для глаз песчаными бурями. На привлечение в монастырский комплекс св. Мины не только паломников, но и паломниц, по нашему мнению, указывает мраморный рельеф с изображением св. Мины и мужской и женской фигурами по сторонам, представляющих собой почитателей его культа [Ägypten ... 1996: 106, 107, Nr. 52]. Именно изображение св. Мины позволяет нам сузить круг наших поисков. Единственное изображение из известных нам, где святой представлен босым, это икона из Лувра с образом Христа и св. Мины [L'Art Copte ... 1999: 108, 72], что и отсылает нас к композициям со святыми, иконным и фресковым образам, у которых отсутствует контрапост и есть сопутствующие львы. Это изображение святых отцов Антония и первого египетского пустынноика Павла Фивейского. Сохранились только поздние изображения последнего: икона 1493 г. из монастыря св. Меркурия, хранящаяся теперь в Коптском музее [Gabra 2014: 36, fig. 3,1], роспись пещерной церкви монастыря св. Павла XVIII в. и рукопись XIX в. из монастырской библиотеки [The Cave Church ... 2007: XIII, 266, fig. 2, 12,44]. Житие Павла Фивейского стало известно благодаря ученикам св. Антония и было записано Иеронимом Стридонским, рассказавшим о последних днях жизни святого, могилу которому вырыли посланные Спасителем львы.

Библиография

- ЗАЛЕССКАЯ В.Н. Об одной группе коптских светильников V века // СГЭ. – Л., 1979. Т. XLIV. С. 51–53.
- ЗЕЛИНСКИЙ Ф.Ф. Соперники христианства. Из жизни идей. – СПб., 1910. Т. III.
- КАКОВКИН А.Я. Образ святой Фёклы в коптском искусстве // Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. – СПб., 1999. С. 48–51.
- КАКОВКИН А. Я. Коптский тканый медальон с изображением мученичества св. Фёклы // ВВ. – М., 1981. Т. 42. С. 139–143.
- КОРОБЕЙНИКОВА Л.Н. «Житие Фёклы» в составе Миней-Четий митрополита Макария: к вопросу об апостольской тематике памятника // Макариевские чтения. – М., 2002. Вып. 9. С. 366–379.
- КАКОВКИН А.Я. Сокровища коптских пустынников. Каталог выставки. – СПб., 2004.
- Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. Каталог выставки. – Л., 1998.
- Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art. Third to Seventh Century. Catalogue of the Exhibition at the Metropolitan Museum of Art, November 19, 1978. – New-York, 1979.
- Ägypten Schätze aus dem Wüstensand. Kunst und Kultur der Christen am Nil. – Wiesbaden, 1996.
- L'Art Copte en Égypte 2000 ans de christianisme Exposition présentée à L'Institut du monde arabe. – Paris, 2000.
- The Cave Church of Paul the Hermit at the Monastery of St. Paul Egypt. / ed. Lyster W. – New Haven; London, 2007.
- EFFENBERGER A. Koptische Kunst. Ägypten in spätantiker, byzantinischer und frühislamischer Zeit. – Leipzig, 1975.
- GABRA G. Coptic civilization. Two thousand years of Christianity in Egypt. – Cairo; New York, 2014.
- MAJESKA G. A Medallion of the Prophet Daniel in the Dumbarton Oaks Collection // DOP. – Washington, 1974. Vol. 28. P. 361–366.
- Pagan and Christian Egypt. Egyptian Art from the First to the Tenth Century A.D. Exhibited at the Brooklyn Museum by the Department of Ancient Art January 23 – March 9 1941. – Brooklyn, 1941.

Рис. 1. Фрагмент рельефа с изображением ступней ног
и двух фигурок львов по сторонам
из коллекции Государственного Эрмитажа
(ДВ-11151).

А.А. РОМЕНСКИЙ

Государственный музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

**БОЛЕСЛАВ ХРАБРЫЙ,
СВЯТОПОЛК ОКАЯННЫЙ И ВИЗАНТИЯ:
НЕСКОЛЬКО КОММЕНТАРИЕВ
К «ХРОНИКЕ» ТИТМАРА МЕРЗЕБУРГСКОГО**

Краткое княжение Святополка, получившего в исторической памяти прозвище Окаянный и нелестное реноме убийцы, очень скудно освещено в источниках. Составители древнерусских летописных сводов и житий интересовались по преимуществу историей мученической гибели его братьев Бориса и Глеба, первых святых из рода Рюриковичей, и убоицей с Ярославом, фигурирующим в роли справедливого мстителя. В таких условиях ключевым источником становится «Хроника» епископа Мерзебурга Титмара, непосредственного современника событий, одним из информаторов которого, как признаётся, был некий саксонский участник похода Болеслава Храброго на Киев в 1018 г. [Мусин 2016: 166]. Несмотря на то, что источник давно изучается и комментируется в научной литературе, многие сообщаемые Титмаром факты не получили однозначной интерпретации и вызывают полемику. Постараемся переосмыслить информацию Титмара о событиях лета 1018 г.

Внимание саксонского хрониста сфокусировано на польском князе Болеславе Храбром — одном из главных отрицательных персонажей «Хроники». Болеслав — явно ведущий в «тандеме» со своим зятем Святополком, ему принадлежит инициатива. После поражения в битве на Буге, описанного и в Повести временных лет, новгородскому князю Ярославу Владимировичу пришлось оставить Киев. 14 августа 1018 г. в город вошли силы коалиции, возглавляемой Болеславом. Помимо дружины Болеслава и Святополка в её составе было триста саксонцев, пятьсот венгров и тысяча печенегов. В отличие от древнерусской

традиции, Святополк показан милостивым и радушным правителем, которого поддерживает местное население. Одно из уникальных сведений Титмара — первое в нарративах упоминание о соборе Св. Софии (*monasterio sancte Sophiae*), сгоревшем в 1017 г. и, как можно полагать, восстановленном год спустя, а также архиепископе, встречавшем победителей в упомянутом храме [Thietmar 1935: 531]. Сообщение Титмара оказывается хронологически первым свидетельством о главе киевской митрополии. Исследование А.В. Назаренко позволило усомниться в устоявшейся точке зрения о том, что подчинённая Константинополю митрополия появилась на Руси не позднее 997 г. [Назаренко 2017]. Основанием этой концепции, наиболее полно изложенной в трудах Э. Хонигманна и А. Поппэ [Honigmann 1944/1945; Poppe 1979], явился перечень епископий Константинопольского патриархата, в котором, как принято считать, новые кафедры располагались в хронологической последовательности, а также трактат «О перемещениях», одна из редакций которого сохранилась в «Церковной истории» Никифора Каллиста [Darrouzès 1981: 333, 335; Nicéphorus Callistus 1865: 1196]. Из трактата устанавливалось имя первого достоверно известного иерарха, занимавшего киевскую кафедру. Это был перемещённый из Севастии в правление Василия II митрополит Феофилакт. Следующая в перечне после «России» Аланская митрополия, как считал Хонигманн и его последователи, уже существовала к 997/998 г., следовательно, предыдущая кафедра появилась раньше, вероятно, в патриаршество Николая II Хрисоверга. Недавно открытая надпись из Сентинского храма в Алании разрушает эту версию, называя в 965 г. аланским митрополитом Феодора [Назаренко 2017: 162–163]. Но почему и при каких обстоятельствах произошло перемещение Феофилакта? Не исключено, что «Хроника» Титмара позволит ответить на этот вопрос.

Саксонский хронист сообщает, что вскоре после занятия Киева Болеслав направил местного архиепископа послом к князю Ярославу. Посол должен был предложить новгородскому князю сделку, заключавшуюся в обмене дочери Болеслава и жены Святополка на жену, мачеху и сестер новгородского князя. Одновременно Болеслав отправил посольства к императору Генриху II и византийскому василевсу Василию II. Последняя дипломатическая миссия представляет особенный интерес. По словам Титмара, Болеслав обещал василевсу «выгоды, если тот будет верным другом»; в противном же случае польский князь был готов к вражде [Thietmar 1935: 531–532]. Условия дружбы государств становятся понятными, если вспомнить, что с конца X в. (989 г.) в Византии действовал постоянный военный

контингент русов, активно участвовавший как в подавлении апостасий, так и в завоевательных кампаниях Василия II. Судя по всему, приход к власти Святополка под патронатом Болеслава не изменил направления двустороннего сотрудничества. В 1016 г. «русско-варяжский» контингент снова отличился в ходе войны в Болгарии. В январе того же года некий родственник почившего к тому времени князя Владимира Сфенг помог ромейскому флоту подчинить Хазарию, схватив ее архонта Георгия Цулу [Scylitzes 1973: 354–355]. Где бы ни находилась «Хазария» Георгия Цулы в представлении Скилицы — в Крыму или в Предкавказье — и как бы ни реконструировать биографию Цулы, очевидно, принадлежавшего к известному в Таврике роду, отношения между Киевом и Константинополем оставались союзническими. Однако, как показывает Титмар, к 1018 г. в двусторонних контактах наступило некое охлаждение. Патрон Святополка был готов как к продолжению сотрудничества, так и к разрыву с Византией. Нельзя исключить, что причиной такой ситуации стала медлительность Константинополя с определением статуса новой кафедры в Киеве и нежелание повысить её роль.

Между тем, после отправления неизвестного нам архиепископа послом в Новгород киевская кафедра оставалась вакантной как минимум до битвы на Альте и повторного вокняжения Ярослава в 1019 г. Судьба посольства неизвестна, но очевидно, что в условиях полномасштабного военного противостояния духовный иерарх не мог быстро совершить свою миссию. Весьма вероятно, что Болеславу и Святополку понадобился новый предстоятель, которым и стал перемещённый благодаря экстравагантным политическим обстоятельствам из Севастии Феофилакт. Последнего, таким образом, нельзя считать первым киевским митрополитом.

Еще одну загадку представляет упоминание о загадочной мачехе (poverca) Ярослава. Обычно в этих сведениях видят намёк на последний брак Владимира Святославича, заключённый после смерти его ромейской супруги Анны в 1011 г. По нашему мнению, такие гипотезы несостоятельны. Мачехой Ярослава Титмар называет одну из прежних жен Крестителя Руси, который и после принятия христианства не изменил пристрастий в личной жизни.

О стремлении польского князя утвердиться на Руси в качестве суверена может свидетельствовать выпуск им денариев с кириллической надписью. Эти монеты связывают с деятельностью Анастаса Корсунянина, покинувшего Киев в 1018 г. вместе с Болеславом и княжеской казной [Suchodolski 1967: 118–121]. Но нельзя исключить, что правитель Польши маркировал таким образом

претензии на территорию Поднепровья. К 1018 г. исследователи относят сребреники Святополка, с указанием его христианского имени (Петрос или Петор), отличающиеся от первых сребреников, наследовавших чекан Владимира [Сотникова, Спасский 1983: 96]. Вероятно, они относятся к последнему этапу княжения Святополка, после изгнания поляков из Киева.

Библиография

- МУСИН А.Е. Князь Владимир Святой и культура Киевской Руси глазами Титмара Мерзебургского // Княжа доба. Історія і культура. – Львів, 2016. Т. 10. С. 165–198.
- НАЗАРЕНКО А.В. О времени учреждения Киевской митрополии (современное состояние проблемы) // Русь эпохи Владимира Великого: государство, Церковь, культура. – М.; Вологда, 2017. С. 130–175.
- СОТНИКОВА М.П., СПАСКИЙ И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. – Л., 1983.
- DARROUZÈS J. *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Texte critique, introduction et notes.* – Paris, 1981.
- Die Chronik des Bishofs Thietmar von Merseburg und ihre korveier Überarbeitung / Hgb. von R. Holtzmann // MGH SS rer. Germ. – Berlin, 1935. Т. 9.
- HONIGMANN E. *Studies in Slavic Church History // Byzantion.* – Bruxelles, 1944/45. Vol.17. P. 128–158.
- Ioannes Scylitzes. *Synopsis Historiarum / Recens. I. Thurn // CFHB.* – Berlin, 1973. Vol. 5.
- Nicephori Callisti Xanthopuli. *Ecclesiasticae Historiae libri XVIII / accurante J.-P. Migne // PG.* – Paris, 1865. Т. 146.
- POPPE A. *The Original Status of the Old-Russian Church // Acta Poloniae historica.* – Warszawa, 1979. Vol. 39. P. 5–45.
- SUCHODOLSKI S. *Moneta Polska w X/XI wieku (Mieszko I i Bolesław Chrobry) // Wiadomości Numizmatyczne.* – Warszawa, 1967. Rok XI. Z. 2/3. P. 67–193.

Л.В. СЕДИКОВА

Государственный музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

К ВОПРОСУ О РЫБОЛОВНОМ ПРОМЫСЛЕ В ХЕРСОНЕ В XIII В.

Расположение Херсона (средневекового Херсонеса) на берегу моря во многом определяло характер его экономического развития. Рыболовство относилось к числу традиционных промыслов, который жители вели с момента основания города. Археологические данные являются единственным источником для изучения рыболовства в Херсоне в XIII столетии. Из имеющихся на сегодняшний день данных можно лишь констатировать наличие в отдельных усадьбах, расположенных в различных районах города, рыболовного инвентаря – керамических и свинцовых грузил, бронзовых рыболовных крючков и других орудий лова [Белов 1941: 255–259, 260–361; Белов, Якобсон 1953: 148; Романчук 1986: 113; Романчук 2000: 154; Рыжов 2001: 294; и др.]. Его количество может свидетельствовать о том, что не все владельцы снастей профессионально занимались рыбным промыслом.

Археологам не всегда удавалось определить состав ихтиофауны. Полноценный сбор остеологического материала из раскопок Херсонеса удалось организовать только в начале 2000-х годов. Среди находок – кости камбалы, анчоуса, кефали, барабули, осетра, белуги, колючего ската, а также карпа, сома, судака. Встречаются также находки клешней крабов и раковины моллюсков. Такой состав ихтиофауны свидетельствует о том, что жители употребляли морскую, эстуарную и речную рыбу.

Нам не известно как был организован процесс рыбной ловли. Существовали ли профессиональные объединения рыбаков, или рыбная ловля являлась одним из многочисленных повседневных занятий жителей города? Вся ли рыба, употребляемая горожанами, была ими заготовлена, или привезена заезжими торговцами? В любом случае,

заготовка рыбы в Херсоне в XIII в. значительно уступала масштабам этого производства в позднеантичный – ранневизантийский период.

Люди, причастные к рыболовству и заготовке рыбы, жили в разных районах города. Свежая и соленая рыба могла продаваться как самими рыбаками, так и профессиональными салдамариями. Торговля морепродуктами могла вестись и в многочисленных торговых лавках, на рынках и ярмарках.

Кроме рыбы жители города могли готовить, употреблять и продавать специальный рыбный соус – гарум. В помещении 30 квартала L в Южном районе Херсонеса во время раскопок 2001–2002 гг. были найдены материалы, свидетельствующие о приготовлении здесь рыбы и морепродуктов [Рабиновиц, Седикова, Хеннеберг 2009: 215]. В той же усадьбе была найдена переносная керамическая печь для приготовления или подогрева пищи. Она представляла собой полуку конструкцию с двумя круглыми отверстиями для установки кухонных горшков и маленькими отверстиями для выхода дыма, а также полукруглым вырезом на вертикальной поверхности для закладки топлива. Можно предположить, что она использовалась для выносной торговли гарумом.

Исследование антропологического и палеозоологического материала из раскопок квартала L позволило предположить, что рацион питания его жителей в XIII в. основывался, в основном, на морепродуктах.

Библиография

- БЕЛОВ Г.Д. Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. – М.; Л., 1941. № 4.
- БЕЛОВ Г.Д., ЯКОБСОН А.Л. Квартал XVII (Раскопки 1940 г) // МИА. – М.; Л., 1953. № 34.
- РАБИНОВИЦ А., СЕДИКОВА Л.В., ХЕННЕБЕРГ Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в Южном районе Херсонеса // МАИЭТ. – Симферополь, 2009. Вып. XV. С. 196–274.
- РЫЖОВ С.Г. Средневековые жилые кварталы X–XIII вв. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. – Симферополь, 2001. Вып. VIII. С. 290–311.
- РОМАНЧУК А.И. Херсонес XII–XIV вв.: историческая топография. – Красноярск. 1986.
- РОМАНЧУК А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000.

В.А. СИДОРЕНКО

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

НОВЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕХНИКИ ЛИТЬЯ ХЕРСОНО-ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ

По справедливому замечанию В.А. Анохина, «использование монет в качестве штампов даёт богатейшие возможности для изучения динамики монетного производства в Херсоне при каждом из императоров и позволяет разработать более узкие датировки выпусков в пределах каждого правления» [Анохин 1977: 112]. Подобные возможности отнюдь не исчерпаны работами, посвященными литым эмиссиям Херсона, но в меньшей степени изученности находится освещение технологических особенностей их литья.

Причины, побудившие Херсон перейти около рубежа VII–VIII вв. от чеканки монет с инициальными буквами лозунга «полис Херсон» к литью их копий, а в дальнейшем – разнообразных самостоятельных типов, возможно, отчасти связаны с существованием в городе развитого бронзолитейного промысла, издавна практиковавшего производство изделий мелкой пластики, преимущественно – гарнитуры костюма (пряжки, фибулы). Копирование форм по образцам изделий широко представлено, например, местными подражаниями пряжкам типа «Сиракузы», среди которых встречается и оригинально переработанный вид с вертикальным расположением орнамента на щитке при повторении традиционного типа пряжки. Массовое литьё монет требовало применения формовочного материала высокой пластичности, поскольку использование в качестве формирующего эталона самих монет без доработок двусторонних форм отражено в неизменном сохранении изображений (кроме монетного выпуска с дополняющими портреты начальными буквами имен Романа и Христофора) и повторением соотношения осей сторон для каждого вида [Сидоренко 2013: 278, 279].

Особую категорию составляют херсоно-византийские монеты, бронзовая оболочка которых скрывает под собой свинцовое заполнение, а также монеты из свинца, происходящие преимущественно из находок в море, где их бронзовая оболочка утрачивается под воздействием неблагоприятной среды. Подобные представлены в типах церковной мастерской: монетами Льва VI, Льва VI и Александра, Василия II, а также более крупными монетами с буквами «В» или монограммой «Ϝ» (Ϙ). Таким образом, монеты со свинцовым ядром в бронзовой оболочке выявляются в типах продукции церковного производства с переходом к выпуску монет укрупненных размеров начиная с правления Льва VI и Александра (886–912 гг.). Результатом ликвации свинца в центре литого кружка монеты является избыточное содержание этого легкоплавкого металла в механическом сплавленном соединении его с бронзой и отливка в формы с низкой теплопроводностью их материала.

В 1981 г. Л.И. Шерешев предпринимал экспериментальные отливки сплава свинцовой бронзы в глиняные формы, не давшие положительных результатов. Во всех случаях происходила ликвация свинца с вытеснением его на поверхность усаждавшейся отливки. По словам испытателя, «во время проведения опытов было отмечено появление на поверхности монет слоя свинца, особенно четко наблюдавшееся при литье в горизонтально расположенную форму» [Шерешев 1982: 44]. Результаты экспериментов активировались, а документация сдана в архив ныне Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (см.: Архив ГМЗХТ, д. 1788, акт 9). Итогом эксперимента может считаться заключение о невозможности приготовления медно-свинцового расплава без применения высокотемпературных флюсов. Экспериментальное соединение состава из Cu (74%), Pb (24%), Sn (1%), Fe (0,05 %) и Zn (1%) осуществлялось в «электрическом горне» [Шерешев 1982: 44], как следует понимать – без механического перемешивания или неосуществимого для данного соединения доведения его до «кипения», но в закрытом для доступа воздуха пространстве. Вместе с тем, проводившиеся Л.И. Шерешевым исследования металла оригинальных херсоно-византийских монет по структуре образцов микрошлифов показали, что строение его «дендритное, в большинстве своем транскристаллическое, симметричной конфигурации сечений. Дендриды росли от поверхности охлаждения вглубь... Это подтверждает литьё в двустороннюю массивную форму и относительно медленное, постепенное охлаждение его вместе с формой, когда кристаллы успевали вырасти до таких крупных размеров» [Шерешев 1982: 43]. Можно внести уточнения, касающиеся процесса кристаллизации меди с её высокой теплоемкостью из смеси с низкотемпературным свинцом: для закреп-

ления кристаллов на поверхности отливки, откуда начинался их рост, необходимы были моментальное охлаждение расплава в зоне его прямого контакта с формой и минимальная теплопроводность материала формы, обеспечивавшая медленное остывание отливки.

Технология с использованием центрального ствольного литника предусматривает уничтожение самой формы при извлечении отливок, располагавшихся в ней в несколько горизонтальных ярусов. Результатом механического разрушения материала формы с целью извлечения из неё готового изделия являются прогибы монетных кружков со следами ударного инструмента, наблюдаемые на некоторых монетах увеличенного диаметра и принимавшиеся иногда исследователями за плоды сознательной попытки придать монетам с монограммой «ро» (Р) чашевидную форму византийских скифатных монет. Подобные следы нанесения ударов располагаются на монетах с монограммой «ро» на более рельефной стороне монетного кружка, наблюдаются они и на отдельных экземплярах других типов монет как муниципального, так и церковного производств. Подобная механическая деформация отдельных экземпляров отлитых монет свидетельствует о препятствовавшем их извлечению «слипанию» с ними формовочного материала, следовательно, о неприменении способа «закапчивания» сажей внутренней поверхности формы.

Вопрос технических особенностей производства литых херсоновизантийских монет рассматривался в литературе под углом различных предположений. В основном же они сходились на использовании глины в качестве материала литейных монетных форм. Но в 2018 г. среди случайных находок «кладоискателей» обнаружилась херсоновизантийская монета церковного выпуска 921–944 гг. с дефектами литья на лицевой стороне и прочно застрявшем в них фрагментом плотного материала темно-серой окраски с металлическим блеском на заполированной поверхности, предположительно, принадлежавшего литейной форме (Рис. 1). Материал был рассмотрен через металлографический микроскоп (Bresser Science MTL-201) с увеличением 800х, которого оказалось достаточным, чтобы обнаружить в нем пластины таблитчатых кристаллов графита, опознаваемые по своей шестиугольной форме. Представленный в качестве примеси самородный элемент со слоистой структурой – графит – может происходить из Старокрымского месторождения (Рис. 2) или малых скоплений графитосодержащих минералов, часто встречающихся в Крыму. Он является незаменимым по своим характеристикам для литейного промысла и до настоящего времени применяется для покрытия внутренней поверхности литейных форм, в том числе и в современной сталелитейной промышленности.

Использование графита в качестве составной части материала форм в производстве херсоно-византийских монет позволяет прояснить особенности этого производства, отражаемые самими монетами. Очевидно, для изготовления формы замешивался на воде густой раствор графитосодержащей смеси, выкладывавшейся слоем на ограниченную бортами плоскую поверхность и механически уплотнявшейся. Для возможности отделения её от следующих слоёв во избежание их слипания и для возможности извлечения монетных шаблонов могла использоваться мыльная пена (применяется до настоящего времени при изготовлении двусторонних гипсовых форм) или другая, подвергаемая просушиванию пенная смесь. Монетные шаблоны (Рис. 3,1; 3,4) плотно раскладывались на механически уплотненной поверхности слоя расходящимися от центра формы рядами (Рис. 3,7) лицевой стороной (с более рельефным изображением) вверх, что упрощало вдавливание в уплотненный слой менее рельефной стороны, хотя при этом, за счёт амортизации уплотненной поверхности, низкий рельеф сглаживался в процессе копирования монет тем же способом с готовых отливок вместо шаблонов-маточников. После обработки верхней части монетных шаблонов мыльной пеной (или заменяющим её составом) на ровную поверхность с уложенными и слегка утопленными в ней шаблонами наносился второй слой графитосодержащей смеси, также уплотнявшийся и сглаживаемый. В нём могло быть сформовано отверстие центрального литника, но с тем же успехом оно прорезалось уже на стадии почти высушенной многослойной формы в её центре вместе с горизонтальными литниками. После неполной просушки второго слоя монетные шаблоны могли быть извлечены и использоваться в повторении всего цикла для формовки следующего слоя формы, начинавшегося с нанесения на подсушенную поверхность пенно-эмульсионного слоя, отчасти размягчавшего её и исключавшего «залипание» шаблонов, соединение поверхности со следующим наносимым на неё слоем формовочной массы. Для извлечения монет из подсохших (но не сухих) слоёв формы ограничивающие её борта (очевидно, деревянные) должны были быть съёмными. Количество образующих полную форму слоёв предусматривало необходимое давление расплава в центральном стволе литника. Таким образом, подобная технология обретала рентабельность в массовом монетном производстве, каким и являлось оно для средневекового Херсона.

Библиография

АНОХИН В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). – Киев: Наукова думка, 1977.

СИДОРЕНКО В.А. Церковное и муниципальное производства литых херсонско-византийских монет IX – начала XIII вв. // ХΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ 01. Империя и полис. Сборник научных трудов. – Севастополь, 2013. С. 267–281.

ШЕРЕШЕВ Л.И. О технике изготовления в средневековом Херсоне монет типа «Ро» // АДСВ. – Свердловск, 1982. Вып. 19. Византия и её провинции. С. 38–47.

Рис. 1. Херсонско-византийская литая монета с сохранившимся на ней фрагментом материала литейной формы (увеличено).

Рис. 2. Природный графит из Старокрымского месторождения (фото из интернета).

Рис. 3. Херсоно-византийские выпуски IX– X вв.:

1–6 – Монетные шаблоны (1, 4) церковного выпуска и отлитые по ним монеты (2, 3, 5, 6): 1–3 – выпуск с инициальной буквой имени Василия I (867–886), 4–6 – выпуск 960–963 гг. с инициальной буквой имени Василия II (960–1025) и двумя точками по её сторонам;
 7 – неразделённые отливки монет одного вида муниципального выпуска 945–959 гг. с монограммами имен Константина VII (913–959) и Романа II (945–959); фото из интернета.

В.П. СТЕПАНЕНКО

Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург)

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ХРИСТИАНСКОЙ ИКОНОГРАФИИ: БРОНЗОВАЯ ТЕССЕРА ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА

В собрании византийских моливдовулов Государственного Эрмитажа хранится небольшая бронзовая тессера (М-11654) с изображениями позднеантичных аллегорических сюжетов на обеих сторонах (Рис. 1). Не издана.

Лицевая сторона. Вверху бюст Сераписа в традиционной иконографии с модием на голове. Под ним на двух горизонтальных линиях изображение двух обращённых навстречу друг к другу всадников (Диоскуров); каждый из всадников одной рукой держит копьё (или факел?), а другой держит поводья. На головах всадников, очевидно, шлемы, увенчанные шарами со звёздами (Ашвины?). Изображение помещено в жемчужный ободок.

Оборотная сторона. Изображение полуобнаженной фигуры возлежащего влево речного божества, держащего в левой руке рог изобилия. Внизу под ним, по-видимому, изображен поток воды (?); сверху – ветвистое дерево. Изображение также помещено в жемчужный ободок.

Легенды на обеих сторонах отсутствуют.

Сюжеты, представленные на рассматриваемом нами памятнике, демонстрируют традиционную иконографию, хорошо известную по произведениям римского искусства [Боги на монетах ... 2007: 168, 195; Istanbul Archaeological Museums ... 2005: 47 (57)]. Однако, его сохранность не даёт возможности рассмотреть детали изображений.

Судя по инвентарному номеру, тессера попала в Эрмитаж с коллекцией Русского археологического института в Константинополе и, очевидно, тессера, скорее всего, была найдена на территории Ближнего

Востока – в прошлом целого ряда областей, входивших в состав восточных провинций Римской империи.

В римский период храмы Сераписа известны от Египта до Британии. Его культ достаточно хорошо известен, хотя информации о нём явно недостаточно [Cirene 2000: 194; Боги на монетах ... 2007: 54, 136]. Среди множества функций Серапису были приданы функции водного божества и владыки наводнений. Нередко его изображения помещались на носках кораблей.

В то же время и Диоскуры (два наших всадника на лицевой стороне тессеры) были покровителями воинов, всадников и моряков [Мифы ... 1991: 382–384]. Так что их появление на тессере вместе с Сераписом вполне объяснимо, как и – речного божества на обороте.

Функции рассматриваемого памятника можно лишь предположить, как, впрочем, и его датировку. Возможно, это был памятный «сувенир», полученный во время посещения храма, который, скорее всего, следует отнести ко II–III вв. н.э.

Следует отметить, что иконография лицевой стороны тессеры была использована в период формирования христианской традиции также в качестве «небесной инвеституры» и сохранилась в её рамках вплоть до наших дней. В IV в. она известна на донцах стеклянных лампад из римских катакомб. Здесь Христос венчает мучеников или святых, тех же Петра и Павла [Pietro e Paolo ... 2000: 163 ill. Cat. 86; Engemann 2014: 244, ill 224].

Позже она появляется в византийской глиптике, сфрагистике и стеатитах [Kalavrezou, Maxeiner 1985: 5, 7, 21, 23, 25, 27, 28], где Христос венчает мучеников, позже воинов, как, например, на печати Иоанна Ангела, на которой на лицевой стороне Христос венчает Иоанна Предтечу и св. Николая, а Богоматерь – свв. Георгия и Дмитрия – на обороте [Лихачёв 1991: 118, 119, № 13, илл. LXIV,13] (Рис. 2).

Библиография

- БИВАР А.Д.Х. Митра и Серапис // ВДИ. – М., 1991. № 3. С. 52–63.
- Боги на монетах. Древняя Греция, Рим, Византия. Каталог выставки / Куратор В.В. Гурулёва. – СПб., 2007.
- ЛИХАЧЕВ Н.П. Моливдовулы греческого Востока. // Научное наследство. – М., 1991. Т. 19.
- Мифы народов мира. – М., 1991–1992. Т. I–II.
- Cirene. A cura di Nicola Bonacasa, Serena Ensoli. – Milano, 2000.
- ENGEMANN J. Roma. Le splendore del tramonto. – Milano, 2014.
- Istanbul Archaeological Museums. – Istanbul, 2005.
- KALAVREZOU-MAXEINER I. Byzantine icons in steatite. –Wien, 1985.
- Petro e Paolo. La storia, il culto, la memoria nei primi secoli. – Milano, 2000.

Рис. 1. Бронзовая тессера с изображениями
позднеантичных аллегорических сюжетов
из собрания Государственного Эрмитажа (М-11654).

Рис. 2. Моливдовул Иоанна Ангела (XI–XII вв.)
из собрания Государственного Эрмитажа (М-8219).
(по: Лихачёв 1991: табл. LXIV,13).

Е.В. СТЕПАНОВА

Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)

ПЕЧАТИ ЭПАРХОВ КОНСТАНТИНОПОЛЯ VI-X ВВ.

Эпарх Константинополя играл важнейшую роль в жизни византийской столицы, ему была подчинена вся её территория, включая и пригороды. Круг обязанностей эпарха был очень широк: он должен был заботиться об общественном порядке в городе, ведал гражданской и криминальной юрисдикцией, отвечал за регулирование хозяйственной жизни, контролировал торговлю и ремёсла, что наиболее ярко показано в «Византийской книге эпарха» [Византийская книга эпарха ... 1962], заботился о нравах и зрелищах, вёл наблюдение за иностранцами, решал вопросы внешней торговли [Успенский 1899]. Исследователи уже не раз публиковали печати эпархов Константинополя. Так, статья В.С. Шандровской включала сфрагистические материалы XI–XII вв. из эрмитажной коллекции. Это печати – проедра Епифания Каматира; протопроедра Василия Цирифона; севаста Иоанна Антиохита; квестора и эфора Доминика Мания; севаста Феодора Далассина [Шандровская 1992]. Данное сообщение посвящено печатям предшествующего периода, датированным VI–X вв. [см., например: Zacos, Veglerу 1972: nr. 946, 1060A, 1334, 1820, 2223A, 3000A–C], в том числе и из коллекции Эрмитажа. Отметим, что будут рассмотрены только те печати, в легендах которых имеются топонимические указания. Характерно, что в легендах печатей эпархов не упоминается название – «Константинополь». Употреблялся либо топоним η πόλις, либо – η Ῥώμη. В сообщении речь пойдет о печатях Епифания, патрикия, императорского протоспафария и эпарха города (VIII/IX в.); Михаила, императорского протоспафария и эпарха города (первая половина X в.); Николая, императорского протоспафария и эпарха города (X в.). Все они вводятся в научный оборот впервые. Особый интерес представляет печать Павла, апоипата и эпарха (Нового) Рима (VI–VII вв.), из коллекции Русского археологического института в Константинополе, также ранее неизвестная.

Аверс. Блоковая монограмма в центре, раскрывающаяся как Πάυλου ἀπὸ ὑπάτων. Вокруг монограммы надпись: καὶ ἐπάρχου Ῥώμης.

Реверс. Надпись в четыре строки: +ΔΟΥ|ΛΟΥΤΗΣ|ΘΕΟΤΟ|ΚΟΝ – δούλου τῆς Θεοτόκου.

Аналогиями оформления лицевой стороны печати могут служить экзагии, на которых в центре помещалась монограмма имени епарха, а по краю была расположена круговая надпись. В одном случае речь идет об экзагии с блоковой монограммой: «Панкратия, патрикия (?)» и круговой надписью: «и епарха Рима» – VI в. [Гурулева 2018: 58, 59, № 59], в другом – об экзагии с крестообразной монограммой «Сергия» и круговой надписью «наиславнейшего епарха Рима» – середина VI – середина VII в. [Гурулева 2018: 69, 70, № 108].

Библиография

Византийская книга епарха / вступительная статья, перевод, комментарий М.Я. Сюзюмова. – М., 1962.

ГУРУЛЕВА В.В. Византийские весовые знаки. Каталог коллекции. – СПб., 2018.

УСПЕНСКИЙ Ф.И. Константинопольский епарх // ИРАИК. – Софія, 1899. Т. IV. Вып. 2. С. 79–104.

ШАНДРОВСКАЯ В.С. Епархи Константинополя XI–XII вв. (по данным печатей) // АДСВ. – Барнаул, 1992. Вып. 26: Византия и средневековый Крым. С. 62–77.

ZACOS G., VEGLERY A. Byzantine Lead Seals. – Basel, 1972. Vol. I. Pt. 1–3.

Рис. 1. Печать Павла, апоипата и епарха (Нового) Рима. VI–VII вв. (увеличено).

И.Б. ТЕСЛЕНКО

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

И.А. АЛЕКСАНДРОВА

Алуштинский историко-краеведческий музей
Центрального музея Тарвиды
(Алушта)

**КЕРАМИКА ВИЗАНТИЙСКОГО КРУГА
ПАЛЕОЛОГОВСКОГО ВРЕМЕНИ
ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ПАРТЕНИТЫ 1985–1988 гг.
(из коллекции Алуштинского историко-краеведческого музея)**

Городище Партениты (VIII (?) – XVI–XVIII вв.) – один из ключевых археологических объектов Южного Крыма. Памятник находится в юго-восточной части пгт. Партенит, на берегах р. Аян-Дере (Аян-Дере-Узень, Узень, Партенитка), на высоте до 165 м над уровнем моря, примерно в 0–0,4 км от берега моря. Восточная часть поселения (на левом берегу р. Аян-Дере) занимает склоны скалистого горного массива Тепелер. Западная часть (на правом берегу р. Аян-Дере) располагается на вершине и восточном склоне водораздельного холма между реками Аян-Дере-Узень и Орта-Узень (совр. Аранлар). Общая площадь объекта составляет около 12–15 га [Лысенко, Тесленко 2010].

Средневековый Партенит упоминается в нескольких письменных источниках. Различные археологические исследования на территории памятника проводились на протяжении около столетия – с начала XX в. до начала XXI в. [детальнее см.: Паршина 1991; 2002; Лысенко, Тесленко 2010]. Наиболее масштабные раскопки предпринимались в 1985–1988 гг. Партенитским отрядом Горно-Крымской новостроечной экспедиции ИА АН УССР под руководством Е.А. Паршиной. В процессе работ у южного подножья массива Тепелер на площади около 0,15 га были изучены разновременные культурные слои и остатки жилой застройки. Мощность культурных отложений здесь составила

до 3,5–5,0 м. Полученные данные позволили Е.А. Паршиной выделить четыре основных строительных периода, видимо, соответствующие этапам существования памятника: VII–VIII, X, XII–XIV и XVI вв., а также в комплексе со сведениями исторических источников прийти к выводу, что в эпоху средневековья Партенит представлял собой крупное приморское поселение с морским портом.

Материалы этих раскопок поступили в Алуштинский краеведческий музей. Часть коллекций со временем была опубликована самой Еленой Александровной [Паршина 1991; 2002; Паршина, Созник 2012], однако значительное количество находок все ещё не введены в научный оборот. Среди них – керамические изделия поздневизантийского времени. Все они происходят из верхних слоёв поселения, сильно пострадавших при последующей разновременной антропогенной деятельности и не связанных с надёжно датированными комплексами. Поэтому хронологическую позицию этого материала возможно определить только на основании аналогий.

В целом в музейной коллекции содержится более трёх сотен керамических находок, которые могут быть отнесены к поздневизантийскому периоду. Около 30 фрагментированных изделий – это поливная посуда византийского круга (Рис. 1, 2). Вся она представлена сосудами открытой формы двух стилистических семей. Отметим, что к настоящему времени в публикациях представлено всего 8 партенитских поливных сосудов открытой формы этого времени [Паршина 1991: рис. 9; 2002: рис. 12].

Наиболее представительна семья керамики сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора (“Sgraffito with Concentric Circles”, далее SCC) – самая распространённая среди имитаций одного из типов так называемой «Зевксиповой» керамики (“Zeuxippus Derivative”, “Zeuxippus Influence Ware”, “Zeuxippus Ware Family”, др.). Керамика SCC производилась во многих больших и малых мастерских от Северной Италии и Эгейского региона до Крыма, включая Западную Анатолию, Центральную Грецию и Балканы. Она в обилии встречается в слоях и комплексах последней трети XIII – первой четверти XIV вв. в Восточном Средиземноморье и Причерноморье, в том числе в Крыму и Приазовье даже на небольших поселениях [Waksman, François 2005; Waksman, Teslenko 2010 и др.]. В партенитской коллекции SCC составляет более 97 % (30 фрагментов от 29 сосудов). Это сосуды не менее трёх технологических групп. Большинство из них покрыты монохромной жёлтой или коричнево-жёлтой глазурью, 1 фрагмент днища – с зелёной поливой (Рис. 1, 1-7; 2).

Эта же категория поздневизантийского импорта наиболее массовая в материалах раскопок на холме Кале-Поти [Лысенко, Тесленко 2010] и на близлежащем Алуштинском городище [Тесленко 2018].

Вторая стилистическая семья представлена 1 фрагментом днища чаши на кольцевом поддоне, лицевая поверхность которой украшена орнаментом сграффито, выполненным резцами различной толщины под жёлтой глазурью (Monochrome Sgraffito Ware, Late Byzantine Sgraffito Ware) (Рис. 1,8). Подобные сосуды сопоставимы с наиболее массовыми представителями группы 14А по азакской классификации А.Н. Масловского, группы 3 византийского керамического импорта Северного Причерноморья по С.Г. Бочарову, А.Н. Масловскому и датируются в рамках конца XIII – первой половины XIV вв. (наиболее многочисленны в первой четверти – начале 30-х гг. XIV в.) [Масловский 2006: 393–397; Бочаров, Масловский 2012: 26]. В отличие от Азака, на южном побережье Крыма подобные изделия не получили широкого распространения, точная локализация центров производства пока также затруднительна [Тесленко 2018]. Некоторые параллели в стиле и манере декора прослеживаются среди изделий мастерских Салоник, Микро Писто, Константинополя [Papanicola-Bakirtzi 1999; Waksman 2012].

Следует отметить, что не все категории поздневизантийского импорта, поступавшего в Крым, представлены в материалах из Партенита. Например, среди керамических находок не удалось обнаружить кувшины с росписью вертикальными полосами белого ангоба и светлоглиняные кухонные поливные сосуды византийского производства. Ещё более удивительно отсутствие столовой посуды в стиле «Elaborate Incised Ware» (EIW), распространённой в Причерноморье в середине – второй половине XIV в. и встречающейся даже на сельских поселениях [Тесленко и др. 2017], при том, что синхронной ей поливной керамики местного производства в партенитской коллекции довольно много.

Таким образом, очевидно явное преобладание среди поздневизантийского керамического импорта Партенита изделий семьи SCC, массово поступавших в Северное Причерноморье примерно с 1260-х гг. до начала XIV в. Это обстоятельство, во-первых, свидетельствует о том, что в этот период поселение в Партените вместе с окрестными населёнными пунктами, в частности Алуштинским городищем, было довольно активно вовлечено в торговые операции крупных игроков черноморского рынка, которыми на то время были итальянцы; во-вторых, подтверждает предположение о том, что дешёвая византийская поливная керамика до начала массового производства глазурованной посуды в Крыму была достаточно выгодным товаром для региональной торговли.

Библиография

- БОЧАРОВ С.Г., МАСЛОВСКИЙ А.Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Волжская археология. – 2012. № 1. С. 20–36.
- ЛЫСЕНКО А.В., ТЕСЛЕНКО И.Б. Исследования средневекового укрепления на холме Кале-Поти // Археологический альманах. – 2010. Вып. 22: Древняя и средневековая Таврика. С. 323–346.
- МАСЛОВСКИЙ А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. – Азов, 2006. Вып. 21. С. 308–472.
- ПАРШИНА Е.А. Торжище в Парthenитах // Византийская Таврика. – Киев, 1991. С. 64–100.
- ПАРШИНА Е.А. Древний Парthenит (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. – Киев, 2002. С. 89–109.
- ПАРШИНА Е.А., СОЗНИК В.В. Амфорная тара Парthenита (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // 1000 років візантійської торгівлі. – Київ, 2012. С. 7–42.
- ТЕСЛЕНКО И.Б., ЛЫСЕНКО А.В., МАЙКО В.В., СЕМИН С.В. Новое поселение XIV–XV вв. у западного подножья г. Аю-Даг (Южный Крым) // История и археология Крыма. – Симферополь, 2017. Вып. V. С. 192–233.
- ТЕСЛЕНКО И.Б. Поливная керамика византийского круга эпохи Палеологов из раскопок крепости в Алуште // МАЙЭТ. – Симферополь, 2018. Вып. XXIII. С. 467–506.
- Byzantine Glazed Ceramics / Ed. Papanicola-Bakirtzi D. – Athens, 1999.
- WAKSMAN S.Y. The first workshop of Byzantine ceramics discovered in Constantinople/Istanbul: chemical characterization and preliminary typological study // Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23–27 novembre 2009 / Sauro Gelichi (eds.). – Venezia, 2012. P. 147–151.
- WAKSMAN S.Y., FRANÇOIS V. Vers une redefinition typologique et analytique des céramiques byzantines du type Zeuxippus Ware // Bulletin de correspondance hellénique. – Paris, 2004–2005. P. 128–129, 629–724.
- WAKSMAN S.Y., TESLENKO I. “Novy Svet Ware”, an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations // International Journal of Nautical Archaeology. – 2010. Vol. 39 (2). P. 357–375.

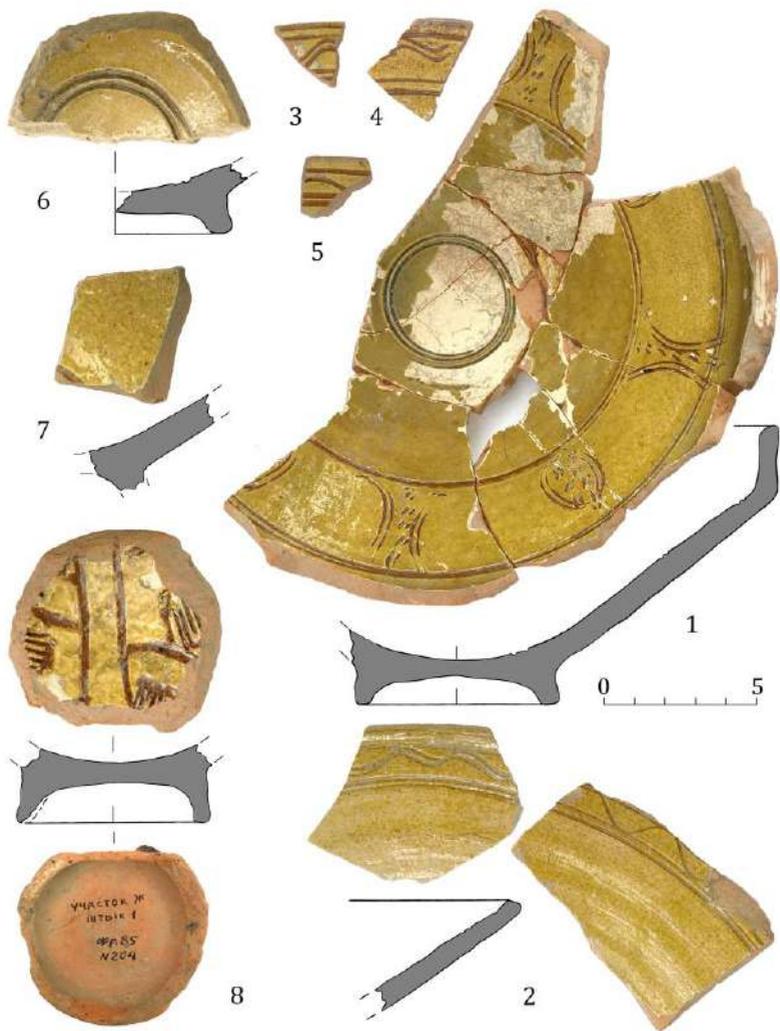

Рис. 1. Керамика византийского круга из раскопок Паргенита:
 1–7 – 60-е гг. XIII – начало XIV вв.;
 8 – конец XIII – первая половина XIV вв.

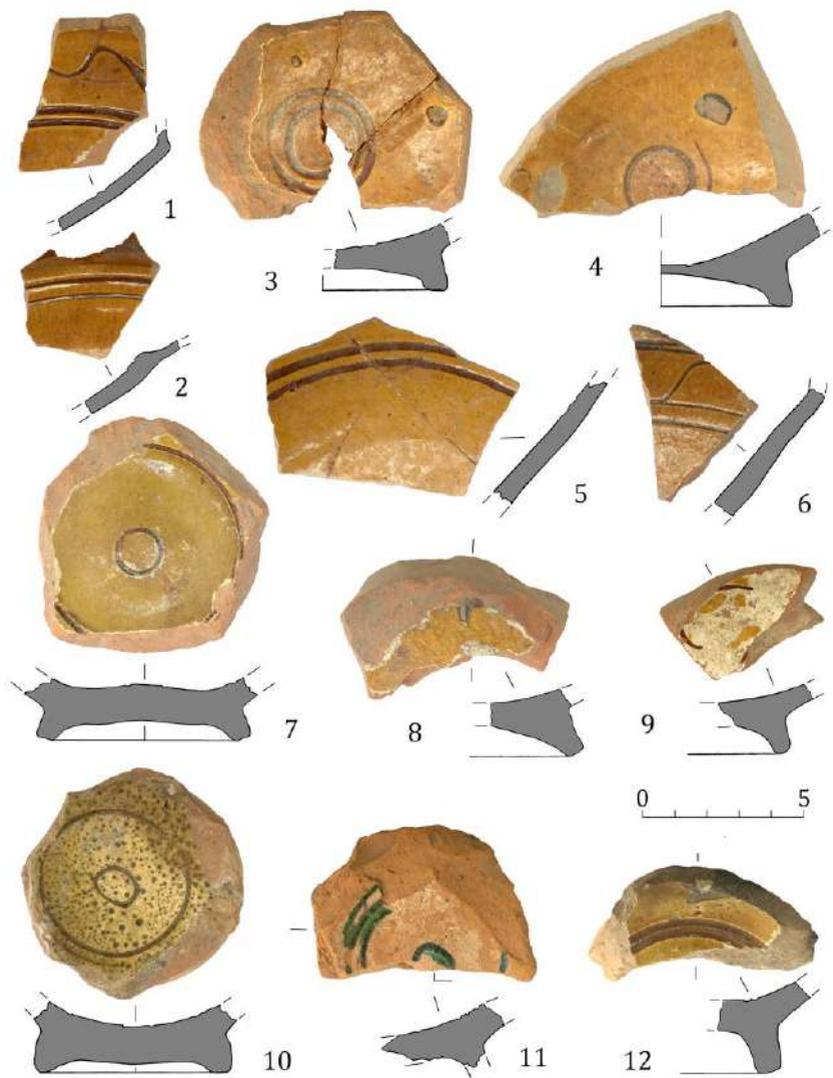

Рис. 2. Керамика византийского круга из раскопок Парthenита (60-е гг. XIII – начало XIV вв.).

**И.Б. ТЕСЛЕНКО
В.В. МАЙКО**

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

«ELABORATE INCISED WARE» ВИЗАНТИЙСКОГО КРУГА ИЗ СУДАКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

Археологические исследования на территории Судакской крепости и её окрестностях проводятся с перерывами начиная с 20-х гг. XX в. Однако до настоящего времени проблема публикации полученных в процессе раскопок материалов остается весьма актуальной. Среди насущных задач следует выделить атрибуцию и введение в научный оборот многочисленных керамических коллекций, относящихся к золотоордынскому и генуэзскому периодам существования города.

Одной из ярких составляющих керамического комплекса этого периода является посуда византийского круга со сложным врезным орнаментом, выполненным в выемчатой и сграффито технике, так называемые «Elaborate Incised Ware» (далее EIW). Это термин по отношению к данной группе керамики был предложен Т. Райсом [Rice 1930: 34–40]. Детальное описание технологических и морфологических особенностей EIW византийского круга представлено в ряде современных работ [см. François 2005; Масловский 2006; Бочаров, Масловский 2012: 32–33; Тесленко 2018: 470–472].

В целом, эта группа керамики из различных памятников Крыма изучена довольно неплохо. Опубликованы материалы Кафы [Штерн 1906: 65–77, № 43, 44, 48, 51, 57, 59, 60, 62, 72, 74, 75, 79; Кравченко 1991: 112–116; Сазанов, Иващенко 1994: 180, рис. 2,1, 3,1; Бочаров 2005: 306–310, рис. 8, 13], Чембало [Гинькут 2005; 2013], Алушты [Тесленко 2018: 470–473; рис. 12–14], Херсонеса и окрестностей [Романчук 1999; 2003а: 51–56, 89–93, табл. 29,94, 96–98, 30,99–105; 2003б; Яшаева 2005: 250, рис. 4; Залеская 2011: 146, 186, 189, 217, 218, 223–226].

В недавнее время предпринято несколько обобщающих исследований византийских ЕГВ по находкам в Причерноморье и Восточном Средиземноморье [François 2005; Vroom 2005: 122–123; Бочаров, Масловский 2012: 32–33], а также попытки искусствоведческого анализа византийских кувшинов, декорированных в «палеологовском стиле» [Крамаровский 1996], интерпретации назначения сосудов с христианской символикой, отдельных изображений и монограмм [Мыц 2005; Гинькут 2011; 2012; Залесская 2014] и ряд других работ. Однако, находкам из Судака, за исключением публикации отдельных предметов без должной атрибуции [Баранов 1998: 23, рис. 2; 2004: 535, 547, рис. 8,1; 9,1; 20; Баранов, Майко 1998: 28, рис. 3,4; Майко 2017: 257, рис. 13,4], специальное внимание ещё не уделялось. Работа с коллекциями керамики из раскопок этого памятника и его округи позволила выделить несколько видов и стилистических подгрупп обнаруженных здесь ЕГВ.

В Судакской коллекции представлены сосуды закрытой и открытой формы. Первые из них – это одноручные кувшины, декорированные в технике сграффито и резерважа, зачастую дополнительно украшенные округлыми налепами на ручках, имитирующими заклёпки, и рельефными изображениями пернатых (Рис. 1).

Кроме Крыма (Херсон, Чембало, Каффа, Солхат) они также известны в Константинополе, Северо-Восточном и Северо-Западном Причерноморье, в Азаке, а также изредка встречаются на Руси и золотоордынских памятниках Поволжья [обзор литературы см. Болдырева 2012: 127–128]. Их производство в центрах византийского культурного круга не вызывает сомнения, отражая, по мнению В.Ю. Ковалья, западноевропейский вектор культурного влияния в ромейском декоративно-прикладном искусстве [Коваль 2014].

Сосуды открытой формы включают три вида изделий: колоколовидный кубок с плоским дном (Рис. 2,8), тарелку с закруглённым бортом на низком кольцевом поддоне (Рис. 2,3) и полусферические чашки на достаточно высоких кольцевых поддонах усечено-конической формы небольшого диаметра (Рис. 2,1, 4-7, 9-11; 3).

Орнаментация изделий разнообразна. На одной из чаш представлена сюжетная сцена с пирующим молодым человеком в восточном одеянии (Рис. 3,1). На другой – популярное для этой группы сосудов изображение голубя (Рис. 2,4).

Кубок и три чашки украшены монограммами в виде комбинаций различных букв греческого алфавита (Рис. 2,6-9), которые можно интерпретировать, как сокращённые варианты имён святых «ΜΗΝΑΝΔ» (Рис. 2,7-8) и «ΠΡΟΔΡΟΜΟΣ» (Рис. 2,9), а также лигатуру императорской фамилии «ΠΑΛΑΙΟΛΟΓΟΣ» (Рис. 2,6). О монограммах на ΕΙΩ и вариантах их расшифровки и прочтения [см. Rice 1930: 78–79, fig. 6; Сенгалевич 2018].

Наиболее часты различные растительно-геометрические мотивы (Рис. 2,1–3, 5, 10, 11). В одном случае такой рисунок подцвечен пятнами зелёной краски (Рис. 2,3).

Аналогичные изделия хорошо известны на средневековых памятниках Восточного Средиземноморья и Причерноморья: Константинополь, Никея, Эфес, Салоники, Фасос, Родос, Калиакра, Шумен, Варна, Несебр, Белгород-Днестровский, Херсонес, Чембало, Судак, Каффа, Азак и др. [Тесленко 2018: 471; Сенгалевич 2018]. Их изготовление традиционно связывают со столицей Византийской империи и её ближайшими окрестностями [Штерн 1906: 64; Rice 1930: 38], что получило некоторые археологические подтверждения при раскопках в Стамбуле в 2007 г. [Waksman 2012]. Однако, результаты археометрических изысканий свидетельствуют о существовании нескольких центров производства ΕΙΩ, местонахождение которых пока не установлено [Waksman 2012: 150]. Находки из Судака также не гомогенны по составу формовочной массы и, вероятно, происходят из разных мастерских. Среди них, возможно, присутствует также местные подражания этой стилистической группе (Рис. 3,2).

Хронологическая позиция ΕΙΩ закрытой и открытой формы несколько отличается. Так, находки сосудов открытой формы зафиксированы преимущественно в комплексах не ранее середины – второй половины XIV в. [Бочаров 2005: 308–309; Бочаров, Масловский 2012: 32–33; Масловский 2006: 397]. Отдельные фрагменты встречаются в контекстах первой четверти XV в., но они, скорее всего, переотложены из более ранних слоёв [Бочаров 2005: 308; Зенюк, Масловский 2018: 215]. Кроме того, известен случай длительного хранения одной из чаш-эвлогий как особо ценного предмета, который был погребен со своей владелицей [Гинькут 2011].

В то же время, проблема датировки кувшинов более дискуссионная [Болдырева 2012: 128]. Судя по материалам раскопок Азака и Самосдельского городища их появление в Северном Причерноморье и низовьях Волги, вероятно, следует относить ко времени не позже первой половины XIV в. [Белинский, Масловский 2005: 162; Болдырева 2012].

Находки из Чембало свидетельствуют о бытовании таких кувшинов вплоть до середины – второй половины XIV в. [Гинькут 2013: 448]. Однако в комплексах, сформировавшихся после 1360–1370-х гг., они пока не известны.

В Судаке большинство стратифицированных находок, как кувшинов, так и чаш происходит из культурных слоёв, образовавшихся до и в связи с событиями 1365 г. (захват генуэзцами Солдайи). Эти обстоятельства не противоречат указанным датам, но и не уточняют их. Фрагменты чаш встречаются также в более поздних отложениях, но они могли быть перемещены из ниже лежащих седиментов этого многослойного памятника.

Таким образом, очевидно, что Судак в золотоордынский период его истории был вовлечён в межрегиональную морскую торговлю итальянцев, с коммерческой деятельностью которых связывают широкое распространение ромейской поливной керамики. Город, безусловно, представлял для них коммерческий интерес, в том числе и как рынок сбыта заморских товаров, в частности – византийской столовой посуды. Дальнейшее изучение этой керамики позволит детализировать представления, как о самих изделиях, так и о роли Судака/Солдайи в их распространении.

Библиография

- БАРАНОВ И.А. Поливная керамика XIV в. из Судака // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. – Симферополь, 1998. С. 21–24.
- БАРАНОВ И.А. Комплекс третьей четверти XIV века в Судакской крепости // Сугдейский сборник. – Киев; Судак, 2004. Вып. I. С. 524–559.
- БАРАНОВ И.А., МАЙКО В.В. Комплекс поливной керамики из раскопок храма Девы Марии в Сугдее // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. – Симферополь, 1998. С. 24–28.
- БОЛДЫРЕВА Е.М. Поливные кувшины византийского происхождения на Сомосдельском городище // РА. – М., 2012. № 4. С. 125–129.
- БОЧАРОВ С.Г. Группа византийских поливных чаш второй половины XIV в. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. – Киев, 2005. Т. I. С. 306–323.
- БОЧАРОВ С.Г., МАСЛОВСКИЙ А.Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Поволжская археология. – Казань, 2012. № 1. С. 20–36.
- ГИНЬКУТ Н.В. Поливная керамика византийского круга из раскопок «Консульской церкви» генуэзской крепости Чембало // ХСб. – Севастополь, 2005. Вып. XIV. С. 99–120.
- ГИНЬКУТ Н.В. Чашка-евлогия XIV в. из раскопок храмового погребения на территории крепости Чембало // ХСб. – Севастополь, 2011. Вып. XVI. С. 57–64.
- ГИНЬКУТ Н.В. Группа поливных кувшинов и чаш XIV в. с элементами христианской символики из раскопок византийского Херсона и генуэзской крепости Чембало // XIV Международная конференция по религиоведению. «Человек в мире религиозных представлений» (Херсонес, 27–31.05.12). Тезисы докладов и сообщений. – Севастополь, 2012. С. 22–23.
- ГИНЬКУТ Н.В. Византийская поливная керамика Чембало (Крым) // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. – М., 2013. С. 441–459.
- ЗАЛЕССКАЯ В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV веков. Каталог коллекции. – СПб., 2011.
- ЗАЛЕССКАЯ В.Н. Византийская поливная керамика в литургическом контексте // Международный научный семинар «Поливная керамика Причерноморья-Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации» (Севастополь, 5–8 сентября 2014 г.). Тезисы докладов. – Севастополь. С. 47–50.
- ЗЕНЮК Д.И., МАСЛОВСКИЙ А.Н. Керамический комплекс первой четверти XV в. из раскопок в городе Азове // Поволжская археология. – Казань, 2018. № 2 (24). С. 204–221.

- КОВАЛЬ В.Ю. О новейшем «открытии» византийских глазурованных кувшинов в Италии второй половины XIII века // Международный научный семинар «Поливная керамика Причерноморья-Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации» (Севастополь, 5–8 сентября 2014 г.). Тезисы докладов. – Севастополь, 2014. С. 60–62.
- КРАВЧЕНКО А.А. Средневековый Белгород на Днестре. – Киев, 1986.
- КРАВЧЕНКО А.А. Импортная поливная керамика XIII–XIV вв. из Каффы // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур / Ред. В.П. Ванчугов. – Киев, 1991. С. 111–120.
- КРАМАРОВСКИЙ М.Г. Три группы поливной керамики из Северного Причерноморья. Византия и византийские традиции. – СПб., 1996. С. 96–116.
- МАЙКО В.В. Неизвестные страницы археологического изучения средневековой Сугдеи 1925–1931 гг. // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. – СПб., 2017. С. 232–271.
- МАСЛОВСКИЙ А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. – Азов, 2006. Вып. 21. С. 308–472.
- МЫЦ В.Л. Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV–XV вв. Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. – Киев, 2005. Т. I. С. 288–305.
- РОМАНЧУК А.И. Глазурованная керамика поздневизантийского Херсона: к вопросу о гибели города в XIII или XIV в. // АДСВ. – Свердловск, 1999. Вып. 30. С. 187–202.
- РОМАНЧУК А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Портовый район. – Екатеринбург, 2003а.
- РОМАНЧУК А.И. Кувшины и миски из слоя пожара XIV в. Херсонесского городища (сочетание техники сграффито и шамплеве) // МАИЭТ. – Симферополь, 2003б. Вып. X. С. 261–376.
- САЗАНОВ А.В., ИВАЩЕНКО Ю.Ф. Хронология слоёв генуэзской Каффы // Причерноморье в средние века. – М., 1995. Вып. 2. С. 117–130.
- СЕНГАЛЕВИЧ Г. Византийска сграффито керамика с монограми на Палеолозите // Българско е-Списание за Археология. – 2018. Sup. 6. С. 157–168. (электронный ресурс; код доступа: <http://be-ja.org>).
- ТЕСЛЕНКО И.Б. Поливная керамика византийского круга эпохи Палеологов из раскопок крепости в Алуште // МАИЭТ. – Симферополь, 2018. Вып. XXIII. С. 467–506.
- ШТЕРН Э.Р. Феодосия и её керамика // Музей Императорского Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1906. – Вып. III. С. 52–83.
- ЯШАЕВА Т.Ю. Поливная керамика из загородных монастырей Херсона // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. – Киев, 2005. Т. I. С. 247–256.

FRANÇOIS V. Elaborate incised ware: un témoin du rayonnement de la culture Byzantine á l'époque Paleologue // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. – Киев, 2005. Т. I. С. 195–208.

TALBOT RICE D. Byzantine Glazed Pottery. – Oxford, 1930.

VROOM J. Byzantin to modern pottery in the Aegen – 7th to 20th century. – Bijleveld, 2005.

WAKSMAN S.Y. The first workshop of Byzantine ceramics discovered in Constantinople / Istanbul: chemical characterization and preliminary typological study / Ed. Sauro Gelichi // Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23–27 novembre 2009. – Venezia, 2012. P. 147–151.

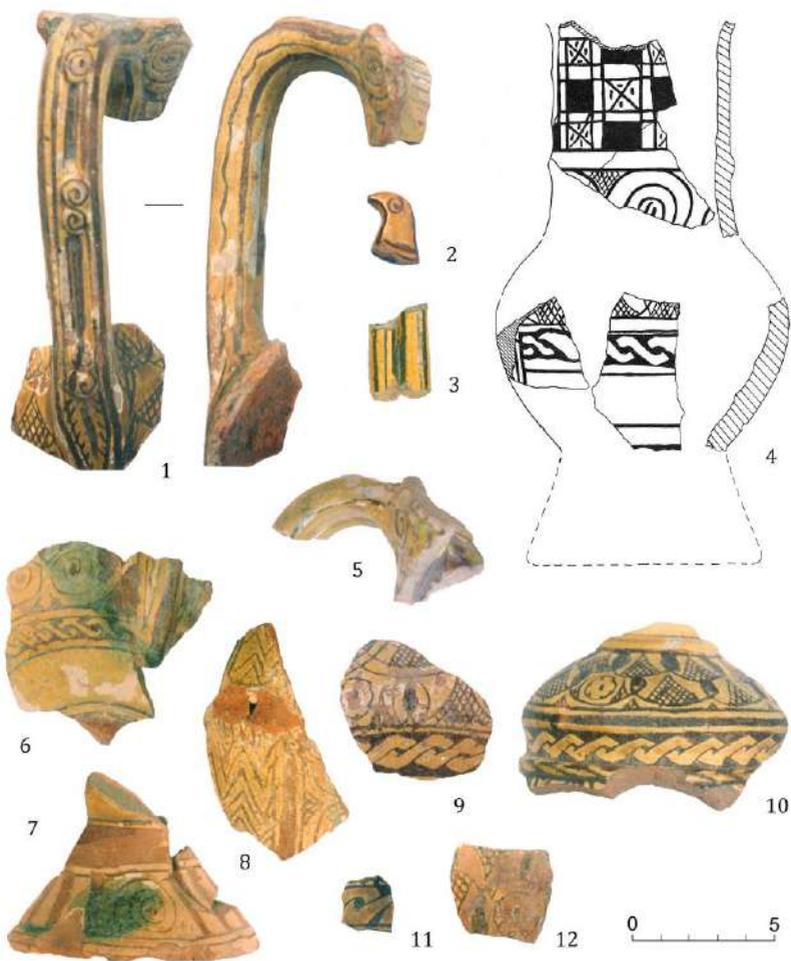

Рис. 1. Византийские кувшины, декорированные в технике сграффито и резерважа из раскопок Судака:
 1–3, 11, 12 – 1983 г.; 5–10 – 1987 г.; 4 – 1999 г.

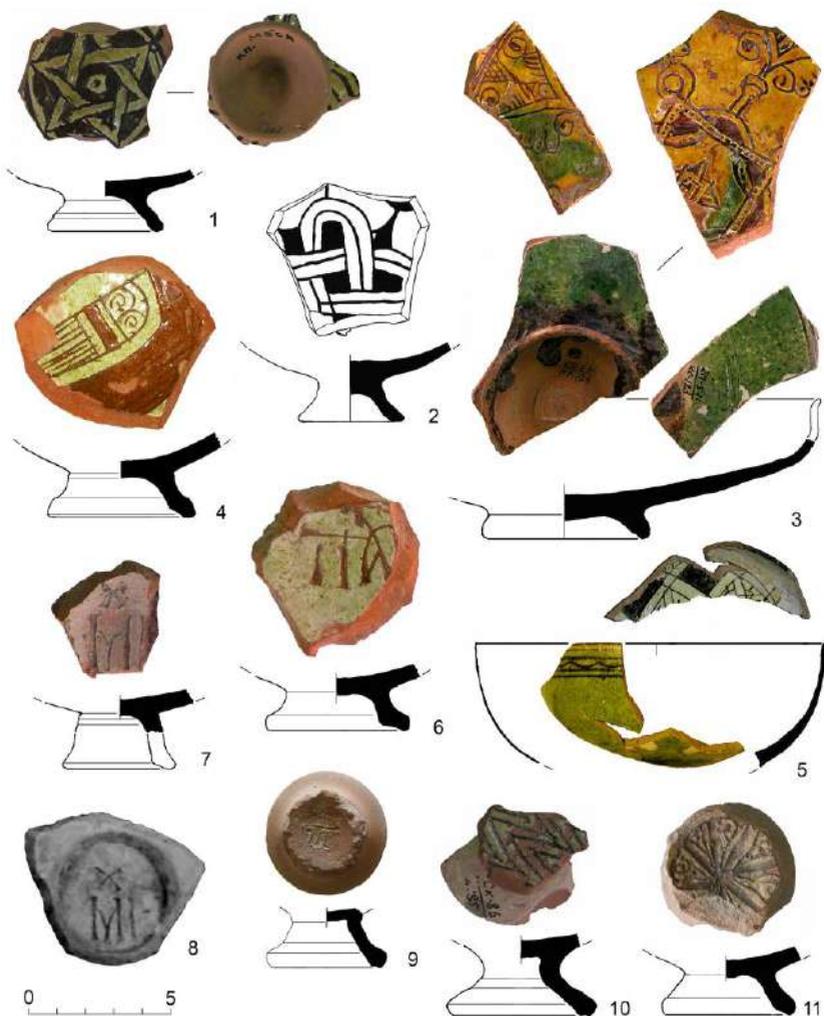

Рис. 2. EIW открытой формы из раскопок Судака (1–4, 6–11) и храма у подножья горы Килисса-Кая (5):
 1, 6 – 1993 г.; 2 – 1999 г.; 3 – сборы 1950-х гг.; 4 – 1979 г.;
 7 – 1985 г.; 8 – 1987 г.; 9 – 1969 г.; 10 – 1986 г.; 11 – 1965 г.

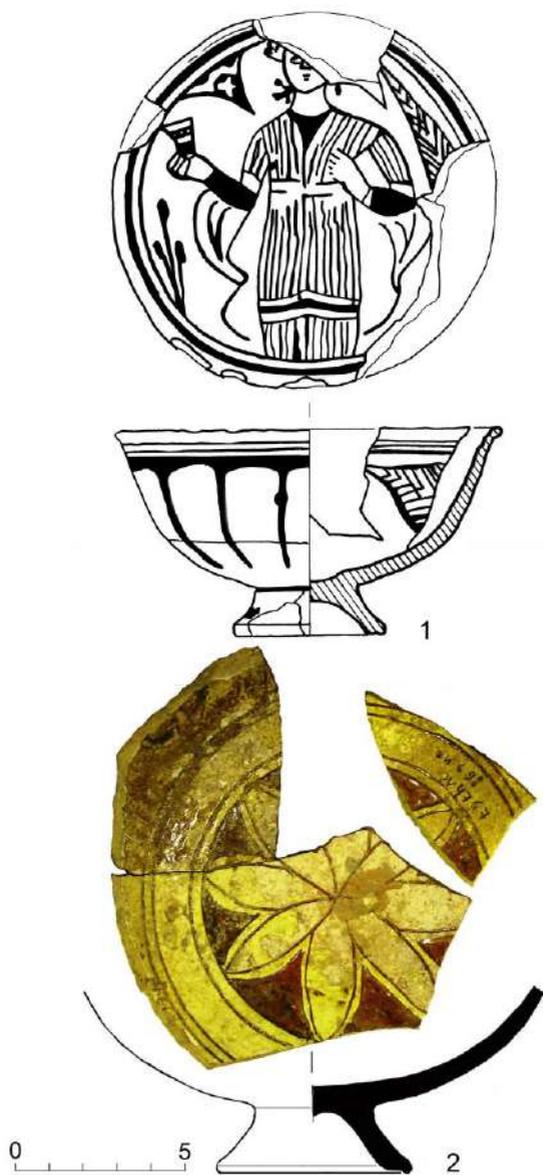

Рис. 3. EIW открытой формы из раскопок Судака:
1 – 1985 г.; 2 – 1929 г.

Е.Г. ТОЛМАЧЕВА

Центр египтологических исследований РАН
(Москва)

**«КРАСАВИЦЫ И ЧУДОВИЩА»
НА ЕГИПЕТСКИХ РААНЕВИЗАНТИЙСКИХ ТКАНЯХ:
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОРСКИХ СЮЖЕТОВ
С НЕРЕИДАМИ И ГИППОКАМПАМИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ ДЕЙР АЛЬ-БАНАТ – ФАЮМ)**

В настоящем исследовании продолжается работа по изучению, интерпретации и атрибуции археологического текстиля ранне-византийского времени, найденного на расположенном в юго-восточной части Фаюмского оазиса некрополе Дейр аль-Банат (Рис. 1).

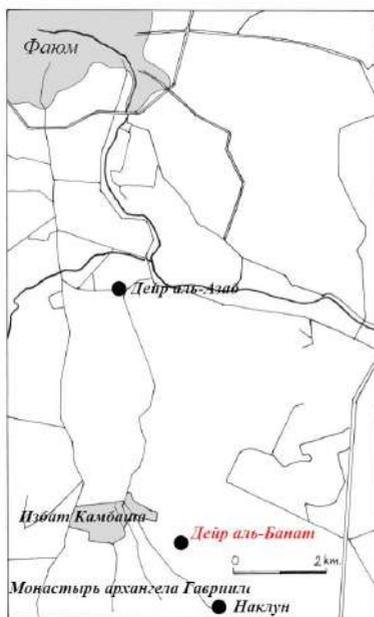

Рис. 1. Карта-схема юго-восточной части Фаюмского оазиса.

Центр египтологических исследований РАН проводит исследования этого некрополя начиная с 2003 г. Подробнее о результатах археологического изучения памятника и составе погребального инвентаря погребений см.: [Krol 2005; Фридманн 2015; Белова 2012; Белова 2017]. В результате тринадцати сезонов полевых работ стало очевидным, что перед нами обширный некрополь, вероятно, существовавший на данном месте более 1000 лет. Самые ранние захоронения Южного некрополя датируются началом птолемеевского времени (III в. до н.э.) [Белова 2017], могилы же Северного некрополя предварительно относятся к средневековому периоду (X–XI вв.). К сожалению, археологам до сих пор не удалось локализовать поселение, которому некогда принадлежал этот весьма обширный некрополь, однако? нельзя исключить предположения, что на месте этого поселения в настоящий момент находится одна из местных деревень.

Текстильный материал некрополя в силу естественных причин, обусловленных особенностями природно-климатических условий Египта, исключительно богат и разнообразен и составляет к настоящему времени около 2000 отдельных объектов, более половины которых можно отнести к ранневизантийскому времени [см.: Орфинская 2015; Tolmacheva 2017; Орфинская, Толмачева 2018 и т.д.].

В настоящей публикации речь пойдет о фрагментах шерстяного изделия с гобеленовыми вставками, найденного в могиле 165 Южного некрополя.

Погребальный обряд ранневизантийского времени, зафиксированный на многих египетских некрополях [Войтенко 2012, Voitenko 2012], в отличие от классического фараоновского, подразумевал захоронение тела в одеждах, чаще всего носимых покойным и при жизни. Специальных погребальных одеяний на некрополе Дейр аль-Банат найдено не было. Обряженное в одежды тело оборачивалось несколькими слоями погребальных пелен, среди которых могли быть как специально изготовленные для погребения грубые погребальные пелены [Tolmacheva 2017], так и переиспользованные в погребальных целях предметы интерьерного текстиля (завесы, скатерти и т.п.). Число слоёв погребальных пелен, которыми было «спеленуто» тело покойного, могло достигать четырнадцати.

Тело погребенного в могиле 165 юноши было обернуто в несколько слоев грубых погребальных пелен. Под всеми этими тканями, а также одной пеленой более высокого качества из льняной ткани в синюю клетку (вероятно, переиспользованной интерьерной ткани), тело было завернуто в некое шерстяное изделие, украшенное гобеленовыми вставками (Рис. 2). К сожалению, степень сохранности объекта не

позволяет нам строить уверенные предположения о том, что именно это было за изделие. Скорее всего, это разорванная на несколько частей шерстяная туника, однако данные фрагменты могли принадлежать также нескольким туникам или, например, шерстяной шали. Всего насчитывается более 20 разрозненных фрагментов, некоторые из которых, в результате работы реставраторов, удалось собрать в связанные композиции (Рис. 3,1).

Так, фрагмент на рис. 3,1, возможно, представляет собой основную ткань туники с квадратной гобеленовой вставкой. На вставке красным цветом выделены четыре арки, соединенные в верхней части между собой медальоном. В арках на светлом фоне расположены изображения фантастических морских животных – гиппокампов. Между арками, на темном фоне, размещены наяды, сидящие на других фантастических морских животных с львиными головами. Композиция центрального медальона практически не сохранилась, четко определяется только помещенное в светлый овал изображение зайца. На другом фрагменте (Рис. 3,2) также сохранилась часть гобеленовой вставки с изображением гиппокампа. На аналогичных фрагментах (Рис. 3,2 – 3,3) представлена та же наяда, восседающая на фантастическом морском животном с головой льва (пардолакамп).

Что же могли символизировать подобные изображения? Прежде всего, следует подчеркнуть, что морские и нильские сцены были очень распространены на египетских тканях ранневизантийского периода, на которых, в свою очередь, воспроизводились мотивы, популярные в других жанрах изобразительного искусства – например, мозаиках. Сюжеты и мотивы морских сцен относятся к числу унаследованных христианским искусством из эллинистического и римского.

Так, хорошо доказанной является связь nereid с загробным миром. В более ранние периоды nereиды и другие морские создания сопровождали души усопших в путешествии в сумрачное царство Аида. Позднее эти образы приобрели более жизнелюбивый контекст, трансформируясь в весёлых и жизнелюбивых созданий, благожелательных по отношению к смертным [Paragiannaki 2013]. Nereиды, гиппокампы (фантастические существа – гибрид лошади и рыбы) и другие морские фантастические существа (например, пардолампы, гибриды льва и рыбы) были включены в различные сюжетные композиции, такие как, свадьба Посейдона и Амфитриты, рождение Афродиты, похищение Европы. Важно, что предметы с подобными изображениями были связаны как с повседневной жизнью их владельцев (например, свадебные дары), так и встречаются в погребальном контексте.

Изображения nereid и гиппокампов на одеждах и интерьерных тканях обладали двойственной символикой, определенно выполняя апотропеические функции при жизни владельцев, и, вероятно, благопожелания в качестве заупокойных «даров».

Библиография

- БЕЛОВА Г.А. Некоторые особенности погребального обряда на некрополе Дейр эль-Банат в греко-римский период // *Aeternitas*. Сборник статей по греко-римскому и христианскому Египту / Войтенко А.А. (отв. ред.). – М., 2012. С. 7–37.
- БЕЛОВА Г.А. Предварительный отчет о работе миссии Центра египтологических исследований Российской академии наук (ЦЕИ РАН) на памятнике Дейр-эль-Банат (Фаюмский оазис) за 2017 г. // *Египет и сопредельные страны / Egypt and Neighbouring Countries*. – 2017 (4), 1–25, [Электронный ресурс].
- ОРФИНСКАЯ О.В. Классификация текстиля для памятника Дейр аль-Банат // *И земля в ликовании... Сборник статей в честь Г. А. Беловой.* / Ред. С.В. Иванов, Е.Г. Толмачева. – М., 2015. С. 286–310.
- ОРФИНСКАЯ О.В., ТОЛМАЧЕВА Е.Г. Археологический текстиль и его значение при решении вопросов социально-этнической и религиозной принадлежности населения египетской хоры в греко-римское время: по материалам некрополя Дейр аль-Банат (Фаюм) // *Stratum plus*. – 2018. № 4. С. 219–237.
- ФРИДМАНН А.М. К вопросу о предварительном изучении погребальных масок, найденных на некрополе Дейр аль-Банат (Фаюмский оазис) // *И земля в ликовании... Сборник статей в честь Г. А. Беловой.* / Ред. С.В. Иванов, Е.Г. Толмачева. – М., 2015. С. 94–114.
- KROL A.A. The RIEC archaeological and anthropological surveys at the site of Dair al-Banat // *Christianity and Monasticism in the Fayoum Oasis: Essays in Honor of Martin Krause / Gabra G. (ed.)*. – Cairo, 2005. P. 209–216.
- TOLMACHEVA E. Archaeological textiles at the Deir el-Banat site (Fayyum): parallels, study, conservation and general description // *Excavating, analyzing, reconstructing. Textiles of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 9th conference of the research group 'Textiles from the Nile Valley' / De Moor, A., Fluck, C., Linscheid, P. (eds)*. Antwerp, 27–29 November 2015. – Tielt, 2017. P. 32–60.
- PAPAGIANNAKI A. Nereids and Hippocampus: the marine Thiasos on Late Antique and Medieval Byzantine ivory and bone caskets. // *The Legacy of Antiquity: New Perspectives in the Reception of the Classical World / Kouneni L. (ed)*. – Cambridge, 2013. P. 71–103.

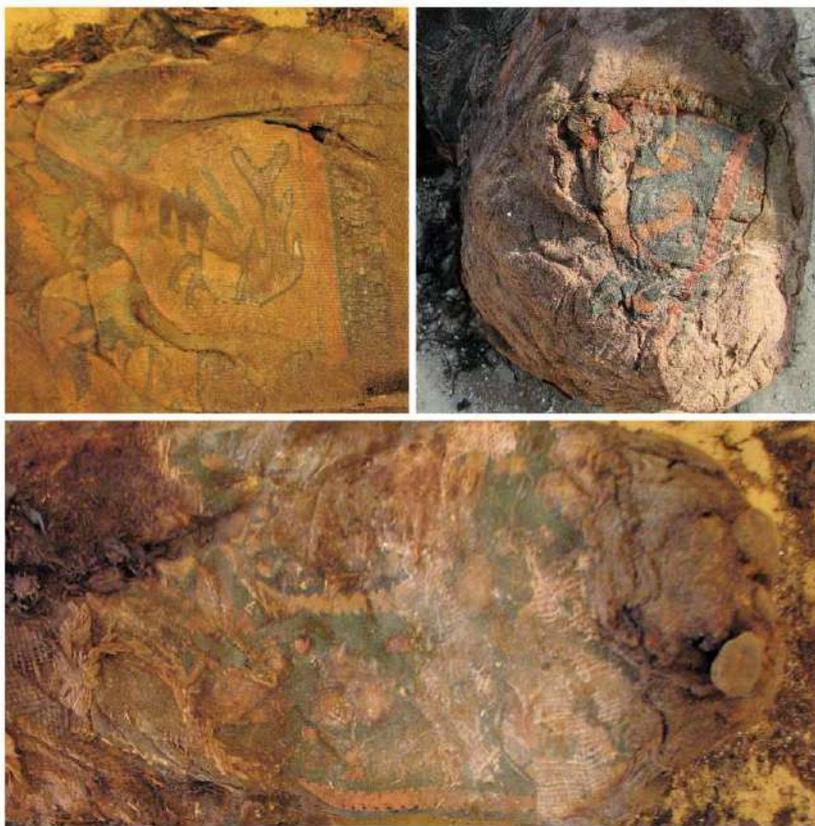

Рис. 2. Фрагменты шерстяной ткани с гобеленовыми вставками in situ.

Рис. 3. Изображения nereид и морских чудовищ.

Н.П. ТУРОВА

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ХРАМЫ ГЛАВНОЙ ГРЯДЫ КРЫМСКИХ ГОР (МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОКРУГОВ ЯЛТЫ И АЛУШТЫ)

Главная гряда Крымских гор протянулась вдоль берега Черного моря от мыса Айя на западе до Феодосийского залива на востоке [Кострицкий 1969: 18].

В районе современных муниципальных округов Ялты и Алушты она достигает наибольших высот (1200–1545 м) и является естественной защитой для Южного Берега Крыма. Её наиболее узкая береговая линия находится между заливом Ласпи и Алуштой (длина 80 км, ширина – не более 3 км, площадь 250–300 кв. км) [Фирсов 1990: 16, 17]. Главная гряда гор повлияла здесь не только на природно-климатические особенности региона, но и оказала большое влияние на исторические процессы, протекавшие на побережье с I тысячелетия до н.э. и вплоть до XVIII в. [Фирсов 1990: 58–60].

На данный момент на южных кромках яйл и близлежащих отрогов известно восемь средневековых культовых комплексов, которые представлены однефными постройками с прямоугольным в плане наосом и полукруглой апсидой [Кирилко 2018: 53].

1. Храм IX–X вв.; XIII–XV (?) вв. на скале Пахкал-Кая [Лысенко, Тесленко, Мусин 2017: 305, 308].

2. Храм на мысе Эклизи-Бурун. Не исследован [Сумароков 1805: 55].

3. Храм конца VII–XVI вв. у перевала Гурзуфское Седло [Новиченкова 2001: 3–11; 2002: 10–13; Бочаров, Кирилко 2017: 286, № 53].

4. Храм X (?)–XVII вв. в пещерном комплексе хребта Йограф (над г. Ялта) [Турова 2014: 93–173; Бочаров, Кирилко 2017: 286, № 35].

5. Храм IX–XIII вв. на вершине г. Ай-Петри [Турова 2016: 286–332; Бочаров, Кирилко 2017: 286, № 21].

6. Храм у г. Ат-Баши. Не исследован [Турова 2014: 130, прим.].

7. Храм XIII в. на скале Исар-Кая [Фирсов 1990: 382; Мыц 1991: 141, 142; Бочаров, Кирилко 2017: 283, № 14].

8. Храм в храме IX–XV вв. на г. Кильсе-Бурун [Турова 2018: 129–132; Бочаров, Кирилко 2017: 283, № 11].

Средневековые культовые постройки использовались в качестве храмов в укреплениях (Исар-Кая), в монастырских комплексах (Кильсе-Бурун), на высотах, связанных в прошлом со святилищами античного времени (Пахкал-Кая, Эклизи-Бурун, у перевала Гурзуфское Седло, Ай-Петри), на перевалах или у источников (пещерный комплекс хребта Иограф, и, возможно, храм у г. Ат-Баш). Большинство из них, построены вдали от каких-либо поселений, но были возведены в особо почитаемых христианами средневековой Таврики местах.

Христианские культовые комплексы расположены друг от друга (с востока на запад) на расстоянии – 7,77; 17,0; 12,5; 9,3; 6,7; 9,3; 2,99 км на высоте – 1141 м (Пахкал-Кая); 1527 м (Эклизи-Бурун); 1434 м (храм у перевала Гурзуфское Седло); 1250 м (пещерный комплекс Иограф); 1234 м (г. Ай-Петри); около 996 м (на склоне г. Ат-Баш); около 600 м (укрепление Исар-Кая); около 650 м (западный склон г. Кильсе-Бурун) над уровнем моря.

К сожалению, большинство храмов плохо изучены, исследованы более или менее четыре (храм у перевала Гурзуфское Седло, пещерный комплекс хребта Иограф над Ялтой, церковь на укреплении Исар-Кая и храмовый комплекс на западном склоне г. Кильсе-Бурун).

Здания размерами: 11 x 6 м (Пахкал-Кая); 11 x 3 м (храм-скит, третьего строительного периода у перевала Гурзуфское Седло); 3,6 x 2,6 м (в пещере Иограф); 6,35 x 3,75 м (Исар-Кая); 9,86 x более 5 м и 8,05 x 5,0 м (храм в храме г. Кильсе-Бурун) – ориентированы по оси запад-восток с небольшими отклонениями, построены в традиционной технике для византийской архитектуры Причерноморья и Средиземноморья.

Кладка порядная двухпанцирная с забутовкой, сложена из бутовых камней известняка с использованием песчаника, конгломерата (Пахкал-Кая) или пещерных натеков (Иограф, Кильсе-Бурун), возведена на известковом растворе, в некоторых случаях с применением глины (храм-скит третьего строительного периода у перевала Гурзуфское Седло; церковь в пещере Иограф). Апсидная – алтарная часть культовых сооружений сложена из туфовых блоков. Из инкерманского известняка изготовлены алтарь и деталь оконного откоса храма г. Кильсе-Бурун. О наличии окна над входом, в западной стене храма и в апсиде в храмовом комплексе г. Кильсе-Бурун свидетельствуют находки оконного стекла, обнаруженные снаружи постройки. Кровля зданий имела стропильную систему, была крыта черепицей или

каменными плитами. Раскопки храма у перевала Гурзуфское Седло, его третьего строительного периода конца XV – середины XVI вв., позволили Н.Г. Новиченковой выявить особенности строительной техники, имеющий частный характер – отсутствие наружного панциря и использование дёрна для утепления и укрепления стен и потолка здания [Новиченкова 2001: 7].

Храмы (Пахкал-Кая, Иограф, Исар-Кая, Кильсе-Бурун) – внутри отштукатурены; зафиксированы остатки фресковой росписи на вершине скал Пахкал-Кая, Исар-Кая, Кильсе-Бурун. Видимо, стены христианского комплекса Кильсе-Бурун были отштукатурены и снаружи. При раскопках храма у перевала Гурзуфское Седло найдены разноцветные кубики смальты, свидетельствующие о наличии в здании мозаики.

Возле двух из исследованных христианских комплексов обнаружены и погребения. В 10 м к северу от храмового здания у перевала Гурзуфское Седло найдена единственная безинвентарная плитовая могила, ориентированная по оси запад-восток, с одиночным захоронением, отмеченным исследователем памятника к позднему этапу существования комплекса – храма-скита конца XV – середины XVI вв. [Новиченкова 2001: 6, 8]. При раскопках храма г. Кильсе-Бурун, найдено 6 могил (1 – вырублена в скале; 5 – грунтовых, из них 2 имеют обкладки из бутовых камней или черепицы), ориентированных по оси запад-восток. Могила № 1, вырубленная в скале, у западной стены храма снаружи постройки, к югу от входа, с остатками трех погребённых, относится к раннему этапу храмового комплекса IX–XIII вв., могилы №№ 2–6, обнаруженные к востоку от апсидной части храма, датируются XIII (?)–XV вв. Среди погребённых найдено две женщины, возрастом до 30 и около 45 лет, четверо мужчин от 25 до 60 лет и трое детей от 6 месяцев до 2 лет.

Все упомянутые храмы Главной гряды Крымских гор, за исключением церкви в укреплении Исар-Кая, построенной в XIII в. [Мыц 1991: 141, 142], были возведены в период с IX по XI вв. Широкомасштабное культовое строительство этого времени связано с политикой Византийской империи на Южном Берегу Крыма и созданием в этот период Готской епархии.

В XIII–XIV вв. храмовые комплексы (Пахкал-Кая, Гурзуфское Седло, Иограф, Ай-Петри, Исар-Кая, Кильсе-Бурун) переживают новый этап, одни из них, как храмы в крепости Исар-Кая и, возможно, на вершине г. Ай-Петри, перестают существовать в результате бурных политических процессов, развернувшихся в регионе, другие были перестроены (Пахкал-Кая, Гурзуфское Седло, Иограф, Кильсе-Бурун)

и вновь возродились со строительной деятельностью и определением сфер влияния митрополитов Сугдеи, Готии и Херсона.

Основными индикаторами датировки объектов XIV–XV вв. являются фрагменты столово-кухонной посуды группы «Юго-Западного Крыма» и красноглиняной глазурованной керамики как импортного, так и местного производства. Из выделенных нами средневековых христианских храмов только два объекта – пещерный храмовый комплекс хребта Иограф над Ялтой и г. Кильсе-Бурун содержат подобную посуду в массовом количестве.

После оккупации Южного Берега Крыма Османской Портой в 1475 г. храмы постепенно приходят в упадок и со временем прекращают своё существование. Основными свидетельствами продолжавшихся посещений этих мест местным населением являются находки монет Крымского ханства XVI–XVIII вв., а также местные топонимы, такие как Кильсе-Бурун, Эклизи-Бурун, Ай-Петри.

Но сегодня в большинстве своём – это остатки руин, которые с каждым годом тают на наших глазах.

Библиография

- БОЧАРОВ С.Г., КИРИЛКО В.П. Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте) // Добруджа. – Силистра, 2017. № 32. С. 279–304.
- КИРИЛКО В.П. Терминологическая несообразность понятия «однефные базилики Крыма // III Свято-Владимировские чтения. Материалы международной научной конференции, посвященной 1030-летию Крещения Руси / Ред.-сост. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. – Севастополь, 2018. С. 51–53.
- КОСТРИЦКИЙ М.Е. Физико-географическое описание // Геология СССР / Отв. ред. М.В. Муратов. – М., 1969. Том VIII: Крым. Часть I. Геологическое описание. С. 18–31.
- ЛЫСЕНКО А.В., ТЕСЛЕНКО И.Б., МУСИН А.Е. Средневековый христианский храм на горе Пахкал-Кая в Южном Крыму // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой / Отв. ред. А.Е. Мусин. – СПб., 2017. С. 291–310.
- МЫЦ В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. – Киев, 1991.
- НОВИЧЕНКОВА Н.Г. Христианские памятники на Гурзуфском Седле // V Дмитриевские чтения. История Крыма: факты, документы, коллекции, литературоведение, мемуары. – Симферополь, 2001. С. 3–11.
- НОВИЧЕНКОВА Н.Г. Скит на Гурзуфском Седле // Христианство на Южном Берегу Крыма. Материалы Крымской научно-практической конференции (24 ноября 2000 г.). – Ялта, 2002. С. 10–13.
- СУМАРОКОВ П. Досуги Крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. – СПб., 1805. Часть II.
- ТУРОВА Н.П. Средневековый пещерный комплекс хребта Иограф над г. Ялтой // МАИАСК. – 2014. Вып. 6. С. 93–173.
- ТУРОВА Н.П. Культурный комплекс на вершине Ай-Петри // МАИАСК. – 2016. Вып. 8. С. 286–332.
- ТУРОВА Н.П. Второй полевой сезон исследований храмового комплекса на г. Кильсе-Бурун (Ай-Петринская яйла) // История и археология Крыма / Отв. ред. В. В. Майко. – Симферополь. 2018. Вып. VIII. С. 129–132.

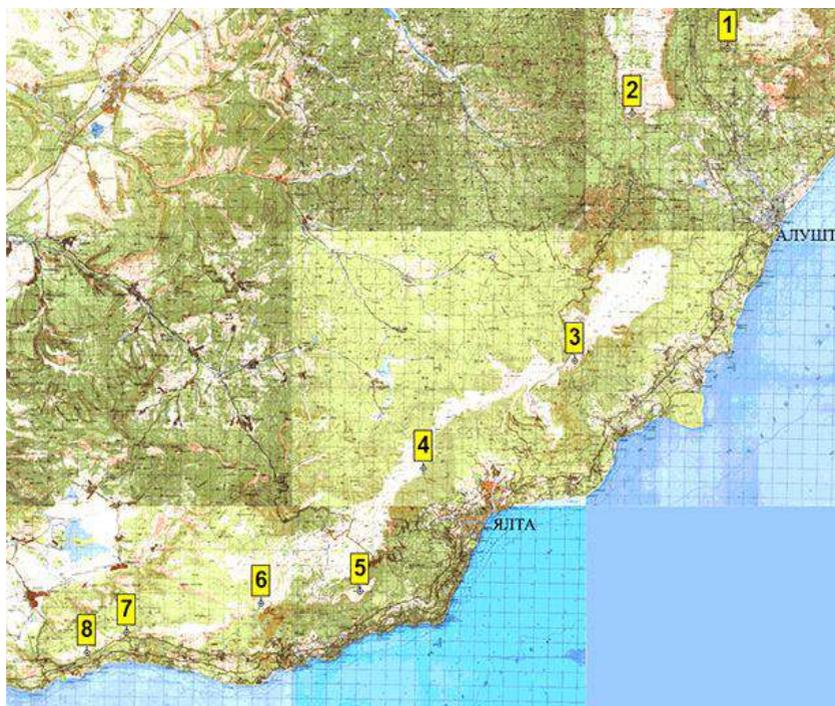

Рис. 1. Средневековые храмы Главной гряды Крымских гор:

1. Храм IX–X вв.; XIII–XV (?) вв. на скале Пахкал-Кая;
2. Храм на мысе Эклизи-Бурун;
3. Храм конца VII–XVI вв. у перевала Гурзуфское Седло;
4. Храм X (?)–XVII вв. в пещерном комплексе хребта Иограф;
5. Храм IX–XIII вв. на вершине г. Ай-Петри;
6. Храм у г. Ат-Баш;
7. Храм XIII в. на скале Исар-Кая;
8. Храм в хр. IX–XV вв. на г. Кильсе-Бурун.

Э.А. ХАЙРЕДИНОВА

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

ВИЗАНТИЙСКИЕ СЕРЬГИ-ЛУННИЦЫ VII–IX ВВ. ИЗ КРЫМА

Среди византийских украшений, бытовавших в Крыму в эпоху раннего средневековья, особый интерес представляют серьги-лунницы, получившие свое название по форме щитка (Рис. 1, 2). По материалу, конструкции и способу изготовления они представлены тремя типами: I – золотые серьги с припаянным к проволочной дужке щитком с вытисненным ажурным декором (Рис. 1,1-2); II – бронзовые или серебряные серьги с припаянным к проволочной дужке щитком с вытисненным декором и пятью, расположенными по краю полыми шаровидными, уплощенными выступами (Рис. 1,3-9); III – бронзовые цельнолитые серьги с ажурным и врезным декором (рис. 2,1-4).

К типу I отнесены две серьги, выполненные из высокопробного золота, происходящие из Керчи и хранящиеся ныне в Британском музее, в составе коллекции А.Л. Бертъе-Делагарда [Andrási, Aibabin 2008: Cat. Nr. 84, 85]. На щитке одной серьги вытиснено изображение павлина с распростертыми крыльями (Рис. 1,2), на второй – две, смотрящие в разные стороны птицы (Рис. 1,1). Щитки обеих серёг украшены напаянной по краю сканной проволочкой. Названные изделия относятся к группе византийских серёг конца VI–VII вв., бытовавших на территории Италии, Греции и Восточного Средиземноморья [Baldini-Lippolis 1999; Yeroulanou 1999]. В VII в. аналогичные украшения пользовались популярностью и у авар [Garam 2001: 18–20, Taf. 3].

Серьги типа II (Рис. 1,3-9) выявлены в могильниках Юго-Западного Крыма – Лучистое, Скалистое, Верхоречье, Эски-Кермен, Узень-Баш [Айбабин, Хайрединоva 2008; Волошинов 2005; Душенко, Манаев 2019]. Они в два раза больше серёг предыдущего типа. Заметны и различия в конструкции изделий: щиток серёг типа II оконтурен узкой пластиной, которая крепится к проволочной дужке щитка при помощи пластинчатых рифленых цилиндрических зажимов. На щитках

большинства серёг изображены павлины: парами, клюющими цветок (Рис. 1,4-6), либо по одному – с распущенным хвостом (Рис. 1,7-9). Реже встречается ажурный растительный декор [Волошинов 2005: рис. 2,10]. В могильнике Узень-Баш серьги найдены в склепе 1/1926 г. вместе с пряжками VIII–IX вв.; в Скалистом – в склепе 771, в погребении 2 вместе с бубенчиком второй половины VIII–IX вв. [Веймарн, Айбабин 1993: рис. 121, 14,27; Айбабин 1993: рис. 2,31; 5,9]; в Лучистом – в погребениях первой половины IX в. [Айбабин, Хайрединова 2008: рис. 32,13-15; 33,5-6, 9-10]. В Херсоне, в Северо-Восточном районе, в одном из домов квартала IX найдена матрица для изготовления щитков аналогичных серёг (Рис. 1,10) [Жилина 2018]. Форма, размеры щитка на матрице, а также изображение – павлин с распущенным хвостом, идентичны серьгам из Лучистого и Скалистого (Рис. 1,7-10), что позволяет говорить о производстве названных украшений в ремесленных мастерских Херсона.

В тип III выделены серьги, целиком отлитые из бронзы (Рис. 2,1-4). Это более простая вариация украшений, копирующая изящные изделия типа II. Литые серьги полностью повторяют их форму. Они сделаны с тремя или пятью небольшими сферическими выступами по краю щитка, а на некоторых даже симитирован цилиндрический зажим – конструктивная деталь, скреплявшая дужку и ободок щитка на серьгах типа II (Рис. 2,1-2), превратившийся на литых изделиях в декоративный выступ. На одной из серег из Верхореченского могильника видно изображение двух павлинов, клюющих цветок, аналогичное декору изделий типа II: здесь в такой же манере, мелкими поперечными черточками предано оперение птиц (Рис. 2,4). Щиток названной серьги оконтурен точечными углублениями, имитирующими пуансонный декор на украшениях типа II. Остальные серьги типа III украшены врезными кружками с точкой в центре, на некоторых сделаны бесформенные отверстия, грубо повторяющие ажурный декор серёг типов I и II (Рис. 2,1-3).

Учитывая происходящую из Херсона каменную литейную форму для изготовления аналогичной по форме серьги (Рис. 2,5), можно говорить о производстве этих изделий местными ремесленниками. Серьги делали вместе с нагрудными крестами и листовидными подвесками. На литейной форме из серого шифера вырезаны углубления для отливки креста, листовидной подвески и серьги-лунницы (Рис. 2,5). Набор из трех предметов, изготовленный в этой литейной форме, был украшен в едином стиле – рельефными полусферическими выступами. Крест с закругленными концами и листовидная подвеска, скорее всего, должны были носиться вместе, в

одной низке бус (Рис. 2,6). Судя по найденной в Египте литейной форме для одновременного изготовления креста, медальонов и серьги-лунницы с пятью выступами (Рис. 2,7), в эпоху раннего средневековья и в других регионах империи производили аналогичные по составу наборы украшений.

Серьги-лунницы носили парами (Рис. 2,6). Как правило, в пару объединяли две одинаковые серьги. В Лучистом, в могиле 203 зафиксирован единственный случай, когда в пару включили две разные серьги. На обеих серьгах изображены клюющие цветок павлины, но выполнены они по-разному. На щитке одной серьги декор проработан детально – перья на павлинах показаны многочисленными поперечными черточками, по контуру щиток декорирован двумя рядами параллельных пуансонных точек (Рис. 2,6); на второй серьге – птицы переданы несколькими линиями, пуансонный декор по контуру отсутствует (Рис. 2,5). Возможно, вторая серьга выполнена менее опытным мастером, неумело скопировавшим рисунок первого украшения.

Византийские серьги-лунницы появились в Крыму в VII в. Судя по находкам, первоначально их носили только на Боспоре. Позже, в VIII в. серьги распространились и в Юго-Западном Крыму, у представительниц местного готто-аланского населения. Такое «запоздалое» распространение повсеместно популярных византийских украшений легко объяснимо. Женский костюм местного населения на протяжении долгого времени – с середины V и до конца VII вв. сохранял ярко выраженные восточногерманские черты. Обязательным компонентом этого костюма были традиционные серьги с многогранником, которые производились местными ювелирами в разных вариациях [Хайрединова 2013: 187, 194–196; Хайрединова 2015: 95]. К концу VII в. из одежды женщин исчезли парные двупластинчатые и пальчатые фибулы, а византийские поясные застежки полностью вытеснили местные большие пряжки, лишив костюм этнического своеобразия. В первой половине VIII в. по одежде крымских готок нельзя было отличить от жительницы любой византийской провинции [Айбабин, Хайрединова 2017: 271]. Именно тогда в моду и вошли серьги-лунницы, центром производства которых стал Херсон. По византийским образцам местные ремесленники изготавливали как лёгкие, ажурные серьги с вытисненным декором на щитке (тип II), так и более массивные, литые украшения с упрощенным декором (тип III).

Библиография

- АЙБАБИН А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – Симферополь, 1993. Вып. III. С. 121–133.
- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Могильник у села Лучистое. – Симферополь; Керчь, 2008. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг.
- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). – Симферополь, 2017.
- ВЕЙМАРН Е.В., АЙБАБИН А.И. Скалистинский могильник. – Киев, 1993.
- ВОЛОШИНОВ А.А. Раннесредневековый склеп на могильнике у с. Верхоречье Бахчисарайского района // МАИЭТ. – Симферополь, 2005. Вып. XI. С. 252–257.
- ДУШЕНКО А.А., МАНАЕВ А.Ю. Предварительные результаты археологического исследования Верхореченского могильника в 2018 г. // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма. Материалы международной конференции, посвященной 70-летию А.И. Айбабина / Ред.-сост. Э.А. Хайрединова. – Симферополь, 2019. С. 44–48.
- ЖИЛИНА Н.В. Лунничные серьги и колты средневекового Крыма (матрица из фондов ГИАМЗ «Херсонес Таврический») // МАИЭТ. – Симферополь, 2018. Вып. XXIII. С. 269–276.
- ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. Симферополь; Керчь, 2013. Вып. XVIII. С. 187–216.
- ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма // МАИЭТ. – Симферополь, 2015. Вып. XX. С. 95–132.
- ANDRASI J., AIBABIN A. The Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and related Material. – London, 2008.
- BALDINI-LIPPOLIS I. L'oreficeria nell' Imperio di Constantinopoli tra IV e VII secolo. – Bari, 1999.
- GARAM È. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts – Budapest, 2001 (Monumenta Avarorum Archaeologica N 5).
- YEROULANOU A. Diatria. Gold pierced-work jewellery from the 3rd to the 7th century. – Athens, 1999.

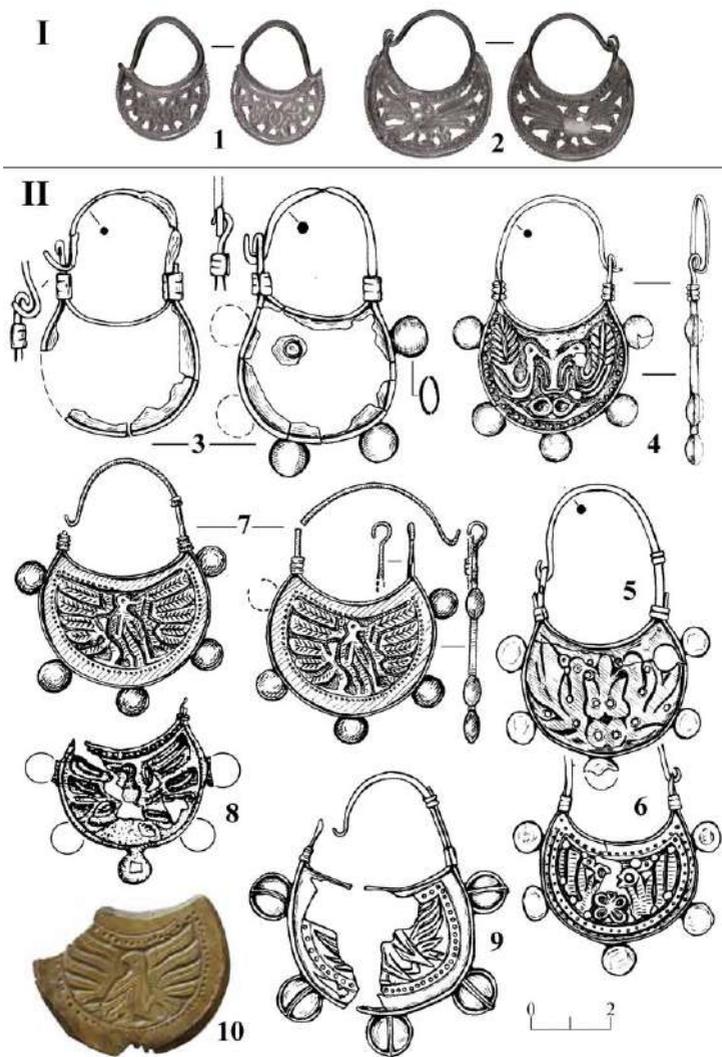

Рис. 1. Серьги-лунницы типов I (1, 2) и II (3–9) из Крыма и бронзовая матрица для изготовления щитков серег (10):
 1, 2 – Керчь, коллекция А.Л. Бертье-Делагарда, Британский музей;
 3–7, 9 – Лучистое (3 – склеп 20; 4 – склеп 29; 5, 6 – могила 203;
 7 – склеп 14; 9 – могила 37); 8 – Скалистое, склеп 771;
 10 – Херсон, Северо-Восточный район, IX квартал.

Рис. 2. Цельнолитые серьги-лунницы типа III из Крыма (1–4) и каменные литейные формы для производства подобных изделий (5, 7): 1, 2 – Лучистое; 3, 4 – Верхоречье; 5, 5а, 6 – Херсон (литейная форма и реконструкция женского убора, включающего украшения, сделанные в ней); 7, 7а – Египет.

P. CHARALAMPAKIS

Greek State Scholarships Foundation
(Athens, Greece)

Chr. MALATRAS

University of Cologne
(Cologne, Germany)

THE SEALS OF OFFICIALS IN SELEUKEIA¹

The present work is part of the larger project on Byzantine *themes* of the *TAKTIKON* database developed at the Academy of Athens.

I. Military and civil.

Seleukeia was part of the province Isauria in the Early Byzantine period. It appears as an administrative unit already in the late seventh century. The seal of this anonymous official may have been among the earliest ones related to *thematic* administration.

1. N. ...., and droungarios of Seleukeia (Fig. 1).

Obv.: Cruciform invocative monogram, indeterminate type (Laurent: type V?); inscription in the quarters: Δδ – ..|VC – δ: <τοῦ> δού[λο]υ σου; wreath border.

Rev.: Inscription in five lines (three surviving); wreath border.

...|...ΚΞC|ΣΔΡΟΝΓΑ|ΡΙCCEΛΕΝ|ΚΙΑC: ...κες (καὶ) δρογγάρις Σελευκείας.

Θεοτόκε (or Κύριε) βοήθει τοῦ δούλου σου ...κες καὶ δρογγάριος Σελευκείας.

Unfortunately, almost a third of the original seal is missing; it must have contained ca. five lines of which only three are fully visible. From the owner's first name (or the title) one can only read the letters EC preceded by a possibly K or Λ on the second line. A noteworthy syntactical feature is the case change from dative required by the invocation (Θεοτόκε βοήθει) to genitive (δούλου σου), without the necessary definite article, and then to nominative on the reverse (δρογγάρις). The archaic elements in the form and the lettering of the

---

¹ We thank professor Kay Ehling, Director of the Staatliche Münzsammlung München, for the permission to publish seals no. 531 and 605.

seal suggest a date around the late seventh century, unless we are dealing with a provincial engraver, which could move the date to the early eighth century.

Droungarios is usually the commander of a naval unit. The central fleet of Constantinople was commanded by the *droungarios of ploimon*; the naval *theme* of Aigaion Pelagos was, until the second half of the ninth century, commanded by a *droungarios*; and Tiberios-Apsimarios was a *droungarios* of the Kourikiotai (<Korykos) when he was proclaimed emperor [Theophanes 1883: 370]. Three more *droungarioi* of Seleukeia are known before the ninth century.

Subsequently, Seleukeia was headed by a *kleisourarches*. As with other known *kleisourai*, Seleukeia is absent from the two earliest (ninth century) *taktika* of Uspenskij and Philotheos. In the past, the assumption that at some time in the seventh century the Byzantine territory was divided into *themes* and the fact that Seleukeia was not headed by a *strategos* in its early phase, led to the conjecture that the latter area was initially part of the naval *theme* of the Kibyraiatoi, commanded by a *droungarios* [McGeer, Nesbitt, Oikonomides 2005: 9; Hild, Hellenkemper 1990: 403]. This idea was incorrect because other autonomous administrative units such as *droungariates*, *archontiai* or *doukata*, each with their proper civil and military apparatus, co-existed with the *themes* [Malamut 1988: 299 ff.; Winkelmann 1985: 97]. Seleukeia, therefore, could have been one of those autonomous units, first headed by a *droungarios*, then by a *kleisourarches*. This is also suggested by the fact that civil officials connected to the *thematic* administration such as the *protonotarioi* [McGeer, Nesbitt, Oikonomides 2005: nr. 6.21], the *chartoularioi* [Zacos, Veglerly 1972: nr. 2636; Cheynet, Gökyıldırım, Bulgurlu 2012: nr. 3.101] and the *kritai* [Zacos 1984: nr. 221, one of the earliest *kritai* attested through seals] existed before Seleukeia's upgrade to a *theme*.

Seleukeia, as naval unit, may have been indeed headed by a *droungarios*, but after the loss of Cilicia to the Arabs it became necessary to defend also the coastal passes from Syria to Asia Minor. Hence Seleukeia was organized as a *kleisoura* and, according to Arabic sources, in the late ninth century it could raise 5.000 men [Pertusi 1952: 147, 148]. About 12 *kleisourarchai*, spanning from the early ninth to the early tenth centuries, are known through seals. Since the *kleisourarchai* ranked lower than any *strategos*, they were not assigned with high titles; thus, they all bore the titles of *imperial protospatharios*, *imperial spatharokandidatos* and *imperial spatharios*. The earliest among them is an anonymous *spatharokandidatos* from the first half of the ninth century [Sode 1997: Nr. 308] and the latest one a certain certain Arsaber, imperial protospatharios [McGeer, Nesbitt, Oikonomides 2005: nr. 6.9].

Seleukeia became a *theme* under Romanos I Lekapenos at some time between 927 and 934, ranking thirteenth in the hierarchy of *themes* in *De Thematibus* [Oikonomides 1972: 350; Pertusi 1952: 77]. Ever since, Seleukeia was headed by *strategoi*, 12 of which, dated from the mid-tenth to the late eleventh century, were known. To this list we may now add one more.

2. Theophylaktos imperial protospatharios, and strategos of Seleukeia (Fig. 2).

Germany: Munich, Staatliche Münzsammlung 605

(ex Zarnitz collection).

D(t): 28X24 mm; Th: 3 mm; W: 10,38 g.

Unpublished. No known parallels.

Obv.: Archangel Michael (bust) wearing a loros; border of dots; circular inscription: [...]ΜΙΧΑΗΛ.[...]

Rev.: Inscription in five lines; border of dots.

• • • |ϠΘΕΟΦΛ|..KTR'A'C|..ΘSCTP|...Γ,CEΛ|VKIA|. • • •

+ Θεοφου[λά]κτ(ω) β(ασιλικῶ) (πρωτο)σ[πα]θ(αρίω) (καί) στρ[ατη]γ(ῶ)
Σελ[ε]υκία[ς].

Due to its lettering (particularly the form of Φ), as well as the depiction of Archangel Michael with *loros*, the seal suggests a date around the early eleventh century.

In the eleventh century, Seleukeia, still headed by a *strategos*, was included in the *doukaton* of Antioch, i.e. under the general military command of the *doux* of Antioch. Nevertheless, the *krites* of Seleukeia may have had jurisdiction over the whole *doukaton* of Antioch, where no other *kritai* are recorded. In fact, the office of the *kritai* of Seleukeia was combined to that of *meγas kourator* of the nearby Tarsos which, as suggested, may have been the base of civil administration for the *doukaton* of Antioch [Λεβενιώτης 2007: 408 ff.; Cheynet 2006: 1–16]. This is the case, for example, of Ioannes Kalopsychos (Fig. 3), whose seal is dated around the first third of the eleventh century (Dr. Busso Peus Nachfolger 376 (29 Oct. 2003), nr. 1360).

Obv.: Inscription in five lines.

–:–|+KER,Θ,|TWCWΔΣ,|ἸΩΑΝΝΑΝ|ΘΑΡ,ΚΡ,|Τ,ΕΠ,

Rev.: Inscription in five lines.

–:–|Τ,ΙΠΠ,ΔΡ,|C,ΛΕΥΚ,SK|.ΑΤ,Ρ,ΤΑ|ΡC,ΤΚ,Λ,|ΨVX,

+ Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) τῶ σῶ δού(λω) Ἰω(άννη) (πρωτο)σπ[α]θαρ(ίω)
κρ(ι)τ(ῆ) ἐπ(ί) τ(οῦ) Ἰππ(ο)δρ(όμου) Σ(ε)λευκ(είας) (καί) κ(ου)[ρ]άτ(ω)ρ(ι)
Ταρσ(οῦ) τ(ῶ) Κ(α)λ(ο)ψύχ(ω).

The surname of the owner could well have been Kallipsychos, like a namesake attested in the letters of Psellos [Psellos 1876: 467 (no. 183)]. On the other side, it is equally possible that Psellos may have altered the original

name Kalopsychos in order to fit his word-play or to look more antiquarian (Ἡ δὲ κάλλιστη ψυχὴ, ὁ Καλλίψυχος, ἔτι κάλλιων ἐφάνη ἡμῖν...). Besides, in this period surnames were often spelled quite differently (e.g. Μακρομβολίτης-Μακρομπολίτης or Κουρτίκιος-Κουρτίκης-Κουρτίκης).

II. Ecclesiastical.

The bishopric of Seleukeia in Isauria was established in the fourth century. In the fifth century it was promoted to a metropolis, encompassing Isauria and Rough Cilicia (Tracheia Kilikia), originally subordinate to the Patriarchate of Antioch whose area was conquered by the Arabs in the seventh century. Eventually the Patriarchate's function was altered so that at some time in the eighth century, under Leo III the Isaurian, Seleukeia passed under the jurisdiction of Constantinople. It was soon after 969, when the Byzantines took back Antioch, that Seleukeia was returned to the Antiochene Patriarchate. The earliest known bishop of Seleukeia, Agapios, participated in the Council of Nicaea in 325, and the first metropolitan, Dexianos, in that of Ephesos in 431. So far, for the period that concerns us (late seventh century to late eleventh century), no less than 15 metropolitans of Seleukeia are known through literary and sigillographic sources.

We present here the seal of a previously unknown metropolitan of Seleukeia, dated ca. 1050–1075.

3. Theophanes proedros (metropolitan) of Seleukeia (Fig. 4).

Germany: Munich, Staatliche Münzsammlung 531

(ex Zarnitz collection).

D(t): 19 mm; D(f): 15 mm; W: 5,53 gr.

Unpublished. No known parallels.

Obv.: Inscription in four lines; border of dots.

· · - |+ΘΕΩ|ΦΑΝΗÇ|ΠΡΟΕ|ΔΡΟÇ| - · ·

Rev.: Inscription in three lines; border of dots.

· · - |ΤΗÇ|ÇΕΛΕΝ|ΚΕΙΔÇ| - · ·

+ Θεοφάνης πρόεδρος τῆς Σελευκείας.

This short contribution is an example demonstrating the potential of sigillography for the research on one of the still relatively unknown Byzantine *themes*.

Bibliography

- CHEYNET J.-CL. The Duchy of Antioch during the second period of Byzantine rule // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. – Leuven; Paris; Dudley; MA, 2006. Vol. I. P. 1–16.
- CHEYNET J.-CL., GÖKYILDIRIM T., BULGURLU V. Les sceaux byzantins du Musée archéologique d'Istanbul. – Istanbul, 2012.
- HILD F., HELLENKEMPER H. Kilikien und Isaurien // *Tabula Imperii Byzantini*. – Vienna, 1990. Bd. 5. Teil 1–2.
- ΛΕΒΕΝΙΩΤΗΣ Γ. Η πολιτική κατάρρευση του Βυζαντίου στην Ανατολή. – Thessaloniki, 2007. Vol. 1–2.
- MALAMUT E. Les îles de l'Empire byzantin, VIIIe–XIIe siècles. 1–2. – Paris, 1988.
- McGEER E., NESBITT J., OIKONOMIDES N. Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and the Fogg Museum of Art. – Washington, D.C., 2005. Vol. 5.
- OIKONOMIDÈS N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. – Paris, 1972.
- PERTUSI A. Costantino Porfirogenito. De Thematibus. – Città del Vaticano, 1952.
- Psellos – Μιχαήλ Ψελλοῦ ἐπιστολαί / Ed. K. Sathas // Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη. – Venice; Paris, 1876. Vol. 5. P. 219–523.
- SODE C. Byzantinische Bleisiegel in Berlin II // ΠΟΙΚΙΛΙΑ ΒΥΖΑΝΤΙΝΑ – Bonn, 1997. Bd. 14.
- Theophanis Chronographia / Ed. de Boor C. I. – Leipzig, 1883 (repr. Hildesheim, 1963).
- WINKELMANN F. Byzantinische Rang- und Ämterstruktur im 7. und 8. Jahrhundert. – Berlin, 1985.
- ZACOS G. Byzantine Lead Seals. – Bern, 1984. Vol. II.
- ZACOS G. VEGLERY A. Byzantine Lead Seals. – Basel, 1972. Part 1–3.

Fig. 1. The Seal of no name official, and droungarios of Seleukeia (Early Eighth Century).
Münz Zentrum 145–147 (3–5 Sept. 2008), no. 1837.

Fig. 2. The Seal of Theophylaktos, imperial protospatharios and strategos of Seleukeia (Early Eleventh Century).
© Staatliche Münzsammlung München. Photo: P. Charalampakis.

Fig. 3. The Seal of John, protospatharios, judge of Hippodrome of Seleukeia and kourator of Tarsos (First Third of the Eleventh Century).
Dr. Busso Peus Nachfolger 376 (29 Oct. 2003), no. 1360.

Fig. 4. The Seal of Theophanes metropolitan of Seleukeia (ca. 1050–1075).
© Staatliche Münzsammlung München. Photo: P. Charalampakis.

Н.И. ХРАПУНОВ

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМА В ОПИСАНИЯХ И НА РИСУНКАХ РЕДЖИНАЛЬДА ХЕБЕРА И РОБЕРТА-УИЛЬЯМА ХЕЯ¹

Реджинальд Хебер (1783–1826) прославился в Англии как автор религиозных гимнов, а в Индии – как миссионер и англиканский епископ Калькутты. В молодости он совершил путешествие по Европе, обычное для образованных англичан, стремившихся таким образом приобрести практические знания для подготовки к карьере. В 1806 г. Хебер побывал в Крыму. В дороге он вёл дневник, а также рассказывал об увиденном в письмах к родственникам и друзьям, делал зарисовки экзотичных пейзажей и построек. После возвращения на родину Хебер разрешил воспользоваться этими материалами знаменитому путешественнику Эдварду-Даньелу Кларку (1769–1822), который обильно цитировал дневник своего товарища в примечаниях к своему труду и использовал его рисунки в качестве иллюстраций [Clarke 1810]. После смерти Хебера его дневники и письма издала его вдова Амелия [Heber 1830]. Впоследствии крымская часть записок Хебера и одно из его писем были опубликованы в русском переводе [Храпунов 2008а; Храпунов 2008б]. Англичанин оказался добродушным и спокойным наблюдателем. Хотя Хебер интересовался античностью и знал латынь и греческий, в его записках античные археологические памятники не описаны. Видимо, все дело в том, что тогда они или были скрыты под землей, или разрушались строителями современных городов.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

Лишь иногда Хебер пытался локализовать известные древним городки на крымском берегу или удивлялся сходству крыш татарских мечетей с афинскими храмами, описанными Аристофаном. Зато путешественник подробно описал развалины генуэзской крепости Каффы и ханский дворец в Бахчисарае.

В 1807 г. Хебер написал «руководство путешественника» по востоку Европы для своего товарища Роберта-Уильяма Хей (1786–1861), собиравшегося отправиться в зарубежную поездку. В отличие от Хебера, Хей прибыл в Крым не с востока, через Керченский пролив, а с севера, через Перекоп. Дорожные дневники Хей не изданы. Впоследствии их автор занимал довольно высокие посты в службе снабжения британского флота и в Министерстве по делам колоний. Впрочем, его деловые качества значительно уступали эпистолярным талантам. Выйдя в отставку и получив существенную пенсию, последние годы он провел на Мальте. Сделанные в поездке наброски он передал священнику Даныелу Финчу (1757–1840), который придал им законченный вид, расцветив акварелью. Затем Хей объединил их с рисунками Хебера, создав альбом, названный «Живописное путешествие по Крыму». Для рассказа об объектах, изображенных на рисунках, Хей использовал цитаты из своих и Хеберовых дневников, а также из английского перевода знаменитого травелога немецкого энциклопедиста Петера-Симона Палласа (Pallas 1803). Записки Хей любопытны тем, что они транслируют популярную легенду о погребении Митридата VI Евпатора в Пантикапее, сообщают местное представление о церкви Иоанна Предтечи, некогда бывшей языческим храмом, а также сохранили мифы о караимах как потомках Геродотовых меланхленов и о генуэзских властителях Чуфут-Кале.

Рисунки Хебера и Хей представляют интерес для археологов, ведь они зафиксировали некоторые памятники, впоследствии пострадавшие от антропогенных и природных факторов (Рис. 1, 2). Их издание способствовало бы пополнению корпуса видов Крыма конца XVIII–XIX вв. Хебер изобразил укрепления в Каффе и Судак, татарские мечети на южном берегу, крепость и жилые кварталы в Балаклаве, монастырь и замок в Инкермане, а также бахчисарайский ханский дворец. На рисунках Хей представлены Каффа и Пантикапей, Судак и Инкерман, разные сооружения бахчисарайского дворца и мавзолеев с окружающим кладбищем на Чуфут-Кале.

Библиография

- ХРАПУНОВ Н.И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // МАИЭТ. – Симферополь, 2008а. Вып. XIV. С. 645–697.
- ХРАПУНОВ Н.И. Путеводитель по Восточной Европе начала XIX века // БИАС. – Бахчисарай, 2008b. Вып. 3. С. 299–315.
- CLARKE E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Pt. 1: Russia, Tartary, and Turkey. – London, 1810.
- [HEBER R.] The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. Vol. I. – New York, 1830.
- PALLAS P.S. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in the Years 1793 and 1794. – London, 1803.

Рис. 1. Реджинальд Хебер. Каффа.

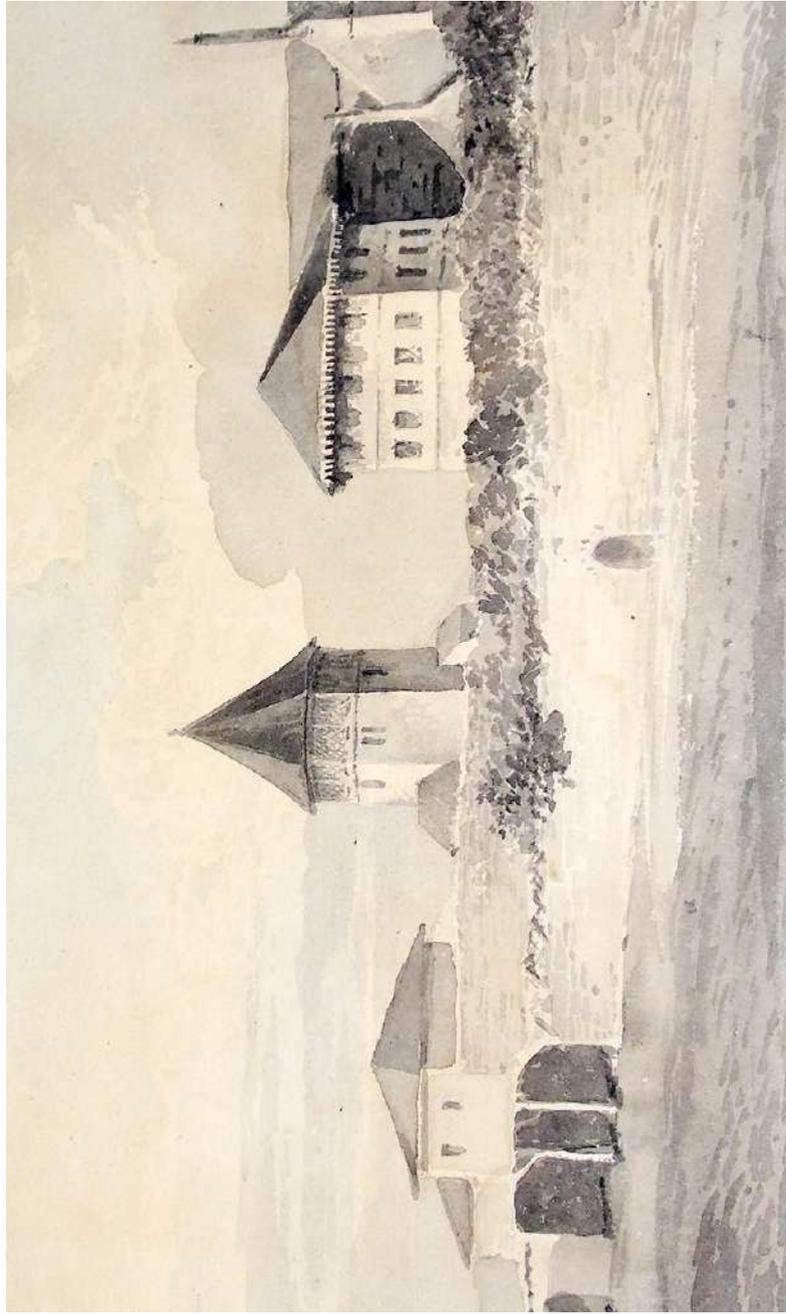

Рис. 2. Роберт-Уильям Хей. Бахчисарайский дворец.

К. ЦУКЕРМАН

École Pratique des Hautes Études,
Université de recherche Paris Sciences et Lettres
UMR 8167 Orient & Méditerranée – Monde byzantin
(Paris)

ЗАКАТ ВИЗАНТИЙСКОЙ ВЛАСТИ В КРЫМУ: ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ОТКЛИК

Полтора года назад я выступил со статьёй, в которой показал, что органы имперской власти в Крыму исчезают – после тысячелетнего, хоть и не непрерывного присутствия – в конце XI в. [Zuckerman 2017]. Неожиданность была велика, и статья, как, впрочем, и большинство моих статей, была принята в штыки. Далее я коснусь некоторых положений моих критиков, но начну с оптимистической ноты. Сразу после публикации моей работы в историографии средневекового Крыма родился новый термин: «постфемный период». Созданный В.П. Степаненко [Степаненко 2018], он тут же органично вписался в работы и других участников дискуссии [Чхаидзе 2018б: 723]. С моей статьёй никто из авторов появления этого термина не связал, но я рад столь скорому признанию того, что в последней трети XI в. в военно-административной истории Крыма начинается новый период, определяющие черты которого нам ещё предстоит установить.

Менее приятно отмечать, что полемика сразу приобрела очень резкий характер. В.Н. Чхаидзе [Чхаидзе 2018а; 2018б], водрузивший себя судьёй всех публикаций по Матрахе-Тмутаракани и прилегающему к ней Крыму, не преминул дать и специальную «оценк[у] труда К. Цукермана». Последнему он ставит, среди прочего, в упрёк «небрежность формулировок» и «менторский тон», разоблачив в нём (правда, без раскрывающих суть обвинения цитат) «проводника антиимперской идеи, причём в проекции на собственные воображаемые современные имперские реминисценции». Финальный вердикт суров: «Исходя же из всех вышеизложенных положений, работу К. Цукермана приходится рассматривать как нечто среднее между историографическим курьёзом и политическим манифестом» [Чхаидзе 2018а: 171–172].

Увлечшись расставлением оценок, мой оппонент даже и не попытался разобрать по существу выдвинутые мною аргументы, хотя местами, как мы обнаружим, проявил к ним неожиданную восприимчивость. В настоящей заметке я хотел бы рассмотреть пару моментов, ставших предметом спора, а также высказать несколько соображений по дальнейшему изучению «постфемного периода».

1. Последние византийские чиновники в Крыму и на Тамани.

Среди недавних находок, послуживших толчком к написанию моей статьи – новый тип печати Тмутараканского князя Олега-Михаила из коллекции А. Шереметьева, опубликованный А.А. Алфёровым. Фрагмент печати того же князя иного, также отличного от известного ранее, типа был представлен В.Н. Чхаидзе. В работе последнего хронологическая последовательность трёх типов печатей не определялась, я же попытался её обосновать [Zuckerman 2017: 318–322; ссылки на источники и литературу, приведённые в статье, здесь нет необходимости повторять]. В своих полемических опусах В.Н. Чхаидзе сначала повторяет свою старую формулировку о том, что «последовательность появления [печатей], как и причины изменения типов, могут являться предметом дискуссии» ..., но затем тут же выстраивает их в той последовательности, которую обосновал я, снабжая абсолютными датами [Чхаидзе 2018а: 169; 2018б: 722]. Тем самым потребность в дискуссии явно отпадает.

Относительно двух ныне известных оттисков печати, прочитанной А.А. Алфёровым, В.Н. Чхаидзе признаёт теперь, что эти «печати (...), вероятно, были исполнены резчиком в Константинополе в 1083 г.». И не суть важно, что автор путает собственно печати, оттиснутые в Тмутаракани, с матрицей, изготовленной в Константинополе – главное в том, что и он признаёт за изначальный тот тип печати, на которой Михаил фигурирует как «архонт и дука Матрахи и всей Хазарии».

Что касается фрагментарной печати, от которой осталась лишь половинка, то здесь нет места для споров о реконструкции её текста, но теперь и В.Н. Чхаидзе считает её тип промежуточным. А наиболее распространенный тип печати, всеми ныне признанный за позднейший, представляет Михаила как «архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии». Мой анализ политической истории правления Олега-Михаила строился на том, что он возвращается в 1083 г. в Тмутаракань как византийский наместник (дука) и князь (архонт) Тмутаракани и Хазарии, а затем опускает своё имперское звание, добавив к своему домену Зихию. Я предположил, что эта территориальная экспансия произошла в ущерб Византии. Однако В.Н. Чхаидзе, перед тем как расставить печати по хронологии и привести их текст, заявляет следующее: «Таким образом,

нет оснований отрицать того, что с момента своего появления в Матрахе-Тмутаракани Олег выступал в качестве представителя византийской администрации на территории, включающей Матраху, Зихию и часть Крыма, – об этом и свидетельствуют три известных к настоящему времени типа его печатей». Но как же этого не отрицать, если на наиболее ранней, официальной константинопольской печати Олега-Михаила Зихия отсутствует? Пусть мне так и быть историографическим курьёзом, но истина дороже.

Предметом особой дискуссии стало указание, общее для всех трёх типов печатей, о вхождении в состав владений Олега-Михаила «*всей Хазарии*». Собрав примеры употребления прилагательного «вся» в соединении с названием территориальной единицы, В.Н. Чхаидзе писал: «Из представленных примеров следует, что на протяжении конца X – первой половины XII вв. существовало различие в обозначении территорий и областей на печатях их правителей. Так появление приставки *πάσης* в случае с Западом, Востоком (или вместе с этими областями [? – *К.Ц.*]), Азией или Болгарией было связано с какими-то экстраординарными событиями на этих территориях, требовавших не только постановки в управление ими энергичных функционеров, но и расширения их полномочий. Причём как в большем территориальном охвате, так и привлечении широких административных и военных ресурсов» [Чхаидзе 2016: 20]. Я же указал на полнейшую голословность этого утверждения, так как ни единого примера расширения полномочий или территорий автор не привёл; я также разобрал ряд случаев, в которых добавление прилагательного «вся» однозначно является элементом стиля и никакой смысловой нагрузки не несёт [Zuckerman 2017: 323–325]. Ныне В.Н. Чхаидзе заявляет, что «мнение К. Цукермана» его «не убеждает», и повторяет свою позицию, но уже в следующей форме: «Мы уже отмечали, что на протяжении конца X – первой половины XII вв. существовало различие в обозначении территорий и областей на печатях их правителей. Так, появление приставки *πάσης* в случае с Западом, Востоком (или совместно с этими областями [? – *К.Ц.*]), Азией и Болгарией связано с какими-либо экстраординарными событиями на этих территориях, требовавших не только постановки в управление ими энергичных функционеров, но и расширения их полномочий» [Чхаидзе 2018б: 723]. Разумеется, ни единого примера экстраординарных событий или же особой энергии и широты полномочий чиновников, наделенных прилагательным «вся», автор и на сей раз не приводит, но не это важно. Внимательный читатель заметил, что последняя фраза из процитированного ранее

пассажа в новом варианте отсутствует и ни о каком «территориальном» смысле «приставки вся» речи больше нет. Это сюрприз приятный и даже не единственный.

Читателям этой заметки известен старый спор о локализации «Хазарии» печатей Олега-Михаила – в восточном Крыму или на азиатском Боспоре. Я и в ранее критиковавшихся работах, и в ныне критикуемой, приложил немало усилий к обоснованию и уточнению первой из этих двух локализаций. В.Н. Чхаидзе эти усилия не оценил, утверждая, что мои соображения «не дают ничего нового сверх уже рассмотренных версий» [Чхаидзе 2018а: 169]. Пусть так, ведь и в самом деле единственным воистину новым словом в давнем споре прозвучала позиция самого В.Н. Чхаидзе, экуменически раскинувшего «Хазарию» – на основании территориально-расширительного толкования прилагательного «вся»! – по обе стороны Керченского пролива. К этой локализации я, что греха таить, отнесся скептически. А потому мне было приятно процитировать выше определение домена Олега-Михаила, ныне принятое и В.Н. Чхаидзе: «Матраха, Зихия и часть Крыма», где третий элемент замещает «всю Хазарию». Последняя чётко размещается в Крыму, а на азиатском побережье (если свериться с трактатом «Об управлении империей») территория Матрахи смыкается с Зихией, не оставляя места ни для какой Хазарии. Так, устранив территориальную составляющую прилагательного «вся», В.Н. Чхаидзе втихую подправил и локализацию Хазарии. Ну, а уж вопросом о том, что же после всех перипетий его рассуждения дают в остатке «нового сверх уже рассмотренных версий», мы задаваться не будем.

Приведённые замечания подводят нас к основному положению моей статьи, касающемуся Тмутаракани. Чуть более полустолетия назад Г.Г. Литаврин впервые ввёл в научный оборот свидетельство Мануила Страворомана, автора панегирика Алексею Комнину, который приписывает императору восстановление византийской власти в районе Киммерийского Боспора. Г.Г. Литаврин справедливо отождествил Боспор Киммерийский с Тмутараканью, но ни он, ни позднейшие исследователи не связывали это достижение императора Алексея с возвращением в Тмутаракань Олега-Михаила. В самом деле, по летописи Олег вернулся в город в том же качестве, в каком он был из него изгнан, а именно русского князя, да и согласно его единственной известной к тому времени греческой печати – позднейшего, как мы теперь знаем, типа – он правил в Матрахе как архонт, то есть тот же князь. Поэтому строились теории о направлении Византией наместника в Матраху после отбытия Олега-Михаила в Чернигов в 1094 г. Теперь же, благодаря опубликованной А.А. Алфёровым печати, мы достоверно

знаем, что Олег был возвращен из византийского изгнания в Тмутаракань в 1083 г. не только при поддержке империи (об этом догадывались и ранее), но и как имперский наместник-дука. Отсюда следовало моё предложение соотнести свидетельство Мануила Страворомана о восстановлении византийской власти на Тамани с засылкой туда имперского дуки в лице князя Олега-Михаила.

Неистоимый на любезности в мой адрес, В.Н. Чхаидзе упрекает меня в «скептической оценке трудов Мануила Ставоромана [именно так!]; оказывается, «К. Цукерман искусственно притягивает его свидетельство к хронологии печатей Олега-Михаила (1083 – начало 1090-х гг.)» [Чхаидзе 2018б: 723–724]. Поскольку панегирик на русский не переводился, мне и в самом деле следовало пояснить, что он живописует деяния императора Алексея за весь период с его восхождения на престол (1081 г.) до составления текста (до 1098 г. или, по иной оценке, до 1103 г.). Весь срок пребывания Олега-Михаила в Тмутаракани входит в эти временные рамки. Таким образом, свидетельства панегирика и печатей смыкаются по времени независимо от моих аргументов. Можно при желании вообразить, что Алексей Комнин восстанавливал византийскую власть на Тамани неоднократно и что после ухода князя Олега из Тмутаракани в Чернигов он заслал туда ещё одного дуку или нескольких. Но ни в панегирике, ни вне его никаких намёков на это нет. Экономнее признать, что именно засылка реально засвидетельствованного дуки, Олега-Михаила, и являлась тем актом восстановления власти, который отмечает Мануил Стравороман. Важно подчеркнуть, что Олег-Михаил отбросил свой имперский титул задолго до того, как он покинул Тмутаракань: ведь именно печати его последнего типа, где отсутствует титул дука, получили наибольшее распространение. Ни о какой передаче им власти вновь назначенному византийскому чиновнику речи быть не может.

Появление византийского дуки на Тамани было преходящим эпизодом, тогда как во главе имперской администрации в Крыму, как военной, так и гражданской, в течение двухсот лет стоял стратиг Херсона. Во второй трети XI в. определение должности и ранг этого офицера меняются. Сначала появляется стратиг Херсона и Сугдеи, а затем офицер более высокого ранга, катепан. О херсонском катепане мы изначально были осведомлены лишь из летописного сообщения об отравлении им тмутараканского князя Ростислава в феврале 1067 г.; чего бы ни стоили обвинения летописца, эта дата вполне достоверна. Недавно опубликованная Н.А. Алексеенко печать, в целом современная летописной статье, обнаруживает и точный титул чиновника: катепан Херсона и Хазарии. Согласно летописи, херсониты побили камнями

своего катепана немного времени спустя после смерти князя Ростислава. А всего лишь лет 15 после гибели катепана, имперские власти переподчиняют часть ранее подконтрольной ему территории, а именно Хазарию (район Сугдеи), вновь назначенному дуке Матрахи (см. выше). Из этого я предложил сделать вывод, что преемник не поладившему с жителями Херсона катепану назначен не был и что империя сохранила на какое-то время власть лишь в восточной части его бывшего домена. В 70–80-е гг. XI в. Сугдея, где, по всей видимости, именно в это время функционировал собственный стратиг, была основным (если не единственным) опорным пунктом Византии в Крыму [Zuckerman 2017: 312–314, 327–328].

II. «Постфемный период».

Итак, в недавно опубликованной работе я подробно и поэтапно проследил исчезновение византийских институтов власти сначала в Херсоне (конец 60-х гг.), а затем на Тамани и попутно в Сугдее (конец 80-х гг.) в последней трети XI в. Нисколько не утрируя, скажу, что аргументы моих оппонентов сводятся к утверждению, что пусть институтов и не стало, но византийская власть осталась. Подобная ситуация, быть может, и возможна, но – и с этим напоминаям я обращаюсь к будущим участникам дискуссии – она не столь самоочевидна, чтобы её признавать априорно.

Любопытные соображения о путях осуществления византийской власти в Крыму в «постфемный период» высказал автор термина, В.П. Степаненко [Степаненко 2018]. Он с основанием указал, что с конца XI в. печати провинциальных чиновников столь редки, что их отсутствие в Крыму не явилось бы исключением. Правда, в Херсоне это явление отмечается ранее, уже в 60-е гг. (не буду вступать в полемику с автором о хронологии печатей имперских чиновников Крыма XI в.: мои аргументы он не рассматривает, а собственную хронологию не аргументирует), и мы наблюдаем не только исчезновение печатей, но и самих чиновников: убийство катепана восставшими горожанами, уход на Русь бывшего дукки. Но главное не в этом. В.П. Степаненко предлагает некую модель поддержания византийской власти в Крыму, основанную на идее «приватизации» провинциальной администрации членами клана Комниных и её осуществления при посредстве их собственных наёмных воинских дружин-этерий. Здесь нет надобности в обсуждении модели, достаточно задаться вопросом, каковы конкретные свидетельства о её применении в Крыму? Таковыми, по мнению автора, являются находки печатей шести византийских аристократов, датированных XII в. [Степаненко 2018: 714].

Я готов верить, что число подобных находок со временем удвоится, пусть даже и утроится, но какова их доказательная сила? Тот очевидный факт, что и после утери византийской администрации Крым и Тамань оставались в орбите империи, я подчеркнул в моей статье, разобрав известные об этом свидетельства. Как торговый центр, Херсон столь же зависел в XII в. от благоволения константинопольских властей, сколь и в начале XIII в. от властей Трапезунда. Константинопольский, затем Никейский патриарх продолжал рукополагать архиепископов на кафедры Крыма и Тамани, которые сохраняли связи с имперской средой и уж, наверное, получали из метрополии письма с печатями. Однако горстка печатей отнюдь не свидетельствует ни о засылке в Крым комниновских этерий (присутствие там имперских войск было и в лучшие времена редким исключением), ни о наличии поместий имперской знати, о которых в последнее время почему-то любят писать без малейшего указания на источники.

Часто цитируемая парадная титулатура Мануила Комнина включает претензию на власть во всем Северо-Восточном Причерноморье, однако она включает и Венгрию. Как я уже указывал, тот, кто желает использовать титулы Мануила как прямое свидетельство о политических реалиях, должен включить не только Херсон и Зихию, но также и Венгрию в границы Византийской империи. В энный раз цитируя титулы Мануила для определения имперских границ, В.Н. Чхаидзе [Чхаидзе 2018б: 724] пропускает моё замечание мимо ушей, как, впрочем, и всё мною сказанное по поводу источников XII в. Основывать утверждение о территориальной принадлежности Тамани к Византийской империи в XII в. на «зихском» титуле Мануила и на находке там печати Ефросинии Дукены, единственной за всё столетие [Чхаидзе 2018б: 725], по меньшей мере, несерьезно.

Закончу, однако, как я и начал, на положительной, конструктивной ноте. В своей уже не раз цитированной работе В.П. Степаненко, распространив власть над Крымом незримых комниновских этерий на весь XII в., признает, «что византийская Таврика после 1204 г. оказалась предоставлена сама себе». «Автономия бывших византийских владений в Таврике представляется [автору] несомненной», и «создается впечатление, что Таврика вернулась в эпоху автономных архонтий, где власть перешла в руки представителей городской и экс-фемной администрации» [Степаненко 2018: 715, 716]. Но, если признать, что таковое вообще возможно, то не логичней ли перенести переход власти в руки местных верхушек на чуть более столетия раньше, уже в конец XI в.? Именно с этого времени нотабли Херсона, Восточного Крыма и

Тамани налаживают взаимовыгодные отношения с имперскими властями, и важной задачей изучения «постфемного» периода станет конкретное определение этого *modus cohabitandi*. А идея о том, что ослабевшая империя осуществляла на местах какую-либо форму прямого военно-административного управления, пора бы уже и отбросить за отсутствием доказательств.

Библиография

- СТЕПАНЕНКО В.П. Византия и Крым в постфемный период (конец XI–XII вв.): к постановке проблемы // МАИЭТ. – Симферополь, 2018. Вып. XXIII. С. 712–720.
- ЧХАИДЗЕ В.Н. «Хазария» XI века: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). – М., 2016.
- ЧХАИДЗЕ В.Н. Восстановление византийской власти на Боспоре (последняя четверть XI в.) // X Международный византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». – Симферополь, 2018а. С. 167–172.
- ЧХАИДЗЕ В.Н. Византийская власть на Боспоре (последняя четверть XI – начало XIII вв.) // МАИЭТ. – Симферополь, 2018б. Вып. XXIII. С. 721–729.
- ZUCKERMAN С. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus // МАИЭТ. – Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 311–336.

В.Н. ЧХАИДЗЕ

Институт археологии РАН
(Москва)

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ПЛОМБЫ И ТЕССЕРА ИЗ ТАМАНИ

Большая часть печатей из Матархи (современная Тамань) принадлежит представителям имперской канцелярии, фемной администрации, церковным иерархам, частным лицам, что достаточно ясно показывает значение города как торгового и военно-административного центра на границе греческого и варварского миров [Чхаидзе 2015; 2018]. Вместе с этим здесь встречены и торговые пломбы, а также тессера.

Ранее уже публиковалась односторонняя пломба *коммеркиария* (Κομμερκιαρίφ), относящаяся к VIII в. На оборотной стороне пломбы проступает отпечаток ткани, в которую был вдавлен свинец [Чхаидзе 2015: 81, 82, № 41].

Еще одна односторонняя пломба, обнаруженная в 2018 г. на Таманском городище (Рис. 1), несет на внешней стороне выполненную двумя нестройными кругами надпись: внутренний круг: ΚΕΡΟΝ; внешний круг: ΚΟΝ|ΤΗ – Κ(ύρι)ε βοή(θη) Κον(σ)τ(α)ντή(νφ) – Господи, помоги Константину (или Константу).

Диаметр пломбы 30 мм. Аналогии не известны.

По эпиграфике пломба, без сомнения, является провинциальной и относится к VII–VIII вв.

Из Тамани происходит и тессера с метрической надписью (Рис. 2).

Аверс полностью затерт и легенду разобрать невозможно.

На реверсе продолжение надписи в три строки:

...ΤΑΙΣΚΑ|ΛΕΙCΥ|ΨΥΧΗ –

...τὰ ἰσκαλεῖ σὺ ψυχή – ... это зовет тебя, душенька.

Перед нами тессера с любовным письмом (для посетителей борделя?). Диаметр тессеры – 28 мм. Аналогии не известны.

Близкая тессера с надписью Τὲ καλὲ τὰ καλὰ πάντα. Πίε происходит из коллекции M.C. Soutzo (Румыния); она датирована IV–V вв. [Culcă 1966: 191, 194, fig. 1, 12; Barnea 1969: 33, № 24].

Библиография

ЧХАИДЗЕ В.Н. Византийские печати из Тамани. – М., 2015.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Византийские печати из Тамани (новые находки) // ТГЭ. – СПб., 2018. Том XCIV: Материалы и исследования отдела нумизматики. По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма». С. 46–55.

BARNEA I. Plombs byzantis de la collection Michel C. Soutzo // Revue des Études Sud-Est Européennes. – Bukarest, 1969. Tomul VII. № 1. P. 21–33.

CULICĂ V. Plumburi comerciale din cetatea romano-bizantină de la Izvoarele // Pontica. – Bukarest, 1975. Tomul 8. P. 215–262.

Рис. 1. Односторонняя пломба с Таманского городища.
VII–VIII вв. (увеличено).

Рис. 2. Тессера с метрической надписью из Тамани.
IV–V вв.? (увеличено).

О.В. ШАРОВ
Институт археологии РАН
(Москва)

К АТРИБУЦИИ ЗОЛОТОГО БРАСЛЕТА ИЗ НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ

Курган, в котором между 1798 и 1800 гг. был открыт золотой браслет, находился на берегу Таманского залива и был самым крупным по величине среди насыпей аллеи курганов второй столицы Боспора – Фанагории [Тункина, Застрожнова, Шаров 2018: рис. 2]. Благодаря детальному описанию и зарисовке Э.Д. Кларка, спустившегося в двухкамерный полуциркульный склеп, нам известна его конструкция и размеры [Clarke 1812: 528–531]. Согласно классификации Ю.А. Виноградова, большой склеп фанагорийского кургана, открытый Г. Ван дер Вейде, относится к самой ранней из известных на Боспоре гробниц «македонского типа» и датируется в пределах первой половины III в. до н.э. [Виноградов 2017: 192].

Именно в этом кургане III в. до н.э. был найден искомый золотой браслет, который был сразу же увезен Г. Ван дер Вейде в станицу Тамань. Начиная с XIX столетия, в отечественной историографии оформилось представление о фанагорийском погребальном комплексе с браслетом как о захоронении, совершенном в эллинистический период. Учёные второй половины XIX в. считали его тождественным по времени всему погребальному комплексу [Neumann 1855: 150; Гёрс 1898: 4–7]. Полуциркульный каменный двухкамерный склеп, чёрнолаковые сосуды и «витой браслет в виде змеи» не оставляли места для сомнений в такой датировке. Сегодня представляется совершенно очевидным, что золотой браслет принадлежал ко вторичному захоронению эпохи Великого переселения народов (конца IV – первой половины V вв. н.э.), совершенного как подзахоронение в насыпь кургана, или непосредственно в камеру эллинистического склепа. О локализации кургана в пространстве фанагорийского некрополя можно лишь гадать. Так как известно, что он был самым большим на берегу Таманского залива, то сложно определить, в какой из аллей курганов он находился.

Можно предположить, что это были или «Восточный», или «Западный» некрополи Фанагории, поскольку в них фиксируются как погребения III в. до н.э., так и более поздние захоронения, вплоть до эпохи Великого переселения народов [Ворошилов, Ворошилова 2015: 73].

Э.Д. Кларк зарисовал браслет и дал его первое описание: «Оно весит $\frac{3}{4}$ фунта и представляет из себя туловище змеи, изогнутое по эллипсу; две головы, изваянные на концах, оставляют достаточный промежуток для запястья руки или для лодыжки ноги. Рубины, служащие как для замены глаз, так и для украшения нижней части браслета, придают этим головам красоту; кроме того, на них имеются два ряда драгоценных камней; браслет ещё украшен рисунком, исполненным довольно грубо» [Clarke 1810: 398–399; Тункина, Застрожнова, Шаров 2018: рис. 3]. Генерал Г. Ван дер Вейде намеревался сразу отправить украшение в Императорский Кабинет Эрмитажа, но он попал туда в 1800 г., уже после его смерти; начальник всех инженерных и артиллерийских частей генерал А.И. Корсаков преподнёс браслет императору Павлу I, который передал его в Кабинет. Истории странствий данного предмета по отделам и отделениям Эрмитажа, ошибке записи о времени его передачи в учётной карточке хранения посвящены ряд статей [Тункина, Застрожнова, Шаров 2018: 142–144; 2018а: 375–380], поэтому мы не будем касаться здесь этих вопросов.

Перейдем к атрибуции браслета. В научной литературе первой его отнесла к эпохе Великого переселения народов ведущий специалист по сарматским и раннесредневековым древностям К.М. Скалон, которая была также и главным хранителем и учёным секретарём отдела Доклассового общества Эрмитажа, который позже, в 1940 году, был переименован в отдел истории первобытной культуры (ОИПК), а затем, в 1988 г. – в отдел археологии Восточной Европы и Сибири (ОАВЕ и С). К.М. Скалон впервые сделала подробное описание предмета: «браслет золотой из массивного золота с утолщающимися концами, оканчивающимися звериными головками с двадцатью пятью вставками гранатов на каждом конце и четырьмя пастовыми вставками. Восемь вставок имеют трещины. Две пастовые вставки утрачены, две сохранились не полностью. Материал и техника – золото, гранат, паста. Размеры – Н. б. д. 8,6. Вес – 239,26 г» (Рис.1,1). Разбирая тему драконов в ювелирном искусстве IV–V вв. н.э., исследовательница пишет следующее: «Образ фантастического драконовидного существа часто встречается на различного рода украшениях этого времени. В качестве примера приведём головки драконов, изображённые на золотом браслете из ст. Сенной на Тамани. Широкая оскаленная морда с большими клыками напоминает морду дракона из Каряжского городища. Здесь, как и на

кара-агачских фигурах, имеются две пары глаз. Поверхность браслета из ст. Сенной украшена вставками гранатов и чеканным геометрическим орнаментом. Крылья и уши изображены тонкими косыми линиями, как и на гривне, найденной в могильнике на Госпитальной улице в Керчи. Фигуры драконов из Кара-Агач связываются со всем кругом изделий выполненных в своеобразном «полихромном стиле», столь характерном для искусства сармато-аланских племён IV–V вв.» [Скалон 1962: 42, 43].

В 1994 году вышла монография крупнейшего отечественного специалиста по археологии эпохи Великого переселения народов Ирины Петровны Засецкой, ведущего научного сотрудника Эрмитажа отдела археологии Восточной Европы и Сибири, посвященная культуре кочевников южнорусских степей IV–V вв. н.э. В каталоге памятников была упомянута и наша находка: «Ст. Сенная. Тамань. Случайная находка 1854 г. Золотой браслет, украшенный на концах головами хищника, возможно, волка. Глаза, ноздри, уши и холка животного переданы вставками альмандинов в углубленных гнездах, или в ячейках, образованных перегородками, шерсть — волнистыми врезными линиями или кружками с точкой в центре. Диаметр браслета 8,6 см. Хр.: ГЭ. Инв. № 2070/1.» [Засецкая 1994: 173, 174, таб. XVIII, 1]. Золотой браслет из станицы Сенная упоминался неоднократно и другими исследователями в различных контекстах для иллюстраций типов находок горизонта гуннской эпохи [Bona 1991: 189, Abb. 72; Kazanski 1991; Ахмедов, Казанский, 2004: 168, 169; и т.д.].

Близкой аналогией к фанагорийскому браслету является золотой браслет, найденный в одном из погребений, открытых грабителями в Керчи. 24 июня 1904 года [Kazanski 1991: Fig. 2, 1; Засецкая 1993: 52, 53, № 82]. Вот его описание, сделанное И.П. Засецкой: «Браслет золотой. Диаметр 7,6 см. Инв. № 1820/560. Боспорская культура. Последняя четверть IV – первая половина V вв. н.э. Браслет литой, из круглого в сечении дрота. Концы моделированы в виде длинноухого, с оскаленной пастью, чудовища-дракона. Глаза переданы круглыми вставками граната в углубленных гнездах. Шерсть трактована косыми нарезками, кружочками, запятыми и V-образными линиями» [Засецкая 1993: 52, 53, № 82, Таб. 22] (Рис. 1, 3). В близком стиле сделана и золотая гривна из этого же склепа, которая является ближайшей аналогией керченскому браслету, по мнению И.П. Засецкой. Приведём также и её описание: «Гривна. Золото. Гранаты. Длина 51,5 см. Инв. № 1820/552. Боспорская культура. Последняя четверть IV – первая половина V вв. н.э. Гривна массивная, из гладкого круглого в сечении дрота, состоит из двух частей, соединённых шарнирным устройством. Концы гривны

моделированы в виде головы длинноухого зубастого чудовища-дракона. Глаза чудовища выделены вставками граната в углубленных гнездах. Шерсть обозначена косыми тонкими линиями, на носу – кружочками, зубы – глубокими прямыми нарезками» [Засецкая 1993: 50, таб. 24–77] (Рис. 1,4). Комплекс, открытый «счастливчиками» 24 июня 1904 г., имеет, несмотря на неизвестное число погребённых, весьма узкую дату: последняя четверть IV – первая половина V в. н.э. Эта дата имеет точное соответствие в системе европейской хронологической шкалы – фаза D₂ или горизонт «Унтерзибенбрунн» эпохи переселения народов. М.М. Казанский в одной из своих ранних статей назвал этот горизонт не просто горизонтом «Унтерзибенбрунн», а ввиду многочисленных ярких хроноиндикаторов данной фазы, происходящих из склепов Госпитальной улицы в Керчи, – горизонтом «Унтерзибенбрунн-Госпитальная» [Kazanski 1991: 125–127]. На основании приведенных выше данных, находку из некрополя Фанагории я отнес к фазе D₂ европейской хронологической шкалы.

Попытаемся более точно атрибутировать фанагорийский браслет и, возможно, даже уточнить дату его изготовления. Дело в том, что аналогии с золотым браслетом из склепов 24 июня 1904 года на Госпитальной улице в Керчи вполне закономерны и на это уже не раз обращалось внимание [Засецкая, 1993: 50–52], но существует и целый ряд серьезных и важных различий между ними.

Керченский браслет (Рис.1,3) литой, сделан из круглого в сечении дрота с концами, покрытыми пуансонным орнаментом в виде кружков. Он имеет, по описанию И.П. Засецкой, окончания в виде двух голов «длинноухих, с оскаленной пастью, чудовищ-драконов». При тщательном осмотре браслета оказалось, что браслет состоит из 3 частей: самого браслета и двух съемных наконечников, надетых на дрот. Головы «дракона» сделаны отдельно и затем были надеты и частично сверху припаяны к концам дрота. Для декора головы использованы две гранатовые вставки-кабошоны в углубленных гнездах на месте глаз. Хорошо видно, что напаянные/надетые окончания браслета украшены сверху тем же пуансонным орнаментом в виде кружков до самого основания головы. Наконечники заканчиваются вверху длинными, округлыми в сечении, дротами, олицетворяющими, по моему мнению, прижатые к спине рога. И.П. Засецкая полагала, что это длинные уши [Засецкая 1993: 51]. Работа по изготовлению и декору окончаний керченского браслета достаточно сложна, хотя проработка оскаленной пасти, бровей достаточно небрежна. У керченских «драконов» есть выступающие надбровные дуги, хребет между рогами, но нет ушей, ноздрей, зубы показаны гравировкой V-образными

штрихами, без выделения отдельных резцов или клыков. Волосяной покров обозначен грубой гравировкой косыми нарезками, а чешуя – пуансонным орнаментом в виде кружков. По наличию целого ряда признаков (оскаленная пасть с зубами, длинные рога, чешуя, возможная грива, хребет) данные окончания браслета могут с полным основанием называться головами драконов. Если применить к нашему материалу классификацию драконов, известную еще с эпохи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), то можно назвать такого дракона «цю-луном» или рогатым драконом, причем – жёлтый цвет металла делал его ещё и высшим в иерархии драконов – жёлтым драконом или «хуан-луном» - драконом, приносящим удачу и счастье¹.

Проанализируем также и гривну из склепов 24 июня 1904 г. (Рис.1,4). Окончания гривны из этого керченского комплекса лишь внешне напоминают наконечники браслета. Они также сделаны отдельно и надеты на массивный дрот. Для их крепления к гривне использована тонкая золотая полоска в виде хомута, прижимающая наконечники со всех сторон к дроту. На голове выделены глаза, зубы, брови, а также длинные уши, в которые, по моему мнению, мастер превратил при помощи гравировки такие же рога, как на браслете. Низ туловища покрыт косой штриховкой, а верхняя часть головы украшена тем же пуансонным орнаментом в виде кружков. Для обозначения глаз использованы миндалевидной формы гранаты-кабошоны в углублённых гнездах, над ними нависают сильно выступающие надбровные дуги, украшенные штриховкой. Оба изделия из керченского комплекса 24 июня 1904 г. (браслет и гривна) могли быть сделаны одним мастером, так как на керченских изделиях использованы одни и те же стили гравировки и пуансона, идентичные приёмы вставки камней в углубления, а не в напаянные гнезда, а также отдельное изготовление наконечников и надевание их на основу.

---

¹ С распространением (особенно с IV в. до н.э.) учения о пяти первоэлементах у син и соответствующей пятеричной классификационной системы появилось представление о драконах пяти цветов: хуан-лун – жёлтые, цин-лун – зелёные, чи-лун – красные, бай-лун – белые и сюань-лун – чёрные. В преданиях фигурируют, главным образом, цин-лун (символ востока) и хуан-лун, связанный с землей и центром. Драконы-лун различались и по внешнему виду: цзяо – чешуйчатые, ин – крылатые, цю – рогатые, чи – безрогие («Гуан я», «Описание изящного», III в. н.э.). Ван Чун («Лунь хэн» – «Критические рассуждения», I в. н.э.) сообщает, что художники его времени изображали луна с головой коня и хвостом змеи [Рифтин 2007: 506–511; Кравцова 2004: 383, 384; Терехов 2011: 344, 345].

Браслеты из женского погребения Унтерзибенбрунн (Рис.1,2) с гораздо меньшим основанием могут называться браслетами с окончаниями *в виде голов драконов*². Браслет сделан из массивного дрота и его концы украшены гравировкой косыми линиями и пуансонным орнаментом в виде кружков и точек. Гранатовые вставки-кабошоны вставлены в напаянные оправы, гравировкой слегка намечены линии пасти и ушей/рогов. Я полагаю, что считать окончания данного браслета головами драконов можно лишь условно.

Браслет из Фанагории (Рис.1,1) имеет совершенно иные морфологические и технологические признаки: очень богатый полихромный декор и разнообразный гравированный/пуансонный орнамент; во всём чувствуется достаточно тонкая работа мастера-ювелира или целой мастерской, где существовало разделение труда по видам работ. Браслет украшен двадцатью пятью вставками гранатов на каждом конце: из них 4 вставка – плоские пластины, 21 вставка – гранаты-кабошоны, а также четыре пастовые вставки для показа высоких надбровных дуг. С каждой стороны головы дракона напаяны по 4 каста для вставок гранатов, символизирующих глаза и уши. Количество зубов можно сосчитать в каждой пасти: клыки – 4 шт.; передние зубы – 8 шт. (4 сверху, 4 снизу); боковые – от 5 до 7 зубов на каждой стороне верхней и нижней челюсти. Глаза, брови, ноздри, уши и хребет с внешней стороны оформлены гранатовыми и пастовыми вставками, причём у каждого дракона показано при помощи гранатовых вставок по 4 глаза: два сбоку и два над верхней челюстью. На браслете 3 типа узора — *косые волнистые насечки* пуансоном (верхние боковые части браслета над туловищем и головой (длинные рога) и в области глаз); *чешуйчатый узор в виде полукруга с точкой пуансоном* (25–30 чешуек на каждом боку (чешуя)); *волнистые насечки* пуансоном (на внутренней поверхности браслета (живот)). Рога подчеркнуты с внешней стороны вставками гранатов в углубленные гнезда. Следует особо отметить, что все углубления для вставок были сформированы на модели, с которой отливался браслет. Головы драконов составляют единое целое с браслетом, центральная часть браслета не

---

² Ученый ханьского времени Ван Фу (王符, 78–163 гг.) записал описание дракона, согласно которому тот имеет девять анатомических подобий: люди рисуют дракона с головой лошади и змеиным хвостом. Далее, существует выражение, как «три соединения» и «девять подобий» (дракона). В направлении от головы к плечам, от плеч к груди, от груди к хвосту – это соединения. Девять подобий следующие: *его рога – как у оленя, его голова – как у верблюда, его глаза – как у демона, его шея – как у змеи, его брюхо – как у моллюска, его чешуя – как у карпа, его когти – как у орла, его подошвы – как у тигра, его уши – как у быка. На своей голове он имеет нечто, похожее на широкий выступ (большую глыбу), которая называется чиму (尺木)*. Если у дракона нет чиму, он не может подняться в небеса» [Рифтин 2007: 506-507; Терехов 2011: 334].

украшена орнаментом и плавно переходит в орнаментированную часть при помощи гравированных узоров [Тункина, Застрожнова, Шаров 2018a: рис. 4–7]. По наличию длинных рогов, прижатых к спине, хребта, чешуи, оскаленной пасти с клыками, ушам, надбровным дугам можно также атрибутировать фанагорийского дракона как «цю-луна» или рогатого дракона. При том, что и керченский, и фанагорийский браслеты изображают один образ – рогатого чешуйчатого дракона, различий в технологии их изготовления столько, что можно говорить не только о разных мастерских, но, вполне вероятно, и о хронологическом разрыве между ними. Существует ещё ряд отдаленных аналогий фанагорийскому браслету, проанализируем лишь некоторые из них.

Браслет из Киевского клада (Рис.1,5), при всех внешних различиях, имеет целый ряд признаков, которые есть на браслете из Фанагории, но совершенно нет на керченских браслете/гривне и на браслетах из погребения Унтерзибенбрунн. Золотой браслет из Киевского клада [Ахмедов, Казанский, 2004, рис. 1,1] с окончаниями в виде голов драконов инкрустирован многочисленными фигурными гранатовыми вставками. При изготовлении использованы также разнообразные виды гравировки и проработка пуансоном. Судя по наличию винтового замка – это ранневизантийская работа. Характер инкрустаций гранатами весьма близок изделиям горизонта Апахиды-Турнэ (периода D3 дунайской хронологии, 450–480/490 гг.). Центральные вставки сделаны в виде четырехгранных невысоких пирамидок, что сближает их с изделиями из Апахиды II [Ахмедов, Казанский 2004: 168, Рис. 1-1]. Следует подчеркнуть, что эти гранатовые четырехгранные пирамидки расположены именно в том месте между ушей, где у драконов должен быть широкий выступ, который называется «чиму», без которого он не может подняться в воздух. Если использовать также классификацию драконов, то вероятнее всего, перед нами «чи-лун» или безрогий дракон, умеющий летать, так как владеет «чиму». Возможно, многочисленные вставки в кастах в центральной части браслета символизируют его крылья.

Можно отметить сходство киевского браслета с фанагорийским по следующим признакам: многочисленные гранатовые вставки, подчёркивающие и выделяющие отдельные части тела, сочетание плоских вставок и вставок-кабошонов, близкий по стилю гравированный и пуансонный орнамент на значительной части туловищ драконов.

Отличия более существенны: киевский браслет полый и весит всего 56,5 г, имеет винтовой замок и шарнир; часть вставок гранатов имеет четкую огранку; все камни вставлены в специально напаянные касты; для декора браслета использованы более разнообразные по форме типы вставок. Киевский браслет несомненно сделан в столичной мастерской,

об этом говорит и винтовой замок с шарниром, и пирамидально ограниченные гранаты, и декор в виде сочетания камней-кабошонов и плоских пластинок в стиле «cloisonné».

Фанагорийский браслет по целому ряду признаков может быть отнесен к изделиям мастеров высокого ранга, но работающих по совершенно иной технологии: почти все камни вставлены не в касты или в напаянные пластинки-перегородки, а в литые углублённые пазы. Это совершенно разные технологии, причем технология вставок в литые касты восходит к ранним восточным образцам и для I–V вв. н.э. характерна для Аршакидского/Сасанидского Ирана, хотя встречается изредка и на античных памятниках, в частности, золотые браслеты, гривна и фибула из погребения Горгиппия 1975 года [Шаров 2011].

Таким образом, сравнительный анализ по морфологическим и технологическим признакам показал, что фанагорийский браслет кардинально отличается от керченских браслета/гривны почти по всем параметрам. Их связывает только «образ головы рогатого дракона» на концах украшений, который создан совершенно различными технологическими приёмами. То же самое можно сказать и о кардинальных различиях с браслетами из погребения Унтерзибенбрунн.

Фанагорийский браслет по ряду морфологических признаков ближе к киевскому браслету, но различия в технологии изготовления кастов (напаянный и литой), самих браслетов (полюй и цельный), наличие/отсутствие винтовых замков, шарниров, ограниченные/неограниченные гранаты – также не позволяют считать их близкими аналогиями. Тем не менее, по целому ряду морфологических признаков, фанагорийский браслет все же ближе к изделиям фазы D₃, чем к изделиям фазы D₂, к которой относятся украшения из Керчи и Унтерзибенбрунна. Можно ли отнести его к переходной фазе D₂/D₃ (430/440–470/480 гг.) или он все же датируется фазой D₂ – покажет время. Хорошо известно, что не все морфологические изменения в декоре ювелирных украшений, а также разные технологические приёмы носят хронологический характер, они могут объясняться и разными мастерскими, работающими в разных традициях, *но в одно и то же время*. Все приведенные выше для аналогий браслеты и гривны объединяет одно – образ дракона, украшавший их окончания. Вполне возможно допустить, что для владельца браслета/гривны было важно, какой именно *дракон* «оберегает его и приносит ему удачу и счастье»³.

---

³ Не стоит забывать, что в IV–V вв. южные хунну основали на территории Северного Китая свои государства: Северная Хань (304–318); Ранняя Чжао (318–329); Поздняя Чжао (319–351); Северная Лян или Хэси (397–439) и Ся (407–431), где, как и во всем Китае, символика изображений различных типов драконов для сановников двора Императора Поднебесной была крайне важна.

Фанагорийский браслет уникален и неповторим, как и керченские браслет с гривной: эти ювелирные изделия сделаны в одном экземпляре/комплекте разными мастерами, чего нельзя сказать о многочисленных шарнирных браслетах фазы D₃ с винтовым замком, к которому относится браслет из Киева [Ахмедов, Казанский 2004: 168, 169, рис. 1]. Пробы металла, спектральный анализ каменных вставок и цементной пасты под ними могли бы помочь в ответах на многие высказанные выше вопросы, но это уже дело будущих исследований.

Библиография

- АХМЕДОВ И.Р., КАЗАНСКИЙ М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Труды ИИМК. – Санкт-Петербург, 2004. Т. XI. С. 168–202.
- ВИНОГРАДОВ Ю.А. Культура боспорской элиты при Спартокидах // БИ. – Керчь, 2017. Вып. XXXIV. С. 112–216.
- ВОРОШИЛОВ А.Н., ВОРОШИЛОВА О.М. Золото в некрополе Фанагории // Фанагория / М.Ю. Трейстер (ред.). – М., 2015. Т. 2. Золото Фанагории. С. 29–76.
- ГЁРЦ К.К. Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с конца XVIII в. до 1859 года. – Санкт-Петербург, 1898.
- ЗАСЕЦКАЯ И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н.э. // МАИЭТ. – Симферополь, 1993. Вып. III. С. 23–104.
- ЗАСЕЦКАЯ И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). – СПб., 1994.
- КРАВЦОВА М.Е. История искусства Китая. – СПб., 2004.
- РИФТИН Б.Л. Лун. Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5-ти томах. – М., 2007. Т. 2. Мифология. Религия. С. 506–511.
- СКАЛОН К.М. Изображение дракона в искусстве IV–V веков // Сообщения Государственного Эрмитажа. – СПб., 1962. Вып. 22. С. 40–43.
- ТЕРЕХОВ А.Э. Три аспекта ханьских представлений о драконах (лун) // XLI научная конференция «Общество и государство в Китае». – М., 2011. С. 334–352.
- ТУНКИНА И.В., ЗАСТРОЖНОВА Е.Г., ШАРОВ О.В. Золотой браслет Г. Ван дер Вейде из некрополя Фанагории // Фанагория: Результаты археологических исследований / Ред. В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин. – М., 2018. Т. 7: Материалы по археологии и истории Фанагории 4. С. 142–155.
- ТУНКИНА И.В., ЗАСТРОЖНОВА Е.Г., ШАРОВ О.В. Первое золото Фанагории: браслет Ван Дер Вейде // Stratum plus. Кишинев; Санкт-Петербург; Бухарест, 2018а. № 4. Archaeology and Cultural Anthropology. С. 371–383.
- ШАРОВ О.В. К вопросу о «сарматской» знати на Боспоре в позднеримскую эпоху // Материалы и исследования по археологии юга России. – Ростов-на-Дону, 2011. Вып. 3. Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. С. 426–453.
- BÓNÁ I. Das Hunnenreich. – Budapest; Stuttgart. 1991.

CLARKE E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Pt. 1. Russia Tartary and Turkey. – London, 1810. Vol. 1.

CLARKE E.D. Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie, etc. –Paris, 1812. Vol. 1.

KAZANSKI M. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au Bas-Empire // Travaux et Mémoires. – Paris, 1991. Vol. 11. P. 487–526.

NEYMANN K. Die Helennen im Scythenlande. // Ein Beitrag zur alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte. – Berlin, 1855. Bd. I.

Рис. 1. Золотые браслеты с драконьими головами:

1 – браслет из Фанагории; 2 – браслет из погребения Унтерзибенбрунн;

3 – браслет из склепов 24 июня 1904 г., Керчь;

4 – гривна (фрагмент) из склепов 24 июня 1904 г., Керчь;

5 – браслет из Киевского клада.

В.Ю. ЮРОЧКИН

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

«НОРМАННСКАЯ ТЕОРИЯ» И «ГОТСКИЙ ВОПРОС»

В резолюции известной Объединённой научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук СССР по вопросам истории Крыма 1952 г. среди прочего есть и такой пункт: на «основе глубокого изучения разоблачать фальсификацию истории готов, как варианта реакционной норманнской теории» [Юрочкин, Майко 2017: 224]. На первый взгляд, две совершенно далёкие друг от друга темы: происхождение русской государственности и правящей династии и неудобный факт пребывания в средневековом Крыму дальних потомков древних германцев. Это требует пояснения, которое кроется в отечественной историографической традиции.

Так называемая «норманнская теория» – явление сугубо отечественное. Зародившись во времена М.В. Ломоносова, она вышла за пределы академической науки и стала фактором общественной жизни, своего рода тестом на культурно-политический выбор мировоззрения соотечественников. Данный феномен достаточно полно характеризует известная монография Л.С. Клейна [Клейн 2009].

В сочинениях историков конца XVIII – первой половины XIX вв. история крымских готов никак не соприкасалась с пресловутой «норманнской теорией» [Юрочкин 2017: 16–106].

В российском обществе повышенный интерес к проблеме с особой силой проявился после публичного диспута между М.П. Погодиным и Н.И. Костомаровым, состоявшегося в Петербургском университете в 1860 г. [Клейн 2009: 26–28] (см.: Рис. 1).

Что же касается Крыма, то здесь триггером стала дискуссия вокруг так называемой «Записки готского топарха» (Таврического Анонима).

Сейчас хорошо известно, что этот «документ» был сфальсифицирован его «первооткрывателем» К. Газе в начале XIX в. [Медведев 2003]. Надо полагать, её автор и не помышлял, какую «мину замедленного действия» он закладывает под «готский вопрос».

Для отечественных историков в «Записке...» особенно интригующим выглядел пассаж о некоем единстве «в обычаях» между жителями Крымских Климатов (Готии) и «царствовавшим к северу от Дуная» (русским князем). Вывод напрашивался сам собой, раз крымские готы – германцы, то и князь Руси также имеет корни в германском (норманнском) мире.

Первым эту тему поднял С.А. Гедеонов, принадлежавший к «умеренным антинорманнистам». Топарха он считал греком (византийцем), жителей Климатов – русами (тавроскифами), а следствием этих событий полагал появление во времена Святослава Тмутараканского княжества [Гедеонов 1862].

Вскоре откликнулись и «норманнисты», в частности Н.П. Ламбин. Признавая идею Тмутараканской (Черноморской) Руси, он переносил события во времена Олега, которого называл варягом, считая, что сам поход норманнского князя в крымские Климаты был предпринят с целью «освобождения из-под греческой власти своих соплеменников готов-тетракситов» около 893 г. Следовательно, «под названием варваров разумеется наша норманнская Русь, а под именем подвластных грекам негреческих обитателей Тавриды нельзя не разуметь готов-тетракситов; ибо, во-первых, кроме них, история не знает в Тавриде никаких других иноплеменников, подвластных греко-херсонскому правительству, и, во-вторых, никакие другие обитатели Тавриды не могли сходствовать своими обычаями с норманнскою Русью и её предводителем» [Ламбин 1874: 82, 93].

Позиция Н.П. Ламбина относительно событий «Записки...» сразу же вызвала критику со стороны известного славянофила Д.И. Иловайского, изложившего свои взгляды в журнале «Русская Старина» за 1874 г. В варварах – жителях Климатов, он предлагал видеть не готов, а гуннов, причисляя их к болгарам и считая последних изначально славянским племенем, т.е. фактически «населял» Крым уже в тот период славянами [Иловайский 2002: 463–466].

Не сомневался в германском происхождении князя русов и крымских готов и А.А. Куник, опубликовавший своё сочинение под названием «О записке Готского топарха». В нем он представил один из первых очерков истории Таврической Готии [Куник 1874].

Аналогичной версии придерживался и Ф.К. Брун, предпринявший развёрнутое историческое исследование о крымских готах [Брун 1874]. Крымско-готская парадигма Куника-Бруна стала основой для дальнейших исследований в области «готского вопроса» и сохранялась как минимум до начала XX в.

Скорее всего, если бы история Крымской Готии не соприкоснулась с историей Руси, то она вряд ли бы заняла подобающее место в тогдашней отечественной исторической науке.

В этот период предпринимались и первые попытки поиска готских артефактов в Причерноморье. Так П.О. Бурачков в тамгообразных сарматских знаках видел разновидность рунической письменности [Бурачков 1875].

Похоже «антинорманнисты» полагали: если доказать отсутствие в Крыму готов во времена Руси, то и вопрос о варяжском происхождении «русского князя» отпадёт сам собой. Эту мысль проводил В.Н. Юргевич. Учёный был столь категоричен, что даже причислил известный «словарь О. Бусбека» к «немецко-еврейскому» наречию [Юргевич 1886: 8]. С другой стороны, А.С. Будилович допускал готское происхождение слова «Русь» [Будилович 1890].

Противостояние, хотя уже и не столь активное, продолжалось и далее. Впоследствии позиция «антинорманниста» Н.П. Кондакова оказала влияние на этнокультурную атрибуцию и проблему происхождения так называемого «готского стиля» в ювелирном искусстве эпохи Великого переселения народов. В частности – его тезис о восточном (аланском) происхождении инкрустационного стиля, воспринятый М.И. Ростовцевым и ставший популярным в СССР с конца 20-х гг. XX в. в связи с политизацией вокруг «готского вопроса» [Юрочкин 2017: 149–309].

Таким образом, во второй половине XIX в., по недоразумению «готский вопрос» попал в орбиту пресловутой «норманнской теории», отношении к которой в обществе постоянно менялось, особенно в советский период. «Записка...» К. Газе неожиданным образом проявила себя в конце 20-х гг. XX в. в связи с поисками Н.И. Репниковым «нового Дороса» на Эски-Кермене. Эта история, наполненная драматическими и даже трагическими событиями, в итоге косвенным образом привела к переустройству всей археологической науки в СССР [Непомнящий 2012: 26–125; Юрочкин 2017: 246–310], но она уже не имела непосредственного отношения к «норманнской теории».

Политизация «готского вопроса» особенно обострилась после окончания Великой Отечественной войны и освобождения Крыма, на который немецко-фашистские захватчики предъявляли права, в том числе, используя тему германских древностей [Кизилов 2015: 235–254; Юрочкин 2017: 327–344]. В противовес, на фоне патриотического подъёма, сначала в краеведческо-педагогической, а затем и в научной среде Крыма получила распространение идея присутствия в средневековом Крыму мощного славянского анклава, восходящего ещё к скифской эпохе [Юрочкин, Майко 2017]. Показательно, что В.П. Бабенчиков, первым в послевоенном Крыму подготовивший критическую статью по «готскому вопросу» (правда, не опубликованную), в заочной полемике использовал множество аргументов «антинорманистов» прошлого столетия, в частности В.Н. Юргевича [Юрочкин 2018]. В советскую эпоху антипатриотичная «норманнская теория», декларированная «буржуазными учёными», и все с ней связанное, стало жупелом в исторической науке и подлежало только суровой критике. В выработке резолюции Сессии 1952 г. активное участие принимали московские учёные, безусловно, знакомые с рассмотренной выше историографической традицией (к тому времени «Записка Газе» ещё не была разоблачена), в которой сплелись воедино «норманнская теория» и «готский вопрос». Вероятно, именно с их подачи этот пункт и был включён в упомянутой редакции. После разоблачения в 1970 г. И.И. Шевченко «Записки...», вынесенная в заголовок проблема исчезла сама собой, но сформировавшаяся в этой связи историографическая традиция оставила глубокий след в истории изучения «готского вопроса».

Библиография

- БРУН Ф.К. Черноморские готы и следы долгого пребывания их в Южной России // Записки Императорской Академии наук. – 1874. Т. 24. Кн. 1. С. 1–60.
- БУДИЛОВИЧ А.С. К вопросу о происхождении слова Русь // Труды VIII археологического съезда в Москве в 1890 г. – М., 1897. Том. IV. С. 118–119.
- БУРАЧКОВ П.О. О памятниках с руническими надписями, находящихся на юге России // ЗООИД. – 1875. Т. IX. С. 192–194.
- ГЕДЕОНОВ С.А. Отрывки из исследований о варяжском вопросе // Записки Императорской Академии наук. – 1862. Т. 1. Кн. 1 (2). Прил. № 3. С. 1–127.
- ИЛОВАЙСКИЙ Д.И. Начало Руси («Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю»). – М., 2002. С. 463–466.
- КИЗИЛОВ М.Б. Крымская Готия. История и судьба. – Симферополь, 2015.
- КЛЕЙН Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. – СПб., 2009.
- КУНИК А.А. О записке Готского топарха: по поводу новых открытий о Таманской Руси и крымских готах // Записки Императорской Академии наук. – 1874. Т. 24. Кн. 1. С. 61–160.
- ЛАМБИН Н.П. О Тмутараканской Руси. Отрывок из сочинения: «Опыт восстановления и объяснения Несторовой летописи» // Журнал Министерства народного просвещения. – 1874. № 1. С. 58–95.
- МЕДВЕДЕВ И.П. К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Кайдана. К 80-летию со дня рождения. – СПб., 2003. С. 160–172.
- НЕПОМНЯЩИЙ А.А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения // Биобиблиография крымоведения. – Киев, 2012. Вып. 15.
- ЮРГЕВИЧ В.Н. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 году // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1886. Т. 14. С. 5–11.
- ЮРОЧКИН В.Ю. Готский вопрос. – Симферополь, 2017.
- ЮРОЧКИН В.Ю. Первая послевоенная статья о крымских готах (неизданная рукопись В.П. Бабенчикова) // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции «Военно-исторические чтения». – Симферополь, 2018. С. 176–182.
- ЮРОЧКИН В.Ю., МАЙКО В.В. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. – СПб., 2017. Глава 8. С. 157–231.

Рис. 1. Диспут по «варяжскому вопросу». Шарж. 1860 г.

Т.Ю. ЯШАЕВА

Государственный музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

ЭНКОЛПИОНЫ БАЛКАНО-ДУНАЙСКОГО ТИПА ИЗ РАСКОПОК ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Наряду с сиро-палестинскими и древнерусскими энколпионами в византийском Херсоне раскопками выявлены складни балкано-дунайского производства. Они отлиты из медного сплава (визуальный осмотр), имеют незначительно варьирующие средние размеры, слегка расширяющиеся прямые концы, укороченные боковые ветви.

Иконографическая программа стандартная: на лицевой створке изображено Распятие; Христос с прямыми руками, как правило, в длинном колобии, реже в препоясании, над головой и под ногами Спасителя погрудные изображения святых (вероятно, евангелистов), под руками – оплечные изображения предстоящих; на оборотной створке – Богоматерь Оранта в длинном хитоне с погрудными изображениями святых на концах ветвей.

Представляемая ниже выборка херсонских энколпионов рассматриваемого типа состоит из восьми экземпляров, из которых четыре находятся в коллекции Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (№ 1–4), три – в собрании Государственного Исторического музея (№ 5–7) и один – в собрании Государственного Эрмитажа (№ 8).

1. ГМЗХТ, инв. № 60, 70/36696.

Энколпион (целый). Размеры¹ : 6,0 x 3,7 см (Рис. 1).

Изображения на обеих створках низкорельефные, затёртые, нечёткие, без детализовок; вероятно, отливка была сделана в глиняной форме. Внутренняя поверхность створок гладкая.

---

¹ Размеры всех энколпионов даны без учета оглавия и петель.

Происхождение: из раскопок В.И. Кадеева в Портовом районе Херсонеса в 1965 г. [Кадеев 1965: 70].

Публикуется впервые.

2. ГМЗХТ, инв. № 5281.

Фрагмент лицевой створки энколпиона с изображением Распятия.

Сохранившиеся размеры: 4 x 3,8 см (утрачена нижняя ветвь).

Изображение низкорельефное, затёртое, без детализировок; вероятно, отливка была сделана в глиняной форме. На внутренней поверхности створки неглубокие негативные отпечатки рельефа.

Происхождение: из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Публикуется впервые.

3. ГМЗХТ, инв. № 3035.

Оборотная створка энколпиона с образом Богоматери Оранты.

Размеры: 6,6 x 4,0 см. Изображения рельефные, лица затёртые, подчёркнуты складки хитона. На внутренней поверхности створки глубокие негативные отпечатки рельефа.

Происхождение: из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Публикуется впервые.

4. ГМЗХТ, инв. № 3034.

Фрагмент лицевой створки энколпиона с изображением Распятия.

Сохранившиеся размеры: 4,7 x 3,9 см.

Изображения чёткие, складки колобия глубоко прочерчены. На внутренней поверхности створки неглубокие негативные отпечатки рельефа.

Происхождение: из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Публикуется впервые.

5. ГИМ, 18880 № 181.

Лицевая створка энколпиона с изображением Распятия.

От других экземпляров данный энколпион отличается более крупными размерами: 6,6 x 4, 5 см.

Изображения рельефные, с детализировкой; на колобии Христа глубокие вертикальные складки. На внутренней поверхности створки негативные отпечатки рельефа.

Происхождение: из раскопок 1899 г.

Издана [Асташева, Петрова, Сарачева 2013: 149, № 21].

6. ГИМ, ов 252.

Энколпион (цельный). Размеры: 6,8 x 4,1 см.

На лицевой створке рельефное изображение Распятия. На колобии Христа и хитоне Богородицы выражены вертикальные складки. Оглавие традиционной формы, утраченное ещё в древности, заменено круглой проволокой со скрученными концами. На внутренних поверхностях створок негативные отпечатки рельефа.

Происхождение: из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича

Издан [Асташева, Петрова, Сарачева 2013: 149, № 22].

7. ГИМ, ов 253.

Энколпион (цельный). Размеры: 6,0 x 3,8 см.

Христос изображён в препоясании, руки прямые, удлиненные (касаются концов креста). Изображения низкорельефные, затёртые. Внутренняя поверхность створок гладкая. Оглавие цилиндрической формы с тремя поперечными узкими рельефными валиками.

Происхождение: из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Издан [Асташева, Петрова, Сарачева 2013: 150, № 24].

8. ГЭ. № x 217.

Оборотная створка энколпиона с рельефным изображением Богоматери Оранты в рост. Размеры: 7,7 x 3,9 см.

Изображения чёткие, с выраженной детализировкой.

Происхождение: поступила в ГЭ в 1914 г.

Издана [Залесская, 1988: 97, рис. 5].

К сожалению, практически все энколпионы в представленной выборке не имеют археологического контекста. Единственный экземпляр (№ 1; см. Рис. 1), происходящий из культурного слоя, выявлен в 1965 г. В.И. Кадеевым при раскопках Портового района в верхнем горизонте подвального помещения № 60 «недалеко от [его] северного угла» [Кадеев 1965]. Слой образовался в результате обрушения в подвал верхней жилой части дома во время пожара XIII в. Как отмечает автор раскопок, в слое пожара встречено ещё два целых энколпиона. Оба складня прямоконечные, со слегка расширяющимися концами и гравированными изображениями. На лицевой створке одного из энколпионов гравированное изображение Распятия с монограммой Христа, на оборотной – Богоматерь Оранта с соответствующей греческой монограммой. На лицевой створке второго складня изображен св. Георгий с пояснительной греческой надписью; оборотная створка декорирована циркульно-геометрическим

орнаментом, в средокрестье расположено круглое гнездо для вставки камня или воскомастики с частицами мощей.

Рядом с энколпионами находились фрагменты стеклянных лампадок и проволоочной цепи для их подвешивания, в то время как в другом месте «лежало несколько кувшинчиков и вазочек, упавших, по всей видимости с другой полки» [Кадеев 1965: 59]. В этом же помещении были найдены фрагменты бронзовой кадьльницы и застежка книги в виде бронзового кинжалчика. Условия находки позволяют предположить, что энколпионы с мощами находились в специально отведенном месте дома (возможно, в северном углу) и перед ними зажигалась лампада. Наличие предметов церковной утвари может свидетельствовать о принадлежности усадьбы духовному лицу.

Энколпионы публикуемого типа встречаются в разных центрах, но наибольшее количество приходится на Балкано-Дунайский регион, с которым исследователи связывают их производство в X–XI и XI–XII вв. [Pitarakis 2006: 225–230, nr. 129–149; Атанасов 2007: табл. XX, LXII; Дончева-Петкова 2011: 137–142, кат. №№ 318–363, табл. LXXVIII–XC; Пескова 2007: 276]. В Херсоне рассматриваемые энколпионы присутствуют в слоях XIII в., что можно объяснить в одних случаях их длительным бытованием, в других – отливкой местных копий с наиболее популярных ранних экземпляров в поздневизантийский период.

Отметим, что в Херсоне это не единственные предметы личного благочестия балкано-дунайского происхождения. В X в. в северный форпост Византийской империи была привезена из Велико Тырнова керамическая глазурованная иконка-евлогия св. Елизаветы [Залеская 1998: 45–47], что позволяет предполагать не только торговые, но и религиозные контакты между этими регионами.

Библиография

- АСТАШЕВА Н.И., ПЕТРОВА Л.А., САРАЧЕВА Т.Г. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. – М., 2013.
- АТАНАСОВ Г. Християнският Дуросторум-Днестър. Доростоолската епархия през Късната античност и Средновековието IV–XIV в. История, археология, култура, изкуство. – Варна; Велико Търново, 2007.
- ДОНЧЕВА-ПЕТКОВА Л. Средновековни кръстове - энколпиони от България (IX–XIV в.). – София, 2011.
- КАДЕЕВ В.И. Отчет о раскопках центра Портового квартала Херсонеса в 1965 году // Отчет объединенной экспедиции Херсонесского государственного музея, Уральского государственного университета, Харьковского государственного университета о раскопках в Херсонесе в 1965 г. // Научный Архив ГМЗ «Херсонес Таврический». Д. 1189.
- ЗАЛЕССКАЯ В.Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X– XII вв. // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв. Сборник статей. – Л., 1988. С. 93–104.
- ЗАЛЕССКАЯ В.Н. Преславская икона в Херсонесе // Византийское государство в IV–XV веках. Центр и периферия. Тезисы докладов XV Всероссийской научной сессии византинистов. – Барнаул, 1998. С. 45–47.
- ПЕСКОВА А.А. Памятники культового литья Балкано-дунайской традиции в древнем Новгороде // У истоков русской государственности. – СПб. 2007. С. 268–279.
- PI TARAKIS B. Les croix-reliquaires pectorales byzantines en bronze. – Paris 2006.

Рис. 1. Энколпион балкано-дунайского типа из Портового района византийского Херсона (ГМЗХТ, инв. № 60, 70/36696).

**XI Международный
Византийский семинар**

**ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:
ИМПЕРИЯ И ПОЛИС**

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Ответственный редактор Н.А. Алексеенко

Перевод на английский язык Н.И. Храпунов
Корректоры В.А. Нессель, К.С. Ушакова
Компьютерная верстка Н.А. Алексеенко
Подписано в печать 05.04.2019. Формат 60x84 1/16
Гарнитура Times. Учетно-издательских листов 17,6
Тираж 150 экз.
Заказ № 19

Оригинал-макет изготовлен ФГБУН
«Институт археологии Крыма РАН»
295007, Симферополь, пр. Вернадского, 2.
ОГРН 1159102130660 от 05.12.2015
Тел.: + 7 (3652) 549 116
E-mail: arc.crimea2@gmail.com

ООО «Колорит»
ОГРН 1169204061454 от 18.11.2016
299011, Севастополь, ул. Ленина, 28
Тел.: (8692) 54-31-46
E-mail: colorit.ooo2016@yandex.ru